

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Материалы V Всесоюзной конференции

(Москва, июнь 1990 г.)

І. ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ, ГРАФИКА

А.Н.Алексахин (Москва)

ИНСПИРАТОРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ШАНХАЙСКОГО И МЭЙСЯНЬСКОГО ДИАЛЕКТОВ И ИХ ФОНЕТИЧЕСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ— РЕТРОФЛЕКСНЫЕ ГЛАСНЫЕ — В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПЕКИНСКОГО ДИАЛЕКТА

Изучение живых фонетических систем китайских диалектов является одной из задач типологического исследования фонетико-фонологической системы китайского языка. Построение типологической теории фонологической системы китайских диалектов, вероятно, возможно на основе сравнения сильно-контрастных живых фонетических систем китайских диалектов. Эвристическая ценность типологической теории в том, что она предполагает объяснение того "почему это существует" (Ю.В.Рожественский, 1969). И это объяснение достигается без невольного привнесения категорий и правил, выведенных на материале языков иной типологии.

Основой фонетической системы любого языка является согласно-гласная коартикуляция, реализующая фонологические оппозиции данной фонологической системы, а потому определяемая как ядерная, или производящая. Согласно-гласная производящая оппозиция, генетически базируясь на системообразующих свойствах^І левого и правого членов СТ коартикуляции, задаваемых родовыми (видовыми) параметрами артикуля-

^І Общетеоретическую разработку системообразующих, системоприобретенных и системонейтральных свойств элементов системы языка см. (В.М.Солнцев, 1971).

ционно-акустического пространства речевого аппарата человека (таким энергетическим пространством выступает раствор челюстного угла, по закону симметрии структурированный на левую и правую подсистемы относительно нулевого своего состояния $-I < 0 < +I$ — А.Н.Алексахин, 1987), исторически характеризуется системоприобретенными свойствами согласных и гласных фонем данной фонетической системы, проявляясь наиболее рельефно в особенностях слоговой коартикуляции в звуковых цепочках слов данного языка. Поэтому в слоговой согласнo-гласной коартикуляции данной фонетической системы может функционально значимо проявиться только то, что задано системоприобретенными свойствами фонем соответствующей фонологической системы. Систоmоприобретенные свойства речевых звуков, фонемы, исторически познаются прежде всего изнутри данной системы и характеризуются типологически. Вот почему так важно изучать китайскую фонетическую систему изнутри, типологически. В нашем случае это означает изучение контрастных фонетических систем пекинского (ПД), шанхайского (ШД) и мейсяньского (МД) диалектов (контрастных настолько, что взаимное общение без посреднической фонетической системы между носителями этих диалектов невозможно), синхронные состояния которых отражают многовековую эволюцию китайской фонетической системы.

Вместе с тем сравнение типологических характеристик китайской фонетической системы, будучи адекватно определены изнутри, с фонетическими характеристиками языка иной типологии (например, русского) позволяет углубить представление о системообразующих универсальных свойствах основных категорий звуков речи — согласных и гласных, определив первые как нечетные (левые) смычки, а вторые как четные (правые) смычки. Правая смычка (гласные) осуществляется чередованием смычки и раствора голосовых связок. Сравнение же гласных русского и китайского языков показывает, что типологической особенностью китайских гласных является их дифференциация по признаку градуально структурированных топпроизводящих масс четных смычек, т.е. эффективных масс голосовых связок. Аналогичные им сильные ударные в русском

языке по этому признаку не различаются, или системонеит-
ральны.

Анализ трехфазовости смычки с точки зрения универсаль-
ного закона инерции показывает, что согласные, как и глас-
ные, артикуляторно не могут производиться без третьей фазы
артикуляционного движения - рекурсии. При различных случа-
ях аккомодации артикуляций соседних согласных и гласных
рекурсия предшествующего согласного может взаимодейство-
вать с экскурсией последующего гласного, но рекурсия как
составная часть артикуляционного движения не может исчезать.
Допущение исчезаемости части артикуляционного движения
противоречит закону о неуничтожаемости движения при всех
процессах, происходящих в природе. Искусственное произне-
сение слов сун, суд, сук без размыкания смычки при артику-
ляции финальных согласных возможно благодаря акустической
проницаемости стенок надсвязочных резонаторов и требует
дополнительных затрат произносительной энергии именно на
противоестественное осуществление третьей рекурсионной фа-
зы смычных согласных в этих позициях и поэтому доказывает
не возможность имплозивных согласных, а скорее, наоборот,
их невозможность, или как сознательное, т.е. стилизованное
произнесение. Поэтому описание конечнослоговых звуков сло-
гов отрывистых или входящих тонов в южнокитайских диалек-
тах, в частности в МД и ШД, как имплозивных (лишенных тре-
тьей рекурсионной фазы артикуляционного движения) соглас-
ных -р, -т, -к оказывается проблематичным и требует допол-
нительного, внутрисистемного рассмотрения, исходя из типо-
логически существенных характеристик этих фонетических
систем. Фонетические характеристики (образование при вдохе,
т.е. инспирации, создание в артикуляции эффективных
тонопроизводящих масс соответствующих связочных укладов,
укорачивание звучания слога) конечнослоговых звуков отры-
вистых (кратких) слогов в МД и ШД, а также фонологические
характеристики этих звуков (участие в тоновых оппозициях
в сериях и включенность в тоновые корреляции, формирование
в отрывистых слогах сильной позиции тонально противопо-
ставленных кратких звуков, перед которо. на основе регрес-

сивной диссимилиации происходит нейтрализация родственных тоновых оппозиций всех плавных (долгих) гласных и распадаются все тоновые корреляции плавных гласных вокализов МД и ПД) позволяют определить их как звукотип инспираторных узких гласных (А.Н.Алексахин, 1987).

В МД как наименее редуцированной по сравнению с ПД фонетической системе инспираторные представлены в трех рядах: переднем, центральном и заднем, например, $\text{ɿ} \sim \text{ɿ}^{45}$ "язык", $\text{ɿ} \sim \text{ɿ}^{45}$ "камень", $\text{ɿ} \sim \text{ɿ}^{45}$ "переговариваться". В ПД инспираторные сохранились только в центральном ряду: $\text{ɿ} \sim \text{ɿ}^{1,2}$ "камень", $\text{ɿ} \sim \text{ɿ}^{55}$ "убивать". В ПД инспираторные гласные упали во всех рядах (в традиционной китайской фонетике падение инспираторных гласных в ПД обычно обозначается как исчезновение тоновой категории "жу" ("входящий") и распределение слогоморфем этой тоновой корреляции по тоновым корреляциям "иньпин", "янпин", "шаншэн" и "цюйшэн"), но фонетическая идея создавать гласные путем инспирации звукопроизводящей струи или ее реверсирования "по-родственному" отразилась в формировании в вокализме ПД тоновой серии ретрофлексных гласных, артикуляционно образуемых путем как бы реверсирования (загибания вверх и назад) передней части языка ($\text{ɿ} \sim \text{ɿ}^{51}$ "два"), тогда как остальные гласные образуются без такого артикуляционного движения языка. Данная гипотеза о корреспонденции инспираторных гласных МД и ПД с ретрофлексными гласными ПД подтверждается комплексным сравнительным анализом синхронных состояний фонетических систем названных китайских диалектов, при котором обнаружилось, что в структурно сопоставимых позициях инспираторные и ретрофлексные демонстрируют сходные или родственные фонетические свойства.

Устанавливаемая фонетическая корреспонденция подтверждается конвергентно-дивергентной теорией Е.Д.Поливанова (1968). В ПД по сравнению с МД и ПД произошла конвергенция инспираторных гласных и соответственно произошла дивергенция переднеязычных согласных на серии апикальных и ретрофлексных какуминальных, последней из которых в вокализме ПД рефлексивно соответствует (по связи левого с правым в про-

изводящей согласнo-гласной коартикуляции ПЦ) тоновая серия ретрофлексных гласных.

А.Н.Алексахин, К.И.Долотин (Москва)

ОПЫТ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РАЗНОТОНАЛЬНЫХ
ГЛАСНЫХ ПЕКИНСКОГО, ШАНХАЙСКОГО, МЭЙСЯНСКОГО
ДИАЛЕКТОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Изучение специфики китайского вокализма продолжает оставаться интересной задачей как в китайском языкознании, так и в зарубежном. Все больше распространение китайского языка "путунхуа" как иностранного языка за пределами КНР обуславливает потребность в сопоставительных исследованиях звуковой системы путунхуа со звуковыми системами родных языков студентов, в частности русскоязычных. Опыт преподавания китайского языка в качестве иностранного показывает, что наиболее трудным в практическом освоении фонетической системы путунхуа являются тонированные гласные. Характерно, что практическое освоение тонированных гласных путунхуа, произносительной основой которого является звуковая система пекинского диалекта, представляет значительную трудность, по мнению китайских лингвистов, и для носителей китайских диалектов, в частности для жителей г.Шанхая, говор которого считается центральным диалектом в группе У, и г.Мэйсяня, говор которого является центральным в диалектной группе Кэ (хакка).

В фонетико-фонологических системах пекинского (ПЦ), шанхайского (ШЦ) и мэйсянского (МЦ) диалектов гласные звуки различают и образуют звуковые стороны морфем и слов только в единстве своих артикуляторно-акустических составляющих компонентов, например, в ПЦ: i^{55} "один", i^{35} "передвигать", i^{214} "стул", i^{51} "сто миллионов" и i^0 "небрежный" из да 51 - i^0 "небрежный", да 51 i^{51} "суть". В китайском и в зарубежном языкознании звуковая система китайского языка описывается с помощью фонетико-фонологического понятия тона. Представление о том, что тоны являются особой фонологической характеристикой китайских слогов, но не китайских слогаобразующих гласных получило большее

распространение в описании звуковой системы китайского языка. Как следствие такого подхода изучение эффекта коартикуляции голосового источника (голосовых связок) с голосовым трактом (надгортанными резонаторами) оказывается вне лингвистического рассмотрения и обычно не учитывается. Согласно другой интерпретации китайские гласные описываются в единстве резонаторных и регистровых тонов, то есть китайские тоны, с артикуляторной точки зрения являющиеся акустическим результатом работы дифференцированных укладов голосовых связок, образуют коррелятивные дифференциальные признаки гласных. Это означает, что, например, мэйсяньский тон³³ может характеризовать все чистые гласные, согласуясь со всеми остальными параметрами этих гласных: e_a^{33} "семья", e_o^{33} "старший брат", e_k^{33} "курица", e_i^{33} "тетя", e_i^{33} "голодный", e_l^{33} "грубый" (см. А.Н.Алексахин, 1987).

Материал для акустического изучения взаимодействия регистровых и резонаторных тонов ПД, ПД и МД был записан на магнитную ленту в ходе диалектологической поездки в Пекин, Шанхай и Майсянь в 1987 г. Необходимые спектрограммы и интонограммы были получены с помощью сонографа "Kay Elemetric Co" и интонографа, разработанного Лабораторией экспериментальной фонетики и психологии речи МПНИИЯ им. Мориса Тореза, для оценки относительной плотности энергетического спектра по степени затемненности спектрограмм использовался фотоэлектрический стилومتر ФЭС-1.

Изучение спектрограмм звукового материала ПД, ПД и МД позволило выявить следующие акустические параметры гласных: 1) абсолютный и относительный максимумы плотности энергетического спектра, 2) ширину плотности энергетического спектра для соответствующих их максимумов, 3) характер динамической структуры спектра, 4) характер распределения плотности энергетического спектра во всем частотном диапазоне (100 + 5000 гц), 5) абсолютное и относительное время звучания гласного. Наиболее информативным параметром, отражающим влияние характеристики голосового источника на передаточную функцию речевого тракта является характер ди-

намической структуры спектра. Данная характеристика наряду с отмечавшимся на других языках сегментирующим свойством (см. R. Jakobson, O. Gunnar M. Fant, M. Halle. Preliminaries to Speech Analysis. The MIT Press 1961) в спектрах разнотональных гласных ПД, ПД и ПД обнаруживает разграничивающее свойство в тембровых сериях гласных и интегрирующее свойство в тоновых корреляциях гласных. Это означает, что динамический спектр гласных, например, тембровой серии "i" в ПД (i^{55} , i^{35} , i^{214} , i^{51} , i^0) разный у всех пяти гласных. И, наоборот, сходными динамическими спектрами характеризуются гласные одноименной тоновой корреляции ПД³⁵ (так называемый второй тон) - a^{35} , e^{35} , i^{35} , u^{35} , ∂^{35} и т.д. Временный аспект динамической структуры спектров разнотональных гласных обнаруживает дополнительный критерий для опознавания разнотональных гласных. Им является время переходных процессов, показывающее сходство у гласных одноименной тоновой корреляции и различие у гласных одноименной тембровой серии.

Существующий акустический подход, основным допущением которого является независимость характеристик резонансной системы речевого тракта от характеристик источника голоса (см. М.А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи. М., 1963), не объясняет фактов дифференциации китайских гласных, детерминируемых именно наличием влияния функции голосового источника s_i на передаточную функцию речевого тракта T_i .

О.И. Завьялова (Москва)

ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА СИНО-АРАБСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В настоящее время нам известны два вида сино-арабских памятников, иначе говоря, китайезычных материалов, записанных средствами арабской графики.

1. Проанализированная А.А. Драгуновым "персидская" транскрипция медицинского трактата "Мо цзюэ", приложенная в конце XIII - начале XIV вв. к переводу на персидский язык этого стихотворного сочинения (А.А. Драгунов, 1931). Подобно большей части других постсреднекитайских транскрипций, она

фиксирует произношение отдельно взятых морфем, не отражая фонетических изменений, сопровождающих образование полиморфемных (точнее – полислоγοморфемных) единиц.

2. Тексты преимущественно религиозного содержания, которые – во всяком случае до середины нашего столетия – имели хождение среди мусульман северо-западного Китая, однако почти не доступны для изучения. Используемые нами данные по сино-мусульманским текстам получены прежде всего в результате исследования редкого литографированного издания – руководства по кайданитскому праву, переведенного в конце прошлого века на китайский язык жителем Линчжоу (совр. Линьзу в Нинся-Хуэйском АО). Кроме того, привлечены некоторые рукописные материалы, а также единственная публикация в научной литературе – отрывок из рукописи, найденной в Кашгаре в 1903 г.

Анализ состава графем в двух видах рассматриваемых памятников обнаруживает существенные различия, которые доказывают независимое друг от друга происхождение соответствующих письменных систем.

Хотя транскрипция "Мо цзюэ" сопровождает перевод этого сочинения на персидский язык, она не использует букв, созданных в персидском языке добавления к арабским диакритическим знакам – точек. Вместо персидских графем автор транскрипции предпочел изобрести семь знаков необычной формы, которые нехарактерны для арабской графики. Можно предположить, что как система в целом, так и необычные знаки были специально созданы применительно к переводу "Мо цзюэ" и никогда больше не применялись.

В сино-мусульманских (СМ) текстах, которые на протяжении длительного периода отражали живую диалектную речь и изучались в школах детьми, напротив, употребляются персидские буквы. Они встречаются здесь в собственно китайском тексте и в заимствованных персидских словах, имевших хождение у китайских мусульман. Необычные знаки в СМ текстах отсутствуют; буква ض, которая записывает придыхательную аффрикату tʃ, создана, подобно персидским бук-

вам, на основе арабских и отличается от последних только наличием/числом точек.

Не совпадают в памятниках обоих видов и правила записи одних и тех же фонетических единиц. Ср., например, финаль [у], которая передается сложным сочетанием букв с дополнительными надстрочными и подстрочными знаками в СМ текстах и сочетанием буквы *و* (wāw) и надстрочного знака танвйн дамма в транскрипции "Мо нэуэ". В СМ текстах танвйн дамма имеет обычное для этого знака употребление, записывая носовые финали (в арабо-персидской графике он передает сочетание [ун], на конце слова).

Несмотря на то, что СМ тексты очевидно не связаны с иероглифической традицией, базовой единицей их организации — как и в случае иероглифики — выступает не слово или "фонетическое" ("ритмическое") слово, а однослог, иначе говоря, слогоморфема, которая чаще всего пишется раздельно с другими слогоморфемами. Наличие достаточного числа исключений, однако, приводит к тому, что для некоторых финалей в зависимости от слитного/раздельного написания возникают регулярные срединные и конечные орфографические варианты, возможно отражающие относительную краткость финали в том случае, когда слогоморфема занимает неконечную позицию внутри "ритмических" слов. Точно так же особые варианты написания наблюдаются для некоторых служебных морфем, где редукция гласных в свою очередь может быть обусловлена нейтрализацией тона. Вообще без гласного, с обозначающим его отсутствие в арабской графике знаком сукун, пишется суффикс существительных *ة* (-э). По свидетельству Б.Чонгора, аналогичные особые варианты написания финалей, свидетельствующие о редукции гласного при легком тоне, могут быть обнаружены в достаточно ранних памятниках — среднекитайских транскрипциях алфавитом брахми.

Тоны во всех анализируемых сино-арабских материалах не обозначены, поэтому важнейший для северного Китая классификационный признак — отражение входящего тона — для соответствующих диалектов не может быть установлен. Вместе

с тем очевидно, что рифмы этого тона повсюду совпали с рифмами других тоновых классов.

В СМ текстах анализ соответствий рифм со среднекитайским конечным *-k в общем подтверждает принадлежность лежащих в основе этих текстов диалектов к одной из трех зон, выделяющихся внутри ареала гуаньхуа, — зоны Вэйхэ-Хуанхэ, протянувшейся от Синьцзяна на востоке до Шаньдунa и северной Цзянсу на западе и включающей три древние столицы Китая — Сиань, Лоян и Кайфэн (о зонах внутри ареала гуаньхуа см. О.И.Завьялова, 1983).

Еще более существенно с классификационной точки зрения смещение в СМ текстах двух видов носовых финалей серии "э" — соответствующих современным пекинским с конечным $-n$ и конечным $-\eta$. В синхронном плане этот признак охватывает четко отграниченную область в пределах северного ареала гуаньхуа, включающую — помимо диалектов Цзинь — также и западную часть зоны Вэйхэ — Хуанхэ (ср. карту — О.И.Завьялова, 1983). Диахронически, как указывает Ф.Дау, слияние двух видов носовых финалей серии "э" наличествует уже в рукописях стихотворных текстов из Синьцзяна, относящихся к VII в. (Ф.Дау, 1974). В носовых финалях серии "а" прослеживается строгое различие между двумя рядами, соответствующими пекинским с конечным $-n$ и конечным $-\eta$. В рукописи из Кашгара носовые финали серии "э" всегда передаются одним и тем же способом — судя по транслитерации, с надстрочными знаками без буквы $\dot{\text{u}}$ ($\text{n}\ddot{\text{u}}$), обозначающими в арабо-персидской графике гласный в сочетании с n на конце слова. В учебнике кайданитского права параллельно используются два основных способа — с надстрочными знаками и срединный способ с буквой $\text{n}\ddot{\text{u}}$. Однако употребление этих способов непоследовательно: одна и та же морфема встречается в разных вариантах, каждый из этих вариантов применим и для финалей с пекинским конечным $-n$ и конечным $-\eta$.

Несмотря на то, что транскрипцию "Мо цзюэ" отделяет от СМ текстов несколько столетий, она также может быть соотнесена с одной из трех современных зон, выделяемых по пе-

скольким признакам внутри северного ареала гуаньхуа, — хэбэйско-шаньдунской, к которой принадлежит и диалект Пекина. В транскрипции наличествуют первые два из трех следующих признаков, позволяющих отделить хэбэйско-шаньдунские диалекты от всех прочих гуаньхуа:

1. Неодинаковое произношение рифм входящего тона с конечным *_{-k} в зависимости от исторического дена (вокалического ряда) в случае среднекитайских классов финалей цзян и гэн; ср. в современном пекинском бэй "север", но бай "белый".

2. Наличие современных рифм-дифтонгов с конечным -и (в русской транскрипции — [o] на месте исторического конечного *-и (вокалические классы цзян, тун); ср. в пекинском цзяо "нога".

3. Тройное деление исторического входящего тона в зависимости от качества (глухости, сонорности, звонкости) среднекитайских инициалей.

При этом как в "Мо цзяо", так и в других памятниках дифтонги в слогах с конечным *_{-k} встречаются в тех морфемах, которые в современном заимствованном слое, особенно в пекинском диалекте, произносятся с монофтонгами.

Все три вышеперечисленных признака можно обнаружить в наиболее значительном и до последнего времени считавшемся наиболее ранним источнике, зафиксировавшем фонетику Дацу (Пекина) XIV в., — в фонетических таблицах "Чжунъюань инъюнь". Кроме того, как показали недавние исследования С.Е. Яхонтова (1981), хэбэйско-шаньдунское произношение рифм с историческим конечным *_{-k} зафиксировано уже в таблицах Шао Юна XI в., которые до сих пор относили к числу памятников, отражающих ^{лосанское} произношение входящий тон в этих таблицах еще сохраняется как отдельный класс).

В системе носовых финалей транскрипция "Мо цзяо" — та же, как таблицы "Чжунъюань инъюнь" и таблицы Шао Юна — сохраняет три конечных элемента: не только -н, -н, но также -м, исчезнувший повсюду в диалектах гуаньхуа (-м на месте -н в слогах с гласным о, зафиксированный в отдельных

пунктах Шаньдуна, Шаньси и Хунани носит вторичный характер). Тем самым в "Мо цзюэ" представлены те диалекты (хэбэйско-шаньдунские, включая Пекин, и Вэйхэ-Хуанхэ, кроме ее западной части), где конечный *-n* исчез очень поздно, а система носовых финалей в целом претерпела меньшие изменения, чем в прочих гуаньхуа, в том числе и относящихся к южному ареалу. Графически финали с конечным *-n* и *-ŋ* передаются в системе "Мо цзюэ" по-иному, чем соответствующие им финали в СМ текстах, при том, что *-ŋ* обозначается сочетанием *ji* (-ng).

М.Х.Имазов (Фрунзе)

О ПРОСОДИЧЕСКИХ СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наряду со звуками функцию разграничения слов в дунганском языке выполняют тоны и ударение.

О тонах в языках изолирующего типа написано и, вероятно, пишется немало работ. И все же много еще спорного в освещении этого, безусловно, важнейшего вопроса. Приходилось, например, читать и слышать разные мнения о том, свойством чего является тон: односложного слова, слога или гласного. В обосновании каждого из них, конечно же, есть свой смысл и свой резон. Поэтому мы не ставим цели подробно рассматривать их вместе или в отдельности, а вкратце изложим наше понимание проблемы.

Начнем с того, что звук, слог, слово — это явления разного порядка. И у каждого из них свои признаки, составляющие суть его. У звука это, например, звонкость — глухость, у слога это, скажем, открытость — закрытость. неотъемлемым свойством слова является ударение, в том числе и музыкальное, т.е. тон. Носителем ударения, конечно, может быть и слог, и отдельный звук (гласный). Но ударение не является постоянным признаком слога или гласного. Поэтому есть, вероятно, смысл говорить о двух аспектах тонов и ударения: физическом и лингвистическом.

По своим параметрам тон может быть ровным, восходящим, нисходящим, длительным, кратким и т.д. И его непосредствен-

ным носителем может быть как слог, так и просто гласный. Но тоны, различаясь между собой, различают не слоги и не гласные, а односложные слова с одинаковым звуковым составом. В противном случае слогов или гласных в языке было бы в несколько раз больше, а точнее во столько раз больше, сколько в языке тонов. В плане физическом тон имеет отношение и к слогу, и к отдельному звуку (гласному), но в плане лингвистическом тон — это постоянный признак односложного слова.

Дунганские тоны впервые были охарактеризованы Е.Д.Полизовым (1937). По его мнению, в дунганском языке три тона: 1 — первый (пин-шэн), ровный, относительно длительный; результат слияния тонов ин-пин и ян-пин; 2 — второй (шан-шэн), нисходящий, относительно краткий и 3 — третий (цой шэн), восходящий, также относительно краткий. Иная характеристика тонов дунганского языка содержится в работе О.И.Завьяловой (1979). На основе результатов экспериментально-фонетического анализа утверждается, что слияние тонов инь-пин и ян-пин происходит только в позиции перед паузой, а в позиции перед другим слогом по-прежнему сохраняется четыре тона: ин пин, ян-пин, шан-шэн и цой-шэн. Последние в различных позициях реализуются по-разному.

Таким образом, перед нами две разные характеристики тонов дунганского языка. И обе, безусловно, верные, обе соответствуют языковой действительности. Первая дана на основе данных слухового восприятия, улавливающего и учитывающего только главное, нужное для понимания в языковом общении, и опускающего второстепенное, а вторая — на основе результатов экспериментально-фонетического анализа, объективно фиксирующего все: и главное, и второстепенное. Иными словами, в первом случае тоны в большей мере рассматриваются в лингвистическом плане, во втором — в плане физическом. Ясно, что носителям дунганского языка да и всем говорящим на этом языке, конечно же, ближе поливановское понимание тонов, ибо им в языковой практике важно то, что улавливает их слух, а не физический прибор. Именно поэтому ус-

тогдашней является точка зрения Е.Д.Поливанова, хотя экспериментальные данные (пусть не очень, может быть, качественные) были уже тогда, в конце 30-х годов (Ю.Миншансин, 1940). Именно поэтому во всех существующих учебниках и учебных пособиях по дунганскому языку представлена характеристика тонов, предложенная Е.Д.Поливановым.

Различаясь между собой, тоны, как уже отмечалось, различают односложные слова с одинаковым звуковым составом: бо^1 "узел", бо^2 "гарантировать", бо^3 "обнимать"; фу^1 "книга", фу^2 "считать", фу^3 "дерево" и т.д. Следовательно, функция тонов — это функция смыслоразличения односложных слов с одинаковым звуковым составом. Тоны с этой функцией, если используются иногда в двусложных и многосложных словах, то только как исключение. Например, в двусложных словах с одинаковым звуковым составом $\text{гуа}^2\text{ли}^1$ "заворачивали" и $\text{гуа}^3\text{ли}^1$ "прошли", $\text{гуа}^2\text{зы}^1$ "ресторан" и $\text{гуа}^3\text{зы}^1$ "бидон" тоны выполняют функцию разграничения потому, что конечные безударные гласные в данных словах редуцируются, и слова эти становятся по сути дела односложными, т.е. произносятся как [гуэль], [гуанс]. И в редких случаях, если многосложные слова имеют одинаковый звуковой состав, одинаковое место ударения, возникает необходимость выделить корневые морфемы точно так же, как и при односложных словах, когда прибегают к тону как единственному дифференциальному признаку: $\text{гуа}^3\text{ди}^1\text{ни}^1$ "висит" и $\text{гуа}^1\text{ди}^1\text{ни}^1$ "наивный" и др.

Существует, однако, и иное понимание функции дунганских тонов. Так, например, Ю.Цунвазо (1950) пишет: "Одной из специфических особенностей фонетической системы дунганского языка является произношение каждого гласного тремя тонами" (с. 84). И там же замечает, что тон является важным средством словообразования. Аналогичную первую из точек зрения автора позже выскажет А.А.Москалев (1961) по отношению к функции тонов в языках сино-тибетской семьи и сходную со второй — Т.Т.Мхитарян (1959).

Если принять первую из названных точек зрения, то тон следует считать дифференциальным признаком гласных, каковым он на самом деле не является. К тому же пришлось бы также

признать, что гласных в дунганском языке втрое больше существующих. В действительности же тон различает односложные слова с одинаковым звуковым составом, а не гласные. Его функция в дунганском языке аналогична функции ударения в двусложных и многосложных словах-омонимах русского языка мука - мука, замок - замок). Дунганское односложное слово без тона также немислимо, как русские омонимы без ударения. Подобно тому, как составными элементами русского слова эхо являются гласный э, согласный х, гласный о и ударение на э, составными элементами дунганского слова да "большой" являются согласный д, гласный а и тон третий восходящий.

Что же касается другой точки зрения, то нужно отметить, что первоначально, вероятно, так и было: тон являлся средством словообразования. Скажем, сначала было одно слово, состоявшее из согласного м и гласного а, обозначавшее "мать". Затем из него без изменения звукового состава, с помощью второго (II) и третьего (III) тона образовалось соответственно слово ма II "лошадь" и ма III "ругать". Но позже, когда все эти три слова уже утвердились в языке, тоны перестали играть первоначальную роль, а стали выполнять смысловоразличительную функцию.

Смысловоразличительную функцию выполняет также ударение. На наличие его в дунганских словах указывал опять же Е.Д. Поливанов (1937). Отмечали это и А. и Е. Драгуновы (1937).

В двусложных и многосложных словах тон отдельного слова обычно редуцируется, и роль смысловоразличителя выполняет ударение, например: туңзы "товарищ" - туңзы "труба", чуончуонзы "окошко" - чуончуонзы "кровать".

Ударение служит также средством разграничения сложных слов и словосочетаний: ханфи "слона" - хан фи "соленая вода", чуончун "змея" - чон чун "длинный червь" и др.

Используется иногда ударение и для различения мужских и женских имен, если эти имена многосложные и имеют одинаковый звуковой состав, например: Лалазы (мужское имя) - Лалазы (женское имя), Сэсэзы (муж.) - Сэсэзы (жен.).

Таким образом, функция ударения, как и функция тонов, в основном смысловоразличительная. Ударение разграничивает

слова двусложные и многосложные, а тоны – односложные. Следовательно, тоны и ударение в дунганском языке – это средства семантического различения слов.

А.М.Каралетьянц (Москва)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВ ПО ДЛИНЕ И ФОНОЛОГИЯ ЛЕГКОГО ТОНА

Линейная зависимость (в логарифмическом масштабе) числа иероглифов и слов от их частот в "Частотном словаре современного китайского языка" (1986) для иероглифов обнаруживает перелом в районе частоты 100. Правильность зависимости для слов свидетельствует о точности разбивки текстов на слова, а место перелома дает рубеж между среднечастотной и частотной иероглификой. Последняя, включая примерно 1500 знаков, покрывает 96% текста; в ней дополнительно выделяются 500 очень распространенных иероглифов (80% текста) и 200 сверхраспространенных иероглифов (61% текста). Это предполагает возможность большего дробления и для средне- и малочастотной иероглифики.

Проекция такого подхода на лексику позволяет выделить девять групп. Граничные относительные частоты приведены в промилях процентов, покрытие текста, содержание однослогов, двуслогов, двуслогов с легким тоном и слов с суф. *zi* – в процентах. В группы А, В, С входит высокочастотная, D, E – частотная, F, G – среднечастотная, H, I – малочастотная лексика.

Группы	Группы	Объем	Граничные частоты	Покрытие текста	Однослоги	Двуслоги	Двуслоги с легким тоном	Слова с <i>zi</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	A	204	679	51	80	12	8	0
2.	B	494	206	68	51	38	11	1
3.	C	849	84	79	42	49	8	1
4.	D	985	45	85	37	53	9	1
5.	E	1225	26	89	30	60	8	2

6.	F	II65	I8	91,5	23	65	9	2
7.	G	I098	I3	93	I7	72	8	2
8.	H	II78	IO	94,4	I5	80	8	2
9.	I	I243	8	95,5	I3	80	8	2

Приведенные данные позволяют вычислить, что однослоги, двуслоги и двуслоги с легким тоном составляют 59%, 28% и 8% слов текста, однако жесткая связь распространенности с односложностью занижает процент однослогов: по точным подсчетам однослоги группы А составляют не 41%, а 45% текста. Поэтому правильно говорить, что однослоги покрывают в тексте свыше 60% слов, двуслоги – менее 30%, а двуслоги с легким тоном – менее 10%. Слова иной протяженности определенно относятся к периферии языка. Так, односложность – это признак центральности слова, а двусложность – свойство малораспространенной лексики: в группе А содержится 80% однослогов, а в группе Н уже 80% двуслогов, причем доля двуслогов при дальнейшем движении к периферии не возрастает.

Двуслоги с легким тоном можно считать словами "полуторной" длины. Их повышенное содержание в первых двух группах (10%) может объясняться реализацией второго слога как постсиллаба. Без учета факультативности произнесения нейтральным тоном в словах группы А за тремя исключениями (Shihou, zhideo, yijing) можно видеть постсиллабы -m (men, me), -g (ge), -z (zi); в группе В к ним добавляются постсиллабы -x (xi), -d (de), -sh (shi), -j (ji), -l (li), -f (fu), -zh (zhe), -y (yi), -w (wu) (исключения – mama, yanjing, difang, xiansheng, gaosu, shiqing, bufen, pengyou, baba muqin, xuesheng, renjia, lilian, guniang, duoshao, kunnan, yijian, mingbai, wanshang, limian, qingchu).

Прилагаемый список иероглифов легкого тона, реализованных в тексте первых трех групп (с учетом слов с факультативным легким тоном), свидетельствует о значимом отклонении их фонетической структуры в сторону одноместности финали. В примерно равном по длине списке аналогичных иероглифов групп В и Е преобладание простых финалей уже менее четко. Список иероглифов легкого тона в лексике средней (3) и бо-

лес высокой (2 и I) частотности приведен ниже.

Сопоставление промилей иероглифов с финалями определенного вида из списка 2500 иероглифов "Таблицы распространенных иероглифов современного китайского языка" (1988), покрывающего 99% текста, и иероглифов легкого тона слов первых семи групп, а также "Словаря легкого тона пекинского диалекта" (1957) показывает постепенное уменьшение у последних преобладания простых финалей по мере движения к периферии (см. базовую табл.). Если на простые финали (-i, -u, -y, -a, -e) в среднем приходится 27% иероглифов полных тонов, то для легкого тона эта величина возрастает до 42% (в пекинском диалекте - 34%); подключение всех бестерминальных финалей (вида -a, -e) увеличивает эти цифры до 39% и 55% (пекинский диалект - 46%). Значения для пекинского диалекта могут быть занижены из-за пропуска в словаре слога "и" - число иероглифов для него определено по нормативному "Обратному словарю современного китайского языка" (1987). Более подробные сведения можно получить из правой части таблицы, содержащей процентные отклонения от усредненных данных по полным тонам (столбец "ит.").

Гипотеза о постсиллабизации позволяет разрешить противоречие между периферийностью легкого тона, выражающейся в его принадлежности прежде всего пекинскому диалекту и в стремлении последних нормативных словарей его не указывать или обозначать как факультативный, и степенью распространенности слов с этим тоном. Здесь следует отметить, что легким тоном значительно чаще других реализуются слоги zi и shi, допускающие интерпретацию как слоговых согласных. Из IC32 двуслогов с легким тоном, встретившихся в выборке "Частотного словаря" три и более раза, zi на конце имеют 269 (26%), а shi - 42 (4%). В "Словаре легкого тона" на двуслоги с zi и shi приходится примерно 13% и 3% лексики (соответственно).

Слог zi соответствует суффиксу (постфиксу), функционально сходному с реализованным вырожденным слогом суффиксом-постсиллабом ən. Последний вызывает эризацию - следующий после постсиллабизации шаг в разрушении слогофонемной

фонологии. Постсиллабизацию следует относить к речевым фактам, приводящим к появлению слогов, системой китайского языка не предусмотренных. Граница между эризованными и постсиллабизированными слогами более зыбка, чем граница между слогафонемами и эризованными слогами. Поэтому тоновая нейтрализация и эризация суть два взаимосвязанных явления: первое, делая слог неполноценным, "привешивает" его к предыдущему (ср. реализацию легкого тона как конца предыдущего "тяжелого"), а второе приводит к инкоррептации в суперфонемное ("минус-архифонемное") образование.

Однако четкая граница между стандартной и нестандартной (языковой и речевой) китайскими фонологиями не прослеживается. По показателям, содержащимся в базовой таблице, легкий тон приближается к наиболее "простому", распространенному вдвое чаще любого другого четвертому тону. Неполная "тяжесть" четвертого тона проявляется, например, в его появлении на месте легкого при переходе от двуслога к трехслогу (ср. *zhidao* и *bu zhidao*), в указании обязательности чтения легким тоном для слова *shiqin* при факультативности его для слова *fucin* и вообще в сравнительной редкости среди иероглифов легкого тона этимологического четвертого тона.

Базовая таблица

Слог	Тон I	Тон 2	Тон 3	Тон 4	Тон ит. 4	Тон 0	Тон пек. 0	Откл. I	Откл. 2	Откл. 3	Откл. 4	Откл. 0	Откл. II
-i	112	115	106	131	118	183	142	-5	-3	-10	11	42	20
-a	45	31	32	23	32	52	50	40	-3	0	-28	84	56
-e	36	72	17	50	46	75	56	-22	57	-63	9	54	22
-u	62	56	108	88	78	94	92	-21	-28	38	13	61	18
-ua	12	7	6	9	9	19	9	33	-22	33	0	133	0
-uo	17	26	25	26	24	33	37	-29	8	4	8	21	54
-ia	19	10	13	17	15	9	5	27	-33	-13	13	13	-67
-ie	22	31	21	29	26	14	23	-15	19	-19	12	-19	-12
-y	17	23	34	41	30	26	33	-43	-23	13	37	-3	10
-ye	5	11	2	14	9	9	9	-44	22	-78	56	44	0
-ai	23	26	40	40	33	33	34	-30	-21	21	21	-12	3
-ei	12	21	17	19	17	5	13	-29	24	0	12	-24	-24
-uai	6	3	4	8	6	5	9	0	-50	-33	33	-33	50
-uei	30	16	23	39	29	9	30	3	-45	-21	34	-72	3
-ao	42	39	68	47	48	33	39	-12	-19	42	-2	-40	-19
-ou	27	23	32	33	29	24	24	-7	-21	10	14	-14	-17

-iao	42	26	34	28	32	0	21	31	-19	6	-12	-100	-34
-iou	20	21	19	17	19	14	18	5	11	0	-11	-32	-5
-an	52	47	62	53	53	24	35	-2	-11	17	0	-53	-34)
-en	33	23	30	26	28	38	22	18	-18	7	-7	18	-21
-uan	25	15	28	25	23	14	19	9	-35	22	9	-43	-17
-un	19	18	15	11	15	14	16	27	20	0	-27	-13	7
-ian	52	57	45	55	53	38	41	-2	8	-15	4	-28	-23
-in	33	20	21	11	20	14	18	65	0	5	-45	-35	-10
-yan	6	23	8	11	12	0	9	-50	92	-33	-8	-100	-8
-yn	8	15	2	10	9	5	7	-11	67	-78	11	-56	-22
-ang	39	47	51	31	40	33	37	-2	18	28	-22	-28	-8
-eng	42	46	17	24	32	38	31	31	44	-47	-25	3	-3
-uang	19	11	13	14	14	19	19	36	-21	-7	0	21	36
-ung	47	39	32	23	34	24	34	38	15	-6	-32	-38	0
-iang	23	23	28	19	22	33	23	5	5	27	-14	14	5
-ing	44	52	36	29	39	61	42	13	33	-8	-26	38	8
-yng	8	5	11	1	5	9	4	60	0	120	-80	60	-20
ITOG640	611	471	908	2630	213	1197							

Распространенные иероглифы легкого тона

	O	E	A	EN	AN	ENG	ANG	OU	AO	EI	AI
F	夫 3 步	3 脚 提	法 发	分 3 乘	2 烟		方 2 房	3 黑	3 毛	2 妹	2 斐 白
M	么	2 伯 姆 3 卜	吗 嘛 妈	们 5 门	2 扮	3 礁		2 口 候		3 臂 喂	
B	3 步	2 领 姆 小 哥 3 格	啊		3 盘			3 脊	2 吻	2 香	
V		2 吻	嘛 嘛 搭 打		2 担			2 吻	2 吻 道 2 到	2 奶 袋 太	
GK								头	少		
H											
L											
D											
T											
J											
Q											
X											
R											
ZO											
S											

	U	UO	UA	UN	UAN	UNG	UANG	UI	UAI
V	务 物 伍 3 渠		2 嘘 嘘	2 阿			2 往 枉 3 盟	为	2 快
GK	2 脚 3 脚 股		花 3 滑 瑞		双 3 嘴		2 尾	会	
H	乎 2 呼 呼 户 3 虎	伙 2 活 和			3 通 喊 喊				
L	3 声				2 阿				
D	度	朵 陀							
T	2 涂								
Q	楚 2 处								
X	叔								
ZO									
S	班	3 嗽 嗽	3 寸	2 算					

	I	IE	IA	IN	IAN	ING	IANG	IDU	Y	YE	YN	YNG
M					画	2 明						
B					2 边	2 洞 拼						
V	意 2 重 3 易	特 姐	呀 家 2 嫁	音	见 件 2 同	应 2 姚	阳 3 匠	夜 2 充 臂	于 3 具 矩	3 咽		用
G	积 记 2 级 计 激 3 健 健				2 钱	经 臂 3 静			3 阻	3 盆 鸭	2 训	3 兄
K	翻 2 气 威		亲 2 心		2 形 3 仙	情			2 错 序			
M	系 息 西					令	量 2 亮 梁		2 女			
L	星 曜 瑞 理 2 力 率 3 理	些 2 谢	下		天	2 听						
DN	的 弟	2 啊										
T	3 厘											

Высокочастотные слова с легким тоном

a	啊	A	爸	B	爸	ma	吗	A	妈	B	什	怎	A	那	这	多	B
ba	吧	A	爸	C	爸	me	妈	C	妈	B	我	他	你	人	外	咱	B
bai	巴	B	尾	C	明	men	们	B	里	A	上	前	后	后	外	下	C
chen	辰	B	早	C	清	na	哪	C	困	B							
chu	楚	B	知	A	有	nan	难	A	呢	B	姑	父					
dao	道的	A	似	B	懂	ne	呢	A	娘	C	机	母					
de	得的	A	觉	B	记	qi	器	A	亲	B	母	事					
di	弟	C	目	C	是	qing	亲	A	情	B	客	多					
du	度	C	第	C		ren	人	A	少	B	晚	先					
duo	朵	C	态	C		shao	上	A	生	B	晚	先					
fa	法	C	耳	C		shang	生	A	食	B	知	但					
fang	方	C	办	C		sheng	识	A	是	C	知	但					
fen	分	B	头	B		shi	事	A	故	C	故	叔					
fu	夫	B	部	B	C		叔	A	叔	C	意	告					
ge	服	C	大	C			恩	A	诉	C	太	春					
hou	得	C	衣	C			诉	A	太	C	春	石					
hu	个	A	师	A	B		天	A	天	C	春	石					
hua	候	A	哥	A	C		头	A	头	C	碧	碧					
huan	手	C	时	C			轮	A	轮	C	碧	碧					
hui	花	C	似	C			为	A	伍	C	碧	碧					
huan	欢	C	棉	C			伍	A	伍	C	碧	碧					
hui	会	C	真	C			物	A	物	C	碧	碧					
huo	伙	C	机	C			西	A	西	C	碧	碧					
ji	伙	C	家	C			息	A	息	C	碧	碧					
jia	积	B	面	B			下	A	下	C	碧	碧					
jian	记	B	书	A	B		些	A	些	C	碧	碧					
jian	家	B	人	A	C		呀	A	呀	C	碧	碧					
jie	见	B	看	B			阳	A	阳	C	碧	碧					
jing	件	C	条	A			节	A	节	C	碧	碧					
La	姐	A	小	B			意	A	意	C	碧	碧					
Le	经	A	已	A			音	A	音	C	碧	碧					
Li	睛	C	眼	C			应	A	应	C	碧	碧					
Liang	了	C	为	B	C		用	A	用	C	碧	碧					
Ling	哩	C	哪	B			友	A	友	C	碧	碧					
	理	C	哪	B			于	A	于	C	碧	碧					
	量	C	道	B			著	A	著	C	碧	碧					
	令	C	力	B			织	A	织	C	碧	碧					
zi	子	A	孩	B													
	孩	A	样	B													
	屋	A	房	B													
	几	A	日	B													
	身	A	名	B													
	一阵	A	肚	B													
	肚	A	院	B													
	桌	A	小	B													
	伙	A	伙	B													

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТИБЕТСКОГО ПИСЬМА

Вопросы типологии письма, взаимосвязи письменного и звукового языка являются важными вопросами общей теории письма как средства коммуникации. Поэтому типологическое изучение тибетского письма, исследование отношений между тибетской графической и фонологической системами весьма существенны как с теоретической, так и с практической точки зрения.

С середины XIX в. тибетский язык стал объектом интереса европейских лингвистов не только как источник познания культуры Центральной Азии, но и как значительное звено в изучении китайско-тибетских языков.

Данное исследование посвящено проблеме описания тибетской графической системы, которая еще недостаточно привлекала внимание ученых. Вопросы тибетского письма специально изучались известными тибетологами Р.А. Миллером, Нгаван Тхондуп Наркидом, М. Ханом и в более общем виде А. Чомой Кереши, Х. Ёшке, Ю.Н. Рерихом, Цой Айтаном, Китамурой Хадзими в работах, посвященных тибетской грамматической системе. Поставив задачу описания тибетской графической системы, мы не можем принять традиционную точку зрения, согласно которой графическая подсистема в единой системе тибетского языка рассматривалась лишь как разновидность фонетической. Поэтому полагаем, что в системе тибетского языка, представляющей функционально обусловленную и структурно организованную совокупность плана выражения и плана содержания, взаимодействуют не три, а четыре подсистемы: фонетическая, графическая, лексическая и грамматическая.

Остановимся на систематическом анализе основной единицы тибетского письма – силлабографе, отличающейся историческим традиционным написанием графических элементов (графем) и в общих чертах сохранившей структуру слога древнетибетского языка вследствие своего консервативного характера. Как утверждают А. Рона-Таш и Чжан Ляньшэн и др. (А. Rona-

Тас, Zhang Liansheng, 1989), многочисленные диакритические буквы, которые в составе силлабографем в настоящее время не имеют фонетического значения и являются "реликтами", некогда в раннем периоде древнетибетского языка произносились. Это подтверждается данными памятников письменности, тибетскими заимствованиями в других языках и фактами диалектологии. В диалекте Амдо, например, сохранились стечения согласных букв в начале и в конце слога (правда, 60 кластеров из 180, существовавших в древнетибетском языке) и отсутствует тоновая система, возникшая в лхасском диалекте, как нам представляется, в качестве компенсаторного механизма при переходе оппозиции звонкость-глухость в оппозицию придыхательность-непридыхательность, при падении начальнослоговых и конечно-словых элементов слога и сокращении его протяженности.

Тибетская графика в результате чрезвычайной сложности носит "иероглифический" характер. Основной идеей нашего подхода является идея соотношения графического и фонологического слогов на парадигматическом уровне, т.е. идея корреспонденций основных ведущих функциональных единиц соответствующих уровней - графемы и фонемы. Исследуемое соотношение тибетского графического слога и фонологического слога современного лхасского диалекта не однозначно в силу ряда исторических причин эволюции фонологической системы тибетского языка, как об этом было сказано выше.

Эволюцию фонологического слога амдоского и лхасского диалектов можно представить следующим образом: древнетибетский язык раннего периода $CCVCVC$ → современный диалект Амдо $CCVCVC$ → современный диалект Лхасы CVC ^Т. Следует отметить, что одни и те же модели тибетского письма (силлабографемы), сохранившие графические структуры VII-IX вв. в диалектах Амдо и Лхасы, корреспондируют с разными фонологическими моделями.

Современный тибетский язык принадлежит к тибето-бирманской группе китайско-тибетской семьи языков. По ведущим типологическим критериям он является изолирующим языком. Фонетический и морфологический строй тибетского языка отличают следующие свойства: жесткая система силлабо-тонических еди-

ниц – силлабем; строго фиксированная структура слога с дихотомическим делением на два неперекрывающихся класса – инициаль и финаль, представленных парадигмами с различным составом фонем: совпадение графического, фонетического и морфологического слогаodelения, не исключаяющего, однако, дублирующие явления, вызванные слиянием корневой и аффиксальной морфем в словоформе. Прозрачная двучленность силлабографем и морфем размывается при бинарном склеивании графем и морфем. Как следствие создается, естественно, единое графическое, фонетическое и семантическое целое. Таким образом, выявляется важная закономерность, свойственная тибетской графической, фонетической и морфологической системе тибетского языка: параллельное существование агглютинативной и флективной техники соединения силлабографем и морфем в словоформе.

Материал исследования позволяет сделать существенный вывод, что два типа силлабографем – простой и сложный – обозначают открытые слоги Cv^T , v^T , а составные силлабографемы, представляющие разнообразные сочетания простых и сложных графем, обозначают открытые и закрытые слоги: Cvc^T , $Cv:v^T$, vc^T , vc^T , v^T , v^T .

Как известно, в тибетском языке так же, как и в других языках изолирующего типа, распространено дихотомическое деление фонологического слога на инициаль и финаль, причем, инициаль и терминаль могут быть выражены нулем звука: $C+UC$.

Силлабографеме также свойственна дихотомия: ядерная часть+периферийная часть: ядерная часть состоит из множества графических элементов с обязательным участием основной буквы, периферийная часть состоит из ограниченного числа элементов – $CU+C$.

Рассмотрение структуры простых, сложных и составных тибетских силлабографем, позволяет утверждать, что ядерная часть любых разновидностей силлабографем, объединяющая основную букву, препозитивные, суперпозитивные, субпозитивные диакритические буквы и вокальные диакритические знаки, определяет следующие компоненты:

1) консонантный начальнослоговой элемент (инициаль) C_1 , в качестве которого выступают 29 консонантных фонем [p, ph, t, th, k, , kh, ky, khy, z, c, zh, ch, j, q, m, n, ny, ny, l, w, r, y, x, s, sh, hy, lh, f];

2) качественные характеристики гласного -v, в роли которого выступают пять гласных фонем [a, i, e, u, o];

3) параметры двух тонов - первого высокого ровного тона и второго низкого восходящего: регистр и контур; соответственно такие признаки тонемы, как высокий-низкий, ровный-восходящий.

Периферийная часть силлабографем, включающая постпозитивные буквы, имеет следующие особенности:

1) репрезентирует консонантный конечнослоговой элемент - C_2 , восемь консонантных фонем [m, n, ng, p, r, r, r, w, k];

2) определяет качественные и количественные характеристики 16 гласных фонем [a, a:, i, i:, e, e:, u, u:, o, o:, y, y:, e, e:, f, f:];

3) корреспондирует с четырьмя тонами и определяет такие параметры тона, как контур и, соответственно, признаки тона: ровный - восходящий, ровный - нисходящий, восходящий - восходяще-нисходящий.

В.П.Меньшиков (Киев)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАНЯТИЙ ТИПА "В" В ИНТЕНСИВНОМ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Способность к иноязычному общению предполагает наличие определенных знаний, навыков и умений. Их приобретение, формирование и развитие в условиях интенсивного обучения проходит три этапа: введение нового материала, тренировку в общении и практику в общении (Г.А.Китайгородская, 1986). Эти этапы учебного процесса объединены в циклы занятий, периодически повторяющиеся на протяжении того или иного периода обучения. Каждый из циклов состоит из нескольких занятий различного типа, объединенных общей конкретной целью: достижение нового уровня владения речевой деятельностью

на основе определенной дозы усвоенного учебного материала. Цикличное построение учебно-воспитательного процесса обусловлено одним из основных положений интенсивного обучения о поэтапно-концентрической организации учебного материала и учебного процесса.

Рассмотрим занятие типа "В" (введение нового материала) с учетом специфики обучения устному общению на китайском языке (К1).

Занятия данного типа имеют целью восприятие, осмысление и запоминание нового речевого материала, а также формирование речевых навыков в процессе его первичного усвоения. На занятиях данного типа вырабатывается активное сознательное отношение личности к воспринимаемому материалу, который приобретает личностный смысл для обучаемого, закладываются основы его прочного усвоения. Важность этапа предъявления материала в интенсивном обучении обусловлена также и тем, что с первых же дней занятий необходимо обеспечить обучаемых достаточным количеством речевого материала.

Занятия типа "В" позволяют решить следующую методическую задачу: интенсивно ввести в мозг обучаемого большой массив учебного материала и обеспечить его запоминание.

Введение нового материала состоит из нескольких фаз. На первой фазе в течение 8-10 мин. проводится "психотехническая" разминка, задача которой заключается в создании иноязычной речевой установки, творческой атмосферы, психофизического комфорта. Для этого можно использовать различные речевые игры, загадки, поговорки, песни на иностранном языке.

На второй фазе обучаемых в течение 5-8 мин. направляют на расслабление, успокоение и ориентируют на познавательную деятельность. Это достигается путем цигун-стимуляции, цель которой аккумулировать в организме биоэнергию, контролировать и направлять ее движение для активизации всех физиологических и психических процессов в организме (А.А. Долин, 1989). При выполнении определенных упражнений комплекса цигун обучаемым предлагается повторить лаконичные, информа-

тивные и эмоционально-насыщенные формулы, в которые вводится элемент сосредоточенности – "луч внимания" (создание доминантного отношения):

"Я совершенно спокоен.

Мышцы расслаблены (луч внимания на лице). Спокойное выражение лица. Расслаблены кисти рук (луч внимания на руках).

Все мысли уходят. Я погружаюсь в покой. Глубокое желанное спокойствие. Ровное полное дыхание. Спокойное биение сердца. Лучистое тепло в области солнечного сплетения. Освежающая прохлада в области лба. Мне легко и приятно. Я смогу запомнить материал" и т.д.

Все формулы произвольны и могут повторяться несколько раз, сопровождая фазу выдоха. (Формулы на начальном этапе обучения произносятся на русском языке. На продвинутом этапе могут произноситься на иностранном языке).

На третьей фазе занятий типа "В" начинается сеанс введения учебной информации, которая представляет собой монологический или диалогический текст, ценный в познавательном аспекте, доступный по языку и содержанию.

Учебная информация предъявляется обучаемым четыре раза. Во время первого предъявления обучаемые прослушивают текст по схеме: фраза на иностранном языке – фраза на русском языке, что способствует образованию новых временных связей в коре головного мозга. Текст подается преподавателем непринужденно, с различной эмоциональной окраской и сопровождается жестами, мимикой. Целью первого предъявления является знакомство обучаемых с ситуацией общения.

Главной задачей второго предъявления является обеспечение максимального запоминания нового учебно-речевого материала. Обучаемые воспринимают ту же информацию на слух, но со зрительной опорой, с хоровым и индивидуальным проговариванием текста в паузы. Зрительная опора, которая представляет собой иероглифический текст с транскрипцией и подстрочным переводом, является подкрепляющим стимулом и способствует лучшему пониманию и запоминанию языковых фактов.

В ходе предъявления преподаватель дает необходимые лингвистические, этимологические, страноведческие пояснения и комментарии, закрепление материала реализуется в элементарных имитативных речевых действиях. При этом закладывается ориентировочная основа действий с новым речевым материалом и происходит формирование артикуляционных и интонационных навыков, а также прочных слухозрительных и слухоречедвигательных образов новых слов.

В ходе третьего предъявления обучаемые слышат фразу на родном языке и должны во время паузы постараться припомнить адекватный вариант на КЧ, а затем сверить правильность своего ответа с китайским вариантом, звучащим за паузой. На данном этапе введенный материал закрепляется путем его опознания: непроизвольное запоминание дополняется произвольным, а слухоречедвигательные образы новых речевых единиц более полными слухозрительными образами, получая, таким образом, полное представление о тексте.

Четвертое предъявление – это аудирование введенного текста на фоне спокойной музыки. Как отмечают исследователи (Г. Лозанов, И. Е. Шварц, С. В. Киселев и др.) негромкая музыка в учебном процессе расслабляет и успокаивает, создает благоприятный настрой, желание постигать учебный материал. Вместе с тем, она должна быть нейтральной, легкой, по возможности незнакомой обучаемым, чтобы не вызывать определенных эмоций. Итак, сочетание логического (вербальная информация) и эмоционального (музыкальное сопровождение, личностный подтекст речи диктора), восприятие материала одновременно сознанием и подсознанием значительно увеличивает объем и прочность запоминаемой информации.

После окончания введения информации обучаемым предлагается еще раз выполнить комплекс упражнений цигун с установкой на достижение эффекта отдыха и усвоение материала. При выполнении упражнений можно использовать следующие формулы саморегуляции:

"Я все усвоил. Я уверен в этом. Я бодр, настроение отличное. Весь материал я хорошо запомнил. Мне нравится

заниматься китайским языком".

Как показывает пробное обучение, внедрение в учебный процесс занятий данного типа, позволяет усвоить на уровне воспроизведения большой по объему учебный материал и создать благоприятные условия для организации дальнейшей творческой работы по обучению общению на иностранном языке.

В. Ф. Резаненко (Киев)

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СВОЙСТВ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Одним из объективных и достоверных средств изучения прошлого великого китайского народа является китайское иероглифическое письмо – это исключительное явление среди ныне существующих видов письма. Несмотря на то, что китайское письмо за время своего существования неоднократно подвергалось изменениям, его исследователями вплоть до настоящего времени констатируются многочисленные факты преемственности основных свойств графических структурных элементов иероглифических знаков. Более того, в результате проведенных нами исследований в области семантико-графической структуры иероглифов (В. Ф. Резаненко, 1985, 1988) установлена преемственность основных свойств внутренней формы большей части практически используемых иероглифов при последовательной смене стилей письма (чжоувань – лишу – кайшу).

Внутренняя форма иероглифического знака в нашем представлении – это формально-смысловые взаимосвязи его графических элементов, актуализирующиеся при лингвистической функции представления (ЛФП) и лингвистической функции обобщения (ЛФО) этих элементов. Внутренняя форма представлена: а) семантико-графической структурой иероглифа; б) его лингвистической функцией представления и лингвистической функцией обобщения.

Семантико-графическая структура иероглифического знака – связь и взаимодействие расположенных в определенном порядке (в составе иероглифического знака) элементов семантико-графической системы иероглифической письменности, ко-

торая в свою очередь, представляет собой совокупность ее (письменности) элементов, связанных лингвистическими функциями.

ЛФП – обозначение (представление) иероглифом предмета, явления, а также существенных признаков предмета или явления, мотивированное его графической формой, являющейся реальным или схематизированным изображением определенного предмета.

ЛФО – обозначение иероглифом вычлененных и обобщенных наиболее существенных признаков, основных свойств и качеств предмета или явления, мотивированное его графической формой, а также выражение иероглифом понятий и идей, отражающих представления людей о предмете или явления, обозначаемых данным иероглифом.

Таким образом, говоря о преемственности основных свойств внутренней формы иероглифических знаков китайского письма, мы имеем в виду сохранение иероглифами современного письма к а й ш у ЛФП и ЛФО, которыми они обладали в системе стилей ч ж о у в э н ь и л и ш у. Благодаря такой преемственности представляется возможным читать иероглифические тексты, написанные в глубокой древности. Иероглифы являются надежным средством передачи знаний об элементах быта, нравов, обычаев древних китайцев, их культуре, философских воззрениях, религии и т.д. Такая информация передается не только через иероглифические тексты, но и в значительной степени через выражаемые иероглифами идеи и понятия, мотивированные их этимологизированной графической формой.

В связи с этим можно считать, что преемственность основных свойств внутренней формы китайских иероглифов является одной из важных причин, способствующих сохранению и применению иероглифики в Китае и некоторых других странах Юго-Восточной Азии.

Следует отметить, что востоковедческой науке известен ряд факторов языкового и социального характера, оказавших существенное влияние на укрепление позиций китайского иероглифического письма и способствовавших его развитию. Однако нам представляется, что на основании только этих факторов

практически невозможно установить свойства этого письма, обусловившие его сохранение до настоящего времени и превращение в определенном смысле в письмо универсальное.

Изучение современного состояния данной проблемы показывает, что в ряду общеизвестных факторов не оказалось места для такого явления, как семантико-графическая система современного иероглифического письма. Вероятно, поэтому нет ответа на естественно возникающий вопрос – почему семантика графической структуры знаков иероглифического письма к а й-ш у, использующегося в китайском языке в течение XIII столетий, в японском языке – в течение XVI столетий и примерно столько же времени применяющегося в ряде других стран Восточной и Юго-Восточной Азии, не изучается востоковедами-лингвистами так же глубоко и всесторонне, как, например, фонетика, грамматика, стилистика языков этих стран?

Главной причиной такого положения является, вероятно, отсутствие системных исследований в области палеографии и этимологии китайских иероглифов.

Следует, однако, отметить, что зарубежными и отечественными востоковедами получено достаточное количество материалов по палеографии и этимологии отдельных иероглифов и определенных групп иероглифов. Эти материалы были положены нами в основу так называемого комплексного анализа графической формы иероглифов, главной целью которого явилось изучение свойств их внутренней формы через установление характера формально-смысловых взаимосвязей элементов семантико-графической системы иероглифической письменности (так называемые базовые семантические элементы – БСЭ – иероглифической письменности). Наш взгляд на китайскую иероглифику как на совокупность ее БСЭ позволил в результате комплексного анализа 16 тыс. гнездовых иероглифов не только выявить количество БСЭ (около 300 единиц), но и установить, что они на уровне ЛФП обозначают: во-первых, человека, который является одновременно и главным объектом и главным субъектом в системе общественных, семейно-бытовых и др. отношений; во-вторых, материальные предметы (одушевленные и

неодушевленные), которые используются в процессе создания материальных и духовных ценностей. Иначе говоря, БСЭ представляют собой иероглифические знаки, обозначающие человека и те элементы объективной действительности, большая часть которых составляет материальную основу его существования и благополучия.

Именно эти элементы природы, окружающей человека, а также жизненно важные предметы его рукотворной деятельности явились теми объектами, пиктографические изображения которых уже около 4 тыс. лет выполняют роль знаков письменной речи многих народов, населяющих восточно-азиатский регион. Выявление в иероглифике БСЭ, отражающих важные элементы природы и древней культуры людей, говорит о ее универсальности (ср. проблему пазиграфии).

Как показало проведенное нами исследование, восприятие, понимание и применение иероглифов носителями как китайского, так и некоторых других языков стран Восточной и Юго-Восточной Азии обеспечивается, с одной стороны, пиктографичностью современных графических форм БСЭ и, соответственно, легкостью восприятия и усвоения их ЛФП. С другой стороны, обеспечивается общностью культур Китая и стран этого региона, заимствовавших в свое время у первого иероглифическую письменность. Взаимопроникновение культур на основе развития культурно-хозяйственных контактов Китая с такими соседними государствами, как Корея, Вьетнам, Япония и др. подготовило заранее необходимые условия для применения там иероглифической письменности. Те, кто в этих странах стремился овладеть китайской грамотой, были потенциально готовы к восприятию и применению китайской иероглифики как средства выражения универсальных экономических, культурно-политических и философских идей, разрабатывавшихся общественной мыслью Китая и этих стран. Убедительным примером этого является ознакомление японцев с буддизмом и одновременное заимствование ими иероглифической письменности в IV-V вв. н.э. через буддийские тексты, написанные на китайском языке.

Таким образом, восприятие и понимание внутренней формы иероглифов современного китайского письма оказалось до-

ступинным не только для китайцев, но и для людей других национальностей как на уровне их графической структуры, представленной комбинациями стандартизованных черт (графов), передающих изображения контуров предметов, так и на уровне семантической структуры иероглифов, представленной лингвистическими функциями (ЛФП, ЛФО) БСЭ-тов.

Применение в иероглифическом письме относительно небольшого количества БСЭ, являющихся знаками пиктографической категории, несложными для восприятия и усвоения – один из признаков его (письма) универсальности. Существенным является и то, что посредством графических форм БСЭ мотивируются их собственные значения, а также значения иероглифов-носителей БСЭ и выражаемых ими идей и понятий.

Универсальность БСЭ как ядра семантико-графической системы современной иероглифической письменности состоит еще и в том, что большая их часть представлена ограниченным количеством основных тематических групп: 1) человек; 2) орудия труда и оружие; 3) постройки и сооружения; 4) растительность; 5) животный мир; 6) вместилища; 7) место и положение предметов в пространстве. Из названий данных тематических групп видно, что основу семантико-графической системы иероглифической письменности составляют знаки, обозначающие человека и те предметы и явления окружающей действительности, которые имеют для него жизненно важное значение.

Благодаря универсальности БСЭ и преемственности основных свойств их внутренней формы при последовательной смене стилей иероглифического письма (чжоуэнь – минь – кайшу) представляется возможным:

1. Восстанавливать утраченные или дополнять толкования иероглифов через толкования их структурных элементов – БСЭ.

2. На основе этих толкований устанавливать исходные (основные) значения иероглифов-носителей БСЭ.

3. Использовать эти толкования и исходные значения иероглифов при их семантизации в составе древних текстов.

4. Определять характер и специфику взаимосвязи элементов парадигм иероглифов современного текста и на этом основании понимать механизм формирования и расширения парадигм.

5. Устанавливать инварианты парадигм иероглифов современного текста и использовать их в качестве одного из средств их семантизации.

Е.Н. Румянцев (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ РЕФОРМЫ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Предметом исследования в данной статье является переписка по проблемам политики в отношении китайского языка и письменности накануне победы народной революции в Китае между У Юйчжаном, с одной стороны, и Го Можо, Мао Дунем и Ма Сюйлунем, с другой. Обстоятельства ее возникновения и содержание, по нашему мнению, проливают свет на существенные аспекты формирования языковой политики КПК в этот и последующий периоды.

12 июня 1978 г. в "Гуанмин жибао" была опубликована статья, в которой сообщалось, что 25 августа 1949 г. У Юйчжан обратился к Мао Цзэдуну с письмом, в котором просил дать указания по поводу реформы письменности. Мао Цзэдун передал это письмо трем вышеназванным деятелям для того, чтобы они высказали свое мнение. 29 августа он направил У Юйчжану ответное письмо, к которому приложил и письмо Го Можо, Мао Дуя и Ма Сюйлуя. Эти факты были изложены в работе М.В. Софронова "Китайский язык и китайское общество" (М., 1979), где указывалось также, что ответ У Юйчжану содержал "весьма умеренные взгляды на перспективы реформы китайской письменности" (с. 266).

Эти письма впервые были опубликованы в КНР в изложении, насколько известно, в 1985 г. Полный их текст появился в сборнике избранных произведений У Юйчжана, изданном в 1987 г. в Чунцине.

Перед тем как перейти к анализу их содержания, напомним, что в рассматриваемый период в КПК существовали сильные настроения в пользу перехода на алфавитное письмо, в том числе среди высших руководителей. Так, в 1940 г. Мао Цзэдун согласился подписать учредительный манифест Общества "новой письменности" Пограничного района и войти в состав его почетного правления. В одной из частных бесед в

тот же период он заявил: "Нам никак не обойтись без ликвидации иероглифической письменности" (с. 263). Высказывание, рассматривавшееся позднее как официальная установка по проблемам китайской письменности, было сделано Мао Цзэдуном в 1940 г. и звучало довольно расплывчато: "Письменность при определенных условиях должна быть реформирована, язык должен быть приближен к народным массам" (Избранные произведения, т. 3. М., 1953, с. 273).

Тем не менее, как известно, в 1944 г. в Японии было объявлено о "временном" прекращении движения за латинизированную письменность "в связи с недостатком кадров". На самом деле реформа письменности имела гораздо больше противников, чем сторонников, причем не только в гоминьдане, но и в самой КПК. Последняя же готовилась взять власть в Китае и нуждалась в поддержке самых широких слоев общества. С другой стороны, после того, как в начале 1949 г. стало ясно, что победа КПК в гражданской войне неизбежна и является делом ближайшего будущего, сторонники латинизации китайского письма активизировали свою деятельность. Видимо, они полагали, что "определенные условия", о которых говорилось в статье Мао Цзэдуна, созрели.

Все эти моменты просматриваются и в письме У Юйчжана. С одной стороны, он сообщает, что после освобождения Пекина и Тяньцзиня резко возросло число направляемых в новые органы власти и редакции газет предложений о реформе письменности. В редакциях "не было людей, способных разъяснить этот вопрос", они "не осмеливались дать ответ" и передавали все материалы У Юйчжану (1987, с. 655). С другой стороны, активисты движения за латинизацию сообщали ему о том, что представители КПК и армии на местах "хотя все поддерживают реформу письменности, однако как только вопрос переносится в практическую плоскость (например, предлагается издание соответствующих учебников, преподавание новой письменности в школах), они отказываются разрешить осуществление подобных мер, мотивируя это отсутствием указаний ЦК". По-видимому, на местах имелось немало кадровых работников, не разделявших взглядов У Юйчжана на необходимость реформы китай-

ской письменности и "спускавших на тормозах" попытки конкретных мероприятий в данной области.

В этих условиях У Юйчан сделал попытку заручиться поддержкой высокопоставленных деятелей ЦК КПК, которая, насколько можно судить, не увенчалась успехом. Так, когда он обратился к Лю Шаоци за указаниями по поводу предложения Ли Цзиньси создать "исследовательское общество" реформы письменности, ответ гласил: "Можно создать эту организацию, однако ее деятельность не следует ограничивать проблемами новой письменности, необходимо исследовать также проблему упрощения иероглифов...". Таким образом, Лю Шаоци выдвигал в качестве альтернативы замене иероглифической письменности алфавитом ее упрощения, что делало переход на алфавитное письмо менее актуальной проблемой. Далее Лю Шаоци писал: "Необходимо разъяснить беспартийным деятелям, что ЦК нашей партии еще не рассматривал эту проблему (реформу письменности) и поэтому мнения, высказываемые членами партии, являются их личной точкой зрения" (У Юйчан 1987, 656).

Все это сделало неизбежной апелляцию У Юйчана к высшему руководителю КПК.

В "постановочной", если можно так выразиться, части письма У Юйчан высказывает мысль о том, что речь должна идти не только о реформе письменности, но и об обновлении китайского языка. Необходимо, — пишет он, — рассмотреть проблемы диалектов КИ и языков национальностей с тем, чтобы все они "постепенно развивались в направлении объединения" (с. 656). Как можно заметить, этот тезис находился в русле взглядов Цюй Цюбо на путунхуа как общепонятный язык, который образуется в результате слияния диалектов в единый язык китайской нации.

Далее У Юйчан делает попытку сформулировать принципы, которые, по его мнению, следовало бы положить в основу политики нового правительства Китая в отношении китайского языка и письменности:

I. Китайская письменность должна быть алфавитной и

иметь латинскую графику.

2. "Можно создавать алфавитные письменности для всех диалектов китайского языка и языков малочисленных народов Китая, одновременно следует принять сравнительно распространенный и наиболее широко используемый пекинский диалект в качестве стандарта...".

3. Следует упорядочить упрощенные начертания приблизительно 2000 распространенных иероглифов и использовать их в учебниках для народа. В газетах и важных книгах и документах по-прежнему использовать иероглифы в полном **начертании**.

В целях реализации этих принципов У Юйчан, в частности, предлагал наметить в Китае районы, в которых бы "в экспериментальном порядке" вводилась "новая письменность". В число этих районов он включил Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Шаньдун, Ухань, Иньань (с. 657).

Именно по этим предложениям Мао Цзедун запросил мнение Го Можо, Мао Дуя и Ма Сюйлуна. Оно было сформулировано следующим образом.

1. Китай неизбежно пойдет по пути алфавитного письма, однако этот процесс будет длительным. Предварительным условием перехода на алфавитное письмо является единство национального языка, которое будет постепенно достигнуто в результате взаимовлияния и слияния диалектов китайского языка. Алфавитное письмо следует создать на латинской графике (с. 658).

2. Можно создавать латинизированные письменности для языков национальных меньшинств, однако "не может не вызывать сомнения" латинизация диалектов китайского языка, так как это станет препятствием для создания единого национального языка. Абсолютное большинство населения районов распространения диалектов У, Минь, Юэ, — говорится далее, — не знает северной речи. Этим людям нужно будет учить и северную речь с ее латинизированной письменностью, и латинизированную письменность для своего диалекта. "К тому же они не могут не учить иероглифы". Нагрузка окажется слишком велика, и они выберут для изучения латинизированную

письменность для своего диалекта. "Поэтому мы считаем, что латинизация диалектов, хотя и имеет ограниченные преимущества (например, для ликвидации неграмотности среди населения определенного района), однако с точки зрения коренных, долгосрочных интересов формирования единого национального языка не будет ли от этого, к сожалению, больше вреда, чем пользы?" (с. 659).

Такая постановка вопроса закономерно вела к отрицанию концепции путунхуа как результата слияния диалектов китайского языка: авторы указывали на ценные, хотя и ограниченные результаты школьного обучения национальному языку в южных районах Китая в гоминьдановский период. В заключение этого пункта формулировалась и весьма далекая от замысла У Юйчжана перспектива: "Конечно, при изучении национального языка в школах необходимо использовать только латиницу, т. е. давать под иероглифами латинскую транскрипцию" (с. 659).

Оппоненты У Юйчжана были более склонны говорить о сложных проблемах упорядочения китайской письменности и ее упрощении, чем о перспективе ее отмены в недалеком будущем. В отношении же предложения о введении в экспериментальном порядке "новой письменности" в ряде районов Китая оценка была однозначной: "Условия еще не созрели" (с. 660).

Как показали последующие события, противникам У Юйчжана удалось убедить Мао Цзэдуна в своей правоте и обмен письмами подводил черту под важным, но не последним этапом дискуссий о будущем китайского письма. О настроениях высшего руководителя КПК в рассматриваемый период свидетельствует и сообщение С.Л.Тихвинского, согласно которому уже в июне 1949 г. Мао Цзэдун заявил ему в частной беседе, что "иероглифическая письменность — выдающееся богатство китайской нации и не может быть заменена никаким алфавитом" и он отрицательно относится к попыткам латинизации, так как "в переводе на алфавит исчезнет богатая самобытность многотысячелетней китайской культуры" (1989, с. 113).

В дальнейшем эта позиция Мао Цзэдуна неоднократно претерпевала изменения. В основе ее лежали не столько личные

взгляды этого деятеля, сколько политические цели, которые он перед собой ставил.

А.Я. Соколовский (Владивосток)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЯОНИНСКОГО НАРЕЧИЯ (КНР)

Хорошо известно диалектное разнообразие современного китайского языка. Обычно выделяется десять крупных диалектов в Китае, среди которых гуаньхуа – общеразговорный китайский язык, противопоставлен остальным девяти диалектам. На гуаньхуа говорит 662 млн. 224 тыс. чел., т.е. 67,75% населения всей страны. (Согласно переписи 1982 г. в Китае население составляло I млрд. 175 млн. 288 тыс. чел.). Остальные девять диалектов китайские лингвисты называют "необщеразговорным" китайским языком. Однако и сам гуаньхуа не является однородным, его разбивают на восемь вариантов, среди которых северо-восточный занимает значительное место. Фонетические особенности произношения его также значительны. В свою очередь и северо-восточный гуаньхуа с фонетической точки зрения не полностью однороден. В период научной стажировки мне представилась возможность сделать некоторые наблюдения над фонетическими особенностями гуаньхуа в провинции Ляонин, и в частности в районе города Далиня. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить своего консультанта доцента факультета китайского языка Ляонинского педагогического университета т.Ань Цзяцзюя за оказанную мне помощь. При подготовке данного сообщения я имел возможность сверять свои личные наблюдения с его описанием говоров Ляодунского полуострова и приморской области. Также помогла статья Сун Сюэ "Очерк ляонинского произношения" (ж. "Чжунго ыйвэнь", 1963, № 2).

Провинция Ляонин занимает южную часть северо-восточного Китая (район, который традиционно называется Дунбэем). Она находится между $118^{\circ} 45'$ – $125^{\circ} 40'$ восточной долготы и $38^{\circ} 31'$ – $43^{\circ} 36'$, северной широты. Площадь ее составляет 151 тыс. кв.км. Население – 35 млн. 721 тыс. 693 чел.

(на 1982 г.). Помимо собственно китайцев (ханьцев) здесь также проживают маньчжуры, монголы, хуэйцзу и корейцы, которые все говорят на китайском языке. Их произношение близко пекинской норме, хотя имеет свои особенности. Монголы и корейцы среди своих пользуются языком своей народности, но в большинстве своем умеют также говорить по-китайски. В целом произношение провинции Ляонин имеет сходство с произношением провинций Шаньдун, Хэнань и Хэбэй. Это объясняется историческими причинами. В начале XIX в. был отменен цинский указ, запрещавший китайцам покидать свои места постоянного проживания и переезжать в другие. Когда этот указ был отменен, то началась массовая миграция китайского населения, спасающегося от жестокой эксплуатации местных феодалов и природных бедствий. На территорию современной провинции Ляонин потянулось по морю и по суше население, проживающее в соседних с ней местах, из Шаньдуна, Хэнаня и Хэбэя. В зависимости от того, как оседало прибывшее сюда население, различается и современное произношение в Ляонине. В южных ее районах, например, произношение близко шаньдунскому, а в западных районах провинции приближается к произношению восточной части провинции Хэбэй. Китайские лингвисты на этом основании называют гуаньхуа, распространенный в провинции Ляонин, ляонинским диалектом. Впрочем, это не строго научное определение, поскольку китайское "фаньянь", которое обычно переводится как "диалект", можно переводить еще и как "язык данной конкретной местности" (фан – сторона, янь – речь). Мы вкладываем в термин "ляонинский диалект" следующее содержание – это дунбэйский вариант гуаньхуа, представленный на территории провинции Ляонин. В этом же смысле мы пользуемся ниже и понятием "наречие".

Всестороннее изучение ляонинского произношения началось в Китае в 1957 г. Тогда была создана специальная лингвистическая комиссия, которая руководила всей работой по систематическому описанию этого наречия (далее ЛН). Фонетическая система ЛН приближается к фонетической норме пекинского наречия. Лишь на южной части полуострова Ляодун,

и в частности г. Даляня, есть немало расхождений с пекинской нормой. Общим в обследованном материале является следующее.

II инициальных фонем: $p, p', m, f, t, t', n, l, k, k'$,

х. Все эти инициалы полностью аналогичны соответствующим пекинским. Почти повсюду имеются инициалы ts, ts', s и $tɕ, tɕ', ɕ$, которые также практически ничем не отличаются от соответствующих пекинских инициалей. Что касается финалей, то все они почти такие же, как в пекинском, но есть ряд мест, где не представлена финаль. Если же говорить о тоне, то в основном здесь представлены все четыре тона. Исключения составляют уезды Чан Хай, Синь Цзинь, Чжуан Хэ и Ань Дун, где имеется три тона: ровный, нисходяще-восходящий и падающий, отсутствует восходящий тон. (см. Сун Сюэ, 1963), 3-й тон всегда имеет нисходяще-восходящую интонацию, 4-й тон всегда падающий. 2-й тон, как уже говорилось, представлен не везде. Его нет, например, в уездах Чан Хай, Синь Цзинь, Чжуан Хэ и Ань Дун.

Ляонинское наречие можно разделить на четыре варианта, представленные в четырех районах.

Первый район включает следующие четыре уезда: Чан Хай, Синь Цзинь, Чжуан Хэ, Ань Дун.

Фонетические особенности его следующие:

1) Имеется только три тона (см. выше).

2) В трех уездах: Синь Цзинь, Чжуан Хэ и Ань Дун инициалы $ts, ts', tɕ$ читаются как $tɕ, tɕ', ɕ$. Эта особенность не зарегистрирована в других частях Ляонина.

3) Пекинские инициалы t, t', ts, ts', s , сочетающиеся с финалями $ai, uən, uan$, во всех четырех уездах первого района, а также в районе г. Даляня, в уездах Фусянь и Ань Дун имеют ограниченную сочетаемость валентности. Они не сочетаются с финалями, содержащими медиаль $-u-$. Указанные инициалы вытесняют данную медиаль и присоединяются непосредственно к субфиналям $ai, ən, an$. Следует подчеркнуть, что эта часть не характерна в целом для ЛЯ.

4) Во всех указанных четырех уездах вообще нет инициалей

$ʒ, ʒ', ʂ, ʐ$.

5) В уезде Чан Хай есть отличия в произношении апиальных j , q , x . Они отличаются от соответствующих нормативных пекинских и читаются здесь как $tʃ$, $tʃ'$, $ʃ$.

Второй район включает районы Далиня, Люйшуня, уезды Фуся, Гайпин, Инкоу, Сюань, Ань Дун, Куань Дянь, Хуань Жэнь. Здесь имеются следующие особенности в произношении:

- 1) Имеются все четыре тона, представленные в пекинском.
- 2) Нет инициали.
- 3) В районах Далиня, Люйшуня, в уездах Фуся и Сюань имеются инициали ts , ts' , s .

Третий район включает Шэньян, Ляоян, Ляочжун, Аньшань, Хайчен, Цинъюань, Синьбин, Фэнчен. Фонетические особенности этого района следующие:

1) В этом районе, кроме городка Фэнчен, не представлены инициали $tʃ$, $tʃ'$, $ʃ$. Они все здесь читаются как ts , ts' , s .

2) Нет инициали $ʒ$. Те слова, которые в пекинской норме имеют соответствующую инициаль, здесь читаются с нулевой инициалью, после которой следует i или y ; иероглиф читается с инициалью l (lie). Только в Ляояне он читается как "yei".

Четвертый район включает Сифэн, Кайюань, Чанту, Канпин, Фуку, Телин, Синьминь, Чаньу, Фусинь и другие пограничные с автономным районом Внутренняя Монголия места. Всего 25 пунктов. Фонетические особенности этого района следующие:

1) Слова с нулевыми инициалами в пекинском наречии читаются здесь с инициалью n иногда с $ŋ$.

2) Имеется инициаль $ʃ$.

Обобщая материал, можно систематизировать его так:

Инициали ляонинского наречия

В ЛН есть 12 инициалей, которые совсем не представлены в пекинском наречии: $tθ$, $tθ'$, $θ$, $tʃ$, $tʃ'$, $ʃ$; s , s' , $ʒ$, v , $ʈ$, $ʈ'$. Девять из них представлены лишь на островах Чанхай. Произношение инициалей $tθ$, $tθ'$, $θ$ характеризуется местоположением кончика языка между нижними и верхними зубами, что создает преграду для струи воздуха. В результате полу-

чаются фрикативные звуки. Например, в словах 灾, 资, 早, 走, 总, инициалью выступает $t\theta$. В словах 才, 脆, 次, 才 инициалью является фонема $t\theta$, в словах 思, 私, 三 - θ .

Инициали $t\zeta$, $t\zeta'$, ζ произносятся так: весь язык и особенно его передняя часть поднимается к передней части твердого неба (к альвеолам). В результате создается преграда для воздушной струи и образуются фрикативные звуки. В словах 酒, 浆, 知 инициалью выступает фонема $t\zeta$. В словах 手, 秋, 也 - $t\zeta'$. В словах 须, 羞, 箱 инициалью является фонема ζ .

Произношение s , s' , ζ , тоже выступающих здесь в роли инициалей, характеризуется поднятием средней части языка к твердому небу - получается фрикативный звук. В ЛН имеется инициаль v - губно-зубной фрикативный звук. Инициаль η - переднеязычный, носовой звук. Положение языка при его артикуляции такое же, как при артикуляции $t\zeta$, $t\zeta'$, ζ . Инициаль η - заднеязычный, носовой звук. Положение языка при его артикуляции такое же, как при артикуляции x , x' , x . Эта инициаль имеется только в трех районах: Бэйляо, Фэцзюнь и Кайюань. Такие слова, как 鹤, 软, 曼, 软 здесь читаются с инициалью η .

Финали ляонинского наречия

В некоторых районах провинции Ляонин имеются такие финали, каких нет в пекинском. Так, зарегистрировано три необычные финали η , ou , uei . В районе острова Чанхай η может самостоятельно образовывать слог: 貌 читается как uei . Есть также разница в произношении финалей uo , ϵ , ai , au в случае с uo фонема o не сильно лабиализована и больше напоминает нечто среднее между o и a . В районах Далиня, Люйшуня, Фусяня, Синьцзиня, Чжуанхэ, Чанхая, Аньдуня ai и au произносятся очень узко, почти как один гласный звук. Например, 盖 читается как $[k\epsilon']$. 高 gao читается как $[k\epsilon]$. Остальные финали читаются как в пекинском. Об особенностях тона в ЛН говорилось в начале настоящего сообщения.

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КИТАЙСКОГО АРХАИЧНОГО ПИСЬМА

Китайское иероглифическое письмо (КИП) – важная составная часть традиционной культуры этой древней страны. На всех этапах эволюции иероглифики прослеживается характерная черта, присущая всем явлениям материальной и духовной жизни китайской цивилизации – тесная взаимосвязь старого и нового, древнего и современного. Среди ряда особенностей современного употребления иероглифов выделяется функционирование в различных сферах письменной и художественной практики современного Китая "мертвых" стилей письма, вышедших из сферы государственного письменного общения два-три тысячелетия тому назад. Подобное, хотя и не полностью идентичное, явление наблюдается и в других современных странах (например, имитация или стилизация под древние стили или шрифты латинского письма и кириллицы). Однако несравненно более широкое применение архаичных и древних стилей китайского иероглифического письма как по числу их разновидностей, так и по "возрасту" этих стилей позволяет вынести это явление за рамки обычной практики. Данное обстоятельство приводит к необходимости глубже взглянуть на причины и особенности этого необычного явления, еще раз обратиться к проблеме типологии и эволюции графических стилей КИП и выявить специфику функционирования и сферы применения архаичных стилей на современном этапе развития китайской иероглифики. Заметим, что кроме чисто лингвистических проблем, неизбежно затрагиваются при этом и аспекты функционирования китайской иероглифики, связанные с искусством и эстетикой Китая.

Рассматривая архаичные стили как элемент системы графических стилей китайской иероглифики с точки зрения типологии, исследователь неизбежно сталкивается с рядом вопросов, на которые либо нет однозначных и исчерпывающих ответов, либо эти ответы не отвечают требованиям современной науки и нуждаются в критической переоценке. В многочислен-

ных трудах по китайскому языкознанию, каллиграфии, эпиграфике и палеографии, насчитывающих не одну сотню, проблемы типологии КИП, в том числе и архаичных стилей, на первый взгляд, рассмотрены достаточно основательно. Вместе с тем, можно констатировать, что многие положения этих исследований, сделанных как относительно недавно, так и отдаленных от нас столетиями, нуждаются в критической переоценке с позиций современной науки. Не останавливаясь подробно на достоинствах и недостатках, упомянутых исследований, можно лишь отметить, что большую трудность вызывает громоздкий и противоречивый понятийно-терминологический аппарат, складывавшийся в течение столетий и широко применяющийся до сих пор в современной научной литературе Китая, не способствующий, однако, формированию четкого взгляда на рассматриваемые проблемы. Затрудняет исследования также и обилие противоречивых точек зрения на отдельные вопросы развития иероглифического письма в Китае, в том числе и на вопрос его периодизации. Часть вопросов, такие как функционирование различных стилей КИП (в т.ч. и архаичных) в современной письменной практике Китая, их роль и место в графической системе и другие смежные вопросы вообще не рассматривались как в китайской, так и в отечественной науке.

В процессе исследования современного состояния КИП, его роли в социальной практике, особенностей функционирования его многочисленных графических стилей встает ряд вопросов, рассмотрение которых с позиций современной науки представляется наиболее важным.

1. Определение архаичного письма. Этот вопрос связан с проблемой периодизации всей эволюции КИП. Как представляется, наиболее обоснованным является выделение в китайской иероглифике трех типов письма (см. рис. I), отражающих ^{или} тот или период его эволюции: архаичного (от самых ранних форм и стилей до стиля лишу), письма переходного периода (стиль лишу) и современного письма (кайшу и его скорописные варианты)^I. К архаичному письму можно отнести все формы,

^I Этой точки зрения придерживаются многие современные китайские исследователи, хотя большинство из них не выделяет переходного периода.

стили и их синхронные графические и стилистические разновидности, которые функционировали в общественной письменной практике с конца правления династии Восточная Хань до начала правления династии Западной Хань. С точки зрения типологии все архаичные стили по ряду структурных, палеографических и стилистических характеристик могут быть отнесены к единой системе чжуань (см. рис. 2).

2. Типология стиля чжуань. Под этим термином в широком его толковании обычно подразумевают ряд архаичных стилей, сходных по своим типологическим признакам, структурным, палеографическим и стилистическим характеристикам, включая надписи на гадательных костях периода Шан-Чжоу (цзягувэнь) как одну из самых ранних форм КИП. Указанные стили образуют типологически единую систему, которая включает, кроме цзягувэнь, неупорядоченный чжуань (да чжуань), ассоциирующийся обычно с письмом правящего дома Чжоу, и упорядоченный чжуань (сяо чжуань), т.е. письмо после реформы 213 г. до н.э. В свою очередь да чжуань включает ряд вариантов, образовавшихся в царствах периода Чжаньго в результате их социально-экономической и культурной изоляции (так называемое письмо шести царств, гувэнь или цзи цзы). Среди них по стилистическим и другим характеристикам выделяется письмо царств Цинь, Чу и Ци. Как производные от "письма шести царств" или как его поздние интерпретации можно рассматривать некоторые из так называемых восьми стилей династии Цинь и Хань и шести стилей Ван Мана (чуншу, муинь, цзи цзы), типологически весьма близкие к стилям упомянутых царств (см. рис. 2).

3. Цзягувэнь и чжуань. Надписи на гадательных костях периода Шан-Чжоу являются наиболее ранними из обнаруженных к настоящему времени образцов архаичного письма, однако они отражают не самый ранний период его развития. Типологически цзягувэнь вписывается в систему стиля чжуань, так как по структуре знаков, способам организации графических элементов является основой, от которой берут начало все последующие архаичные стили. Тем не менее, ряд особенностей, связанных с его палеографическими и структурными характе-

ристиками, а также со спецификой его использования, позволяют отделить цзягувэнь от всех последующих архаичных стилей и отнести его не к стилю, а, скорее, к форме письма.

4. Цзиньвэнь – чжуань. Современные взгляды на типологию графических стилей КИП не дают оснований выделять цзиньвэнь в отдельный стиль, как это практиковалось вплоть до настоящего времени. Само название – "надписи на бронзе" – указывает на материал, на котором делались надписи, а по всем характеристикам их можно отнести к той или иной разновидности стиля чжуань в зависимости от времени и места их изготовления.

5. "Мертвые" стили письма. Функционирование архаичных стилей в древности и в настоящее время. Понятие "мертвые стили" в теории письма включает стили и шрифты, утратившие статус средства общегосударственного письма и по этой причине вышедшие из письменной практики. Но памятники материальной культуры и искусства Китая свидетельствуют о том, что архаичные стили, будучи уже неофициальными, широко применялись на протяжении практически всей истории развития китайской культуры. Когда в эпоху Хань в официальной письменной практике стал активно применяться стиль лишу, вытесненный им чжуань продолжал активно использоваться в сфере художественной практики и искусства (стелы, печати, вывески, каллиграфия). По мере обнаружения в эпоху средневековья эпиграфических памятников древности (оружие, бронза, печати) набор архаичных стилей, применявшихся в искусстве и художественной практике, постоянно расширялся. Особенно это заметно на примере искусства печатей, получившего бурное развитие в период династии Мин и Цин, когда необычайно широко стали применяться практически все стили и варианты чжуаня, за исключением еще не обнаруженного стиля цзягувэнь (см. рис. 3).

В настоящее время отмечается использование большого числа архаичных стилей в различных сферах художественной практики (вывески, эпитафии, ювелирные украшения, ярлыки, этикетки; в оформлении декора посуды, костюма, тканей и пр.) и в искусстве (надписи на картинах, каллиграфия, пе-

чати). Кроме того, стили архаичного письма находят применение в тех сферах письменного общения, где проявляется эстетическая сторона письма и где оно используется для придания особого колорита древности, например, для оформления названий различных печатных изданий – книг, альбомов, словарей и пр., заголовков статей и рубрик газет и журналов (см. рис. 4).

Функционирование стилей архаичного письма на современном этапе развития КИП – явление весьма примечательное для письменной практики Китая, обусловленное спецификой самой системы иероглифического письма, длительным процессом его эволюции, равно как и прочными культурными и художественными традициями, которые обеспечивают постоянную связь времен на протяжении всей истории китайской цивилизации. Круг вопросов, связанных с китайским архаичным письмом, весьма широк ввиду многогранности самого этого явления. Уточнение и углубление представлений о путях эволюции архаичных стилей дает возможность лучше осознать процессы и тенденции развития китайской иероглифики и особенности современной письменной ситуации в стране.

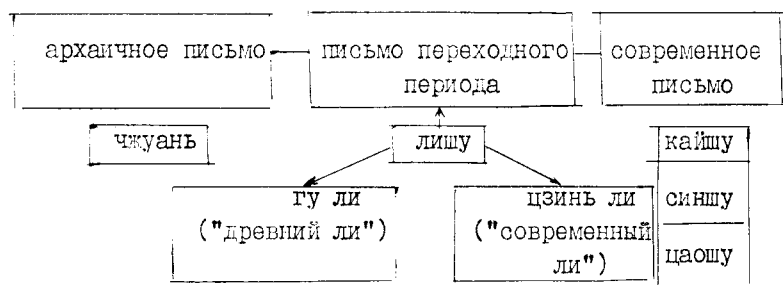

Рис. 1 Периодизация китайского пиктографического письма и типология его графических стилей

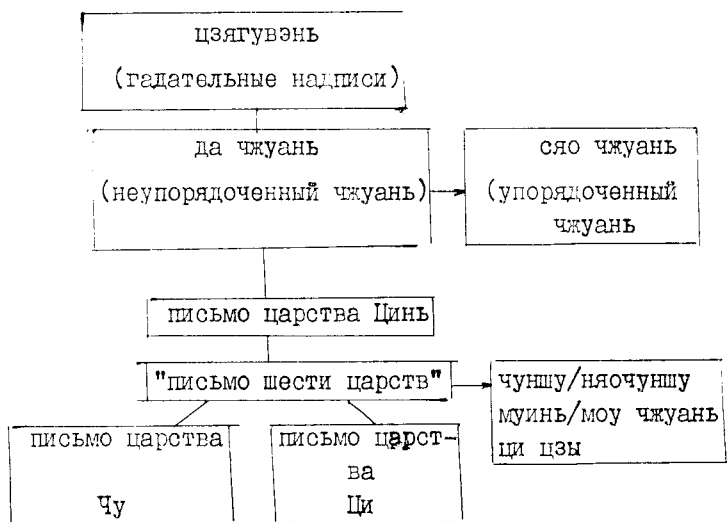
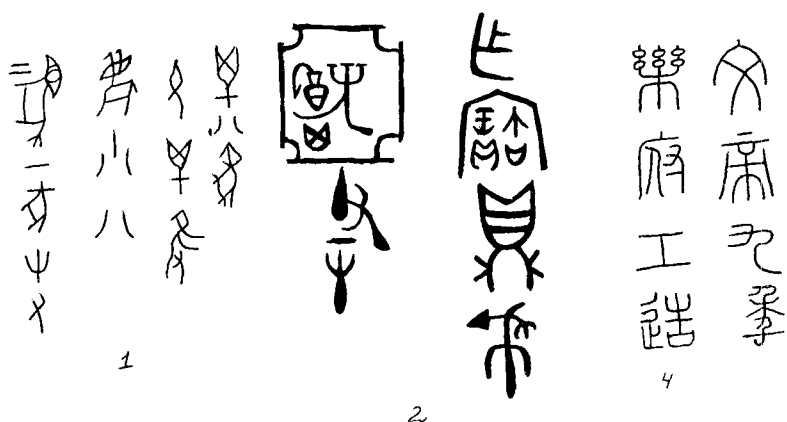

Рис. 2. Типология архаичного письма (система чжуань)

Цинь Ци Чу Янь Хань Чжао Вэй

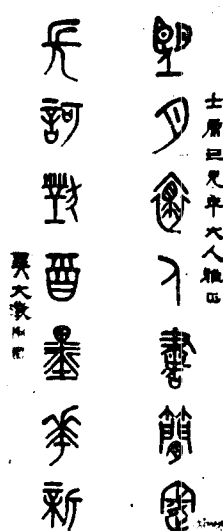
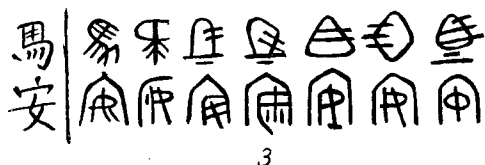

Рис. 3. Образцы архаичного письма I - надпись на гадательной кости, дин.Инь (XIV-XI вв. до н.э.); 2 - надпись на бронзе, династия Западная Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.); 3 - образцы письма периода Чжаньго (V-III вв. до н.э.); 4 - стиль сяо чжуань, династия Западная Хань (II в. до н.э.); 5 - 8 - личные печати династии Хань в стиле письма периода Чжаньго; 9 - личные печати династии Мин в стиле чжуань; 10 - каллиграфия в стиле цзиньвань (XIX в.).

△万象更新

篆刻： 杨增威

I

人之生也直
杨永航

2

3

汪马昆仑

根与天 篆刻

4

利居众后

陆永利篆刻

5

执政为既
篆刻： 胡根深
费在人先

6

7

8

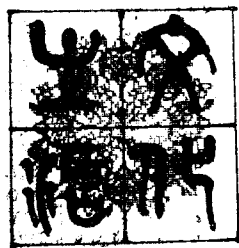
9

II

10

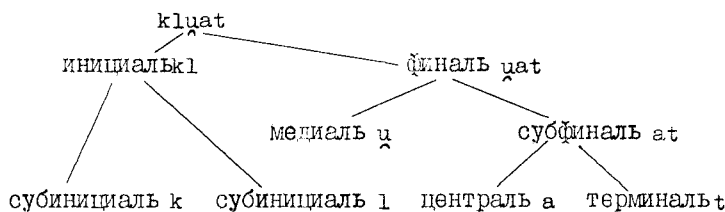
12

Рис. 4. Архаичные стили в современной письменной и художественной практике. I, 2, 6, 7 - печати в стиле надписей на бронзе; 3 - печать в стиле да чжуань; 4, 5, 8 - печать в стиле письма Чжаньго; 9 - обложка журнала (сяо чжуань); 10 - эскиз (сяо чжуань); II-12 - газетные рубрики (сяо чжуань).

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ И ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ
СЛОГОВОЙ ФОНОЛОГИИ

Слоговая фонология, как она предстает в трудах советских авторов (А.А.Драгунов, М.В.Гордина, В.Б.Касевич), базируется на принципе бинарности и вытекающей из него иерархичности в организации компонентов слога. Считается, что в слоговых языках слог при первичной сегментации распадается всегда только на два компонента. Эти компоненты могут иметь сложную структуру, и в этом случае они также распадаются на два компонента. Степень функциональной автономности элементов нижележащего уровня признается более ограниченной, чем того компонента, составляющими которого они являются.

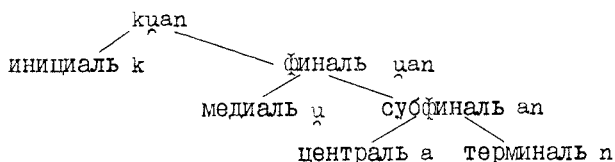
Наиболее подробно принцип описания структуры слога разработан В.Б.Касевичем. Взяв его за основу, представим схематически структуру древнебирманского слога *kluat* "быть свободным". Слог такой структуры является максимальным по составу в системе слогов слоговых языков, и на его примере можно исчерпывающе представить количество уровней и наименования единиц, составляющих слог:

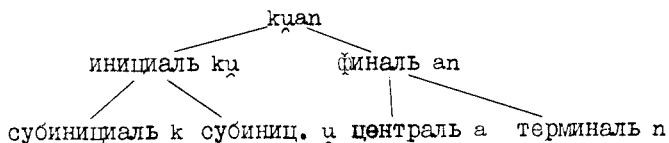
В принятой терминологии отчетливо прослеживается тенденция отразить позицию выделенных элементов в линейной структуре слога. Такой подход к наименованию звуковых сегментов, составляющих слог, безусловно оправдан, поскольку, как известно, в языках слогового строя последние образуют непересекающиеся классы, каждый из которых может занимать строго определенную позицию в слоговой структуре. Вместе с тем, если сравнить в приведенной схеме трактовку подуровня, или субуровня, инициалей и финалей, становится заметным от-

ход от позиционного принципа наименования компонентов данных элементов: на нижележащем уровне (финали) распадаются на субфиналь и медиаль, а инициалы – на две субинициали, т.е. при отражении подуровня (финалей) соблюден принцип соотнесенности терминов с позицией данного элемента в линейной структуре слога, а при отражении подуровня инициалей позиционная соотнесенность компонентов оказывается безразличной. В данном случае тот факт, что компоненты финали и инициали имеют различный фонологический статус (или принадлежат разным уровням иерархии), не имеет значения, поскольку, как явствует из приведенной выше схемы, помета "суб-" при том или ином термине указывает не на абсолютный уровень в структуре слога, а на относительный.

Нарушение позиционного принципа в наименовании компонентов слога влечет за собой последствия теоретического характера. Проанализируем структуру слога *kuan*, одинаково возможного в китайском и тайских языках. Для китайского языка считается, что элемент *ɥ* в данном слоге принадлежит финали, и структура слога предстает в следующем виде:

Для тайских языков элемент *ɥ* принято считать входящим в инициаль, и в них этот слог имеет следующую структуру:

Мы видим, что один и тот же элемент сегментной структуры слога – полугласный *ɥ* – оказывается терминологически несоотносим в разных языках: в одном случае его позиционная специфика оказывается основным содержанием для его наименования, в другом она полностью игнорируется. Но проблема состоит не только в очевидном нарушении параллелизма

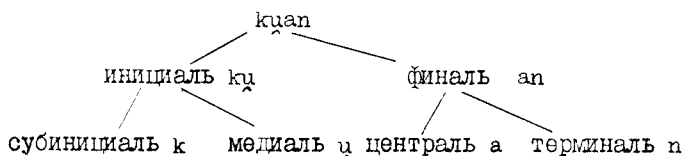
в истолковании структурных компонентов материально тождественных слогов. Она заключается и в том, что под сомнением оказывается представление о единой канонической форме слога в слоговых языках, согласно которому любой слог в них можно рассматривать как набор позиций для непересекающихся классов звуковых сегментов. Считается, что медиаль является обязательным компонентом финали, и в случае материального отсутствия медиали в конкретном слоге в нем при фонологическом анализе необходимо вводить для нее нулевую позицию. Например, если мы имеем китайский слог *kan*, то сегмент *an* в нем является субфиналью, а медиаль представлена нулем.

В таком случае в тайском слоге *kan* сегмент *an* также должен рассматриваться как субфиналь с нулевой медиалью. Реально, однако, нуль для медиали в тайском слоге вводить нельзя, так как в нем медиаль в составе финали в принципе невозможна, ибо сегмент слоговой структуры, который мог бы потенциально выступать в качестве медиали — полугласный *ɥ* — является, как было показано, частью инициали.

В рамках существующих исходных положений мы должны сделать вывод о том, что единой канонической формы слога для слоговых языков не существует, и китайский язык типологически противопоставляется тайским, как имеющий медиали безмедимальным. При полном материальном тождестве слогов, на которых зиждется такое противопоставление, данный вывод не кажется практически оправданным.

Отмеченная противоречивость ситуации с медиалью во многом снимется, если отказаться от понимания медиали как, только и исключительно, части финали. Под медиалью целесообразно понимать звуковой сегмент, занимающий последнюю позицию в слоге перед слогообразующим гласным. Понятно, что, скажем, в древнебирманском слоге *klat* сегмент *-l-* не будет медиалью, поскольку после него возможен элемент *ɥ* — слог *klɥat*. Но после *-ɥ-* никакой другой элемент, кроме слогообразующего гласного, невозможен. Следовательно, *-ɥ-* занимает последнюю перед гласным позицию в данном языке и является медиалью. При бинаристском истолковании структуры слога медиаль в разных языках может структурно входить и

в состав инициали, и в состав финали. Соответственно, структура тайского слога *kuap* должна быть представлена так:

Вряд ли оправдано так же недифференцированно обозначать, как субинициали в составе сложных инициалей, другие сегменты слога, входящие в группу так называемых промежуточных элементов и не являющиеся медиалами. Речь идет прежде всего о сонантах *l* и *r*, являющихся наиболее распространенными компонентами сложных инициалей. В исходном древнебирманском слоге *kluat* промежуточный сонант *l* позиционно противостоит полугласному *u* и поэтому не является медиалю. Но точно так же он противопоставляется и инициали, ибо находится в позиции, которую может замещать ограниченное количество звуковых сегментов, тогда как в позиции инициали могут выступать практически любые согласные. Поэтому сложные инициали такого типа целесообразно рассматривать не как состоящие из субинициалей, а из субинициали и постинициали.

Слоговая фонология признает возможность сложного характера таких единиц, как инициали и финали, но не предусматривает возможности сложного характера медиалей. Между тем такие единицы можно усмотреть, например, в древнекитайском языке, и, соответственно, они должны войти в номенклатуру понятий слоговой фонологии. Дальнейшие рассуждения в связи с затронутым вопросом базируются на материале об истории *фаньце*, любезно предоставленном С.Е. Яхонтовым.

В китайском языке в классический период существовало промежуточное сочетание *iu*. При разрезании слогов с таким сочетанием первый иероглиф разрезания обычно включал полугласный *i*, второй — оба полугласных, например, *liuān* = *liək* + *kiuān*; *siuāt* = *siet* + *niuāt*. Наличие *i* в первом иероглифе разрезания, видимо, указывало на мягкость инициали раз-

резаемого слога, а не свидетельствовало о Принадлежности первого полугласного инициали. Такое предположение подтверждается, во-первых, тем, что имеются примеры, где полугласный $\dot{u}$ сочетания $\dot{u}\ddot{u}$ не отражается первым иероглифом разрезания, например, $tshiu = tshen + diu$, т.е., видимо, наличием $\dot{u}$ в первом иероглифе разрезания отражалось дофонологическое явление. Во-вторых, если современная китайская медиаль $\ddot{u}$ возникла из слияния промежуточных $\dot{u}$ и $\ddot{u}$, как считают Б.Каригрен и И.Н.Гальцев, то можно допустить, что некоторое время сочетание $\dot{u}\ddot{u}$ функционировало в языке в виде некоей слитной единицы, своего рода дифтонга, трансформировавшегося впоследствии в монофтонг. Таким образом и здесь можно увидеть подтверждение слитности сочетания $\dot{u}\ddot{u}$ и свидетельство прохождения функциональной границы слева от него, а не между его компонентами. Поскольку сочетание $\dot{u}\ddot{u}$ не входило в стихотворную рифму, оно отделялось и от последующей части слога и функционировало в виде сложной медиали.

Аналогично сложным инициалам и субфиналям, сложная медиаль может быть представлена в виде двух единиц – субмедиалей $\dot{u}$ и $\ddot{u}$. В принципе мы вправе поставить вопрос о том, чтобы в названиях компонентов сложной медиали была бы отражена их позиционная специфика. Однако применительно к сложной медиали такое требование не столь актуально, как применительно к другим сложным компонентам слога. Дело в том, что сложная медиаль существует лишь в единственном числе – ею может быть лишь сегмент $\dot{u}\ddot{u}$ и никакой другой. И компоненты ее – полугласные $\dot{u}$ и $\ddot{u}$ – часто не противопоставляются друг другу позиционно в разных слоговых языках. В любом случае очевидно, что собственно субмедиалью в сложной медиали будет компонент $\ddot{u}$, а полугласный $\dot{u}$ будет предмедиалью.

II. ГРАММАТИКА: Морфология, синтаксис, словообразование

А.А.Беликов (Москва)

Суффиксы -цзы и -эр и нормализация китайского языка

Употребление именных суффиксов -цзы и -эр китайского языка (КЯ) имеет, как известно, ярко выраженные диалектные и функционально-стилистические особенности. Этим обусловлен целый ряд проблем, связанных с процессом нормализации КЯ. С одной стороны, высказывается необходимость дальнейшего углубленного изучения именной суффиксации, прежде всего на основе живой устной речи (Люй Шусян), с тем, чтобы более четко определить основные закономерности употребления суффиксов (это во многом облегчило бы задачу изучения путунхуа носителями различных диалектов). С другой стороны, именная суффиксация, и особенно такой важный аспект ее, как эризация, рассматривается некоторыми лингвистами как периферийное явление, которое необходимо вытеснять за рамки нормативного языка (Чань Чжуньюй).

Для характеристики особенностей именной суффиксации в плане нормализации КЯ нами была проанализирована суффиксальная лексика нормативного словаря современного КЯ "Сяньдай ханьюй цидянь" (1979). Использование суф. -цзы и -эр рассматривалось по следующим параметрам: общее количество единиц с суф. -цзы и -эр; наличие единиц-аналогов с суф. -цзы и -эр; факультативность употребления суффиксов; влияние диалектов на именную суффиксацию путунхуа; влияние разговорной речи на употребление суффиксов.

Авторы "Сяньдай ханьюй цидянь" при описании суффиксальной лексики придерживаются следующих правил: если на письме суффикс иногда употребляется, а иногда опускается, а в ус-

тной речи употребление суффикса обязательно, то такая единица выделяется как устойчивая и транскрибируется как эризованная (речь идет об употреблении суф. -эр, поскольку с суф. -цзы подобных проблем практически не возникает), например: цэир "сегодня", сяохар "ребенок". Если на письме единица обычно не эризуется, а в устной речи обычно эризуется, то употребление -эр признается факультативным, суффикс заключается в скобки - (-эр), и чтение единицы дается как неэризованное, например: мили(-эр) "рисовое зернышко". В том случае, если единица имеет более одного значения и во всех значениях в устной речи обычно эризуется, то суффикс ставится после транскрипции в скобках перед цифрой I, обозначающей первое значение, например: муян(-эр) I. "наружность, внешность", 2. "приблизительно, примерно". Когда же эриуются только отдельные значения данной единицы, суффикс помещается после соответствующей цифры, указывающей на значение: пай I. (-эр) "табличка", 2. (-эр) торговая марка, 3. игральные карты, 4. мотив, напев.

Общее количество статей, содержащих единицы с суф. -цзы или -эр - 3162: с -цзы - 986 (31.18% - округление до 0.01%), с -эр - 2176 (68.32%). Из них шесть "двойной" суффиксации, т.е. существительных с двумя суффиксами, например: банцзымяр "кукурузная мука", хуардунцзы "парник", шэньцзыгур "телосложение". 82.73% единиц с суффиксами имеют только одно значение, 14.04% - два значения, 2.44% - три значения, 0.60% - четыре значения, 0.22% - пять значений и 0.06% - шесть значений. Общее количество значений - 3855, на долю -цзы приходится 32.79% (1264), -эр - 67.21% (2591).

При установлении коррелирующих пар - семантических аналогов с суф. -цзы и -эр во внимание принимались несколько случаев. Две единицы являются полными аналогами: $X + \text{--цзы} = X + \text{--эр}$, например: динцзы = дин(-эр) "гвоздь". Отсылки могут быть такого рода: $X + \text{--цзы} = X + \text{--эр}(1, 2, \dots)$, или наоборот; например: лэр = лэцзы I. "радостное событие" 2. "событие, вызывающее смех". Значение единицы с одним суффиксом может быть отослано к одному или нескольким значениям единицы с другим суффиксом: X I. (-эр) = $X + \text{--цзы}$

1., 2.; например: гай 1. (-эр) "крышка", 2. (-эр) "панцирь" = гайцзы 1. "крышка" 2. "панцирь". Таким образом, одно значение -эр/-цзы может коррелировать с двумя и более значениями -цзы/-эр. Вполне очевидно, что количество коррелирующих значений будет превосходить количество пар-аналогов.

В качестве аналогов рассматриваются случаи "условных отсылок", когда коррелирующая пара в словаре, строго говоря, не представлена, но в статье с суффиксальной единицей есть помета е цзыо "также говорят": х + -цзы "также говорят" х + -эр, или наоборот. Например: ювань(-эр) "пилюля" "также говорят" юваньцзы, или яшуа(-эр) "зубная щетка" "также говорят" яшуацзы.

Количество пар-аналогов с -цзы и -эр - 208 /416 единиц/ или 13,16% от общего количества статей с суффиксами. Количество значений-аналогов, естественно, несколько больше - 441 без учета "условных отсылок", т.е. 11,44% от общего количества значений. Число пар "условных отсылок" - 34 (68 единиц), или 1,76% общего числа значений. Общее количество коррелирующих значений с учетом "условных отсылок" - 509 (13,20%).

Критерием определения факультативности суффикса, как уже говорилось, является заключение его в скобки. Всего выявлен 1801 случай факультативного употребления суффикса (46,72% значений), из них на долю -эр приходится 1797 случаев, т.е. 99,78%, а -цзы - всего четыре случая: бингэн (-цзы/-эр) "застарелая болезнь", холу(-цзы) "печка", бо (-цзы/-эр) "партия, группа"; один случай "условной" факультативности: бивацзы "впадина на крыле носа" "также говорят" бива, т.е. 0,22%. Факультативность -эр по отношению к общему числу значений с этим суффиксом составляет 69,36%, у суф. -цзы - 0,32%.

Единицы, представленные в нормативном словаре путунхуа, но употребляемые главным образом в диалектах, снабжены пометой (фан) - "диалект.". Таких случаев 550 (14,27% значений); из них с -цзы - 193, или 35,09% (это 15,27% общего количества значений с -цзы), а с -эр - 357, или

64.91% (13.78% значений с -эр).

Единицы, распространенные главным образом в устной речи, снабжены в словаре пометой (kou) - "разг.". Всего таковых оказалось 361 (9.36% общего числа значений), из них с -цзы - 122, или 33.80% (9.65% значений с -цзы), с -эр - 239, или 66.20% (9.22% значений с -эр).

Общий объем суффиксальной лексики, представленной в словаре, достаточно велик, поскольку сфера ее употребления ограничена главным образом разговорно-бытовым стилем. Соотношение лексики с -цзы и -эр (31.18% и 68.32%) интересно сравнить с распределением по суффиксам в списке 3000 наиболее употребительных слов путунхуа "Путунхуа сань цзянь чан юн цы бяо" (1987), где на долю -цзы приходится 68.97% существительных, а -эр - 31.03%, т.е. соотношение прямо противоположное. Анализ факультативности употребления суффиксов подтверждает, что связь суф. -цзы с единицей, при которой он употребляется, устойчива (0.32%), а суф. -эр весьма подвижна (69.36%). Что касается диалектного влияния и фактора устной речи, то существенного расхождения при включении суффиксальной лексики в словарь в этом смысле не наблюдается: диал. влияние для -цзы - 15.27%, -эр - 13.78%; разг. для -цзы - 9.65%, -эр - 9.22%.

И.В.Войцехович (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ УЗУАЛЬНЫХ И ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Пословицы в китайском языке, как и чэньюй, обладают семантической целостностью и устойчивостью. Тем не менее они часто функционируют в языке в нескольких вариантах.

Основные узуальные видоизменения в пословицах происходят за счет изменения лексического состава, иногда грамматической формы. Лексические варианты не затрагивают образной основы пословицы и не создают новых оттенков значения. Например, пословица 三个臭皮匠合成一个诸葛亮 существует в нескольких вариантах благодаря замене сказуемого 合成 на другие глаголы 顶, 变成, 赛过

В двучленных пословицах может варьироваться одна часть, вторая же остается постоянной. Например:

“射人先射马，擒贼先擒王。知道不知道？记住！碰到骑马的敌人，就是先打马后打人。” 笑强，红日。

“派最强的部队去攻！这是敌人的要害！”

“打蛇先打头，擒贼先擒王！” 笑强，红日。

В пословице 射人先射马，擒贼先擒王 полностью заменяется первая часть, вторая же остается неизменной и самостоятельно функционирует в языке в качестве чэнъюй. Первый вариант пословицы это строчка из стихотворения Ду Фу, второй – ее более просторечная разновидность.

Наряду с лексическими заменами в пословицах могут происходить и изменения грамматической формы. Например:

纸不能包风 / 纸里包不住火

Некоторые пословицы существуют в двух вариантах, двух формах – утвердительной и отрицательной. Например:

经一事长一智 / 不经一事，不长一智

Отрицательная форма усиливает экспрессивность пословицы, подчеркивает логические и эмоциональные акценты, придает суждению, заключенному в пословице, еще большую категоричность.

Окказиональные преобразования в пословицах, как и в чэнъюй, выражаются в структурно-семантических и функционально-речевых изменениях. В результате окказиональных, индивидуально-авторских преобразований китайские пословицы могут приобретать дополнительные экспрессивно-стилистические свойства.

Однако нередко трудно установить является ли тот или иной вариант пословицы авторским или же общенародным, поскольку многие пословицы вообще не фиксируются словарями. Это особенно заметно в случаях лексических замен в пословицах. Например: 他凝思了一会，然后又兴奋地拍了一下孙达得的肩膀：“达得！这是咱俩三天来的第一个发现，常言道：“人过留踪，雁过留声。”难道匪徒在走过的地方什么也不留？”

“今年扛下好话，来年谁下背雇？常说，‘人过留名，雁过留声’呀！”

梁斌，红旗谱

Пословица 人过留踪，雁过留声 и пословица 人过留名
雁过留声 различаются лишь одним компонентом — 踪

в первом варианте и 名 во втором. Вторая разновидность пословицы представляется более абстрактной, к ней в большей степени приложима категория всеобщности, поэтому она предпочтительнее в качестве инварианта. Лексическая подмена в данной пословице конкретизирует ее значение и делает возможным буквальное употребление первой части пословицы в приведенном контексте.

Буквальное употребление пословиц является широко распространенным способом обыгрывания фразеологизмов в целях создания эмпазы. Например: 哑巴真的有些忍耐不住，他觉得受了污辱，恼火的腮孔涨得通红。他紧紧地勒着拳头，嘴里“哇哇”地大叫着。这个局面使上官朋的心情十分紧张，不住地朝哑巴摇着手，同时带着笑容连忙对三角脸说道：“老总！十个哑巴九个性子急。” 吴强，红日
В данном примере пословица 十个哑巴九个性子急 не претерпевает никаких внутренних изменений, она обыгрывается в контексте.

Распространенным стилистическим приемом является эллиптическое употребление пословиц. Этот прием рассчитан на то, что читатель или слушатель хорошо знаком с полной формой данного фразеологизма. Чтобы понять смысл усеченного выражения, в таких случаях достаточно лишь намек на него. Например: 党的三中全会以后逐步兴起的包产到户，包干到户农业生产责任制，现在已经在全国74%的生产队推行，并朝着日益完善的方向发展。三年以前，一些人还认为这是走不得的“独木桥”，如今已成为多数人所公认的发展社会主义农业的“阳关道”了。 人民日报

В приведенном примере использован эллиптический вариант поговорки *你走你的独木桥, 我走我的阳关道*. Компоненты поговорки *独木桥* и *阳关道* реализуются в контексте в тех значениях, которыми они обладали в составе полной фразеологической единицы, при этом образы, лежащие в их основе, обыгрываются окружающим контекстом. В данном случае окказиональное употребление поговорки затрагивает и структурное и семантическое ее единство.

Следует заметить, что выражение *独木桥* входит в состав многих фразеологических единиц. Например, поговорка *双木桥好走, 独木桥难行* недоговорка *独木搭桥——真难得过*. Образная основа данного выражения во всех фразеологических единицах одна, что же касается переносно-образного значения, то оно приобретает дополнительные оттенки в зависимости от того, в состав какой фразеологической единицы входит данное выражение, а также от контекста. Так, значение выражения *独木桥* как компонента поговорки *你走你的独木桥, 我走我的阳关道* в приведенном контексте "делать что-либо невозможное, труднодостижимое, обреченное на неудачу". Обыгрывание выражения *独木桥* как компонента поговорки *双木桥好走, 独木桥难行* в соответствующем контексте приводит к появлению новых оттенков значения:

有平坦宽阔的桥, 也有独木桥。骄傲自满的人常常地自己逼到独木桥上。俗话说: "双木桥好走, 独木桥难行"。走独木桥是危险的, 走不好, 要跌到水里淹死啊!

吴强, 红日

Эллиптический вариант поговорки *独木桥* в данном контексте имеет переносное значение "скользкий, опасный путь".

В составе недоговорки выражение *独木搭桥* имеет обобщенно-образное значение "трудно пережить, трудно вынести; невыносимый". Именно в таком значении недоговорка *独木搭桥*

——真难得过

функционирует в речи.

Вышеприведенный пример с пословицей 双木桥好走, 独木桥难行 иллюстрирует один из способов окказионального преобразования пословиц — обыгрывание буквального и фразеологически обусловленного значения ее компонентов, т.е. прием двойной актуализации. В данном случае обыгрывается значение компонента 独木桥, при этом в контексте приводится и полный вариант пословицы.

Часто встречающийся способ окказионального употребления пословиц — обыгрывание в контексте образа, лежащего в ее основе, ее обобщенно-переносного значения:

朱老星一听, 慢搭搭地说: “他老是讲兔子不吃窝边草, 可是到了霖后, 别的草都吃完了, 他才反回头来吃咱哩!” 朱老忠笑眯眯地说: “他吃不了, 咱跟他泡啦!”

梁斌, 红旗谱

Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц, как свидетельствует вышеприведенный иллюстративный материал, оказывается возможным благодаря фразеологическому контексту, который является “стилистическим актуализатором” фразеологических единиц. Фразеологическая единица и окружающий контекст влияют друг на друга, они взаимосвязаны. Возможность или недопустимость употребления фразеологической единицы в том или ином контексте определяется ее семантическими и структурными особенностями. В то же время использование такого стилистического приема как двойная актуализация возможно только в контексте, который позволяет двойное толкование компонентов фразеологической единицы:

别着急, 常言道: “好饭不怕晚, 趣话不嫌慢”。越慢越逗喂, 愈慢愈滋味。” 曲波, 林海雪原

“我们的肚子和后背梁贴到一块啦! 到了你们下, 也该给点吃的啦。” “别着急, 坦克!” 杨子荣咧嘴笑道, “好饭不怕晚...” 曲波, 林海雪原

В первом примере пословица 好饭不怕晚, 趣话不嫌慢 использована в соответствующем контексте, где реализуется ее образно-переносное значение.

Во втором случае та же пословица (ее эллиптический вариант) буквализируется, окружающий контекст позволяет двойное толкование ее значения. Прием двойной актуализации сопровождается стилистическим приемом эллиптического употребления пословицы, причем, первый – двойная актуализация – является ведущим, второй – сопутствующим.

О.М.Готлиб (Чита)

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Под каузативностью мы понимаем причинно-следственные связи между двумя ситуациями в рамках одного высказывания, когда они связаны между собой отношениями "причинения", т.е. первая ситуация порождает последующую (В.П.Недялков, Г.Г.Сильницкий, 1969).

С позиций семантического синтаксиса, каузативность – одна из категорий, формирующих пропозициональную (модальную) рамку высказывания. Средства выражения каузативности – главным образом каузативные глаголы – относятся к числу рамочных. Составляющими каузативной ситуации являются каузативный (рамочный) и диктальный (пропозициональный) предикаты (Е.Е.Морди, 1988).

Китайские лингвисты рассматривают каузативность главным образом через синтаксические отношения. Каузативное высказывание определяется ими как предложение, где первое сказуемое передает "побуждающее" значение, а второе – действие или состояние как реакцию на это побуждение (Люй Цзицин, 1983). Дополнение первого сказуемого при этом одновременно (цзянь) является подлежащим для второго. Поэтому в китайской лингвистической терминологии предложения

такого типа называют предложением с общим членом (цзяньй-цзю).

Причина синкретичного функционирования одного компонента высказывания в качестве объекта первого предиката и субъекта второго кроется, на наш взгляд, в семантических особенностях первого предиката, либо всей структуры в целом. Мавая характеристики некоторым глаголам, словарь "Сяньдай ханьюй бабай цы" указывает на их каузативный характер (чжиши дунци).

В числу глаголов, в которых сема каузативности выражается с наибольшей полнотой, относятся глаголы ши "вынуждать, заставлять"; жан "позволять, разрешать"; цзю "просить, велеть"; ци "просить разрешения сделать что-л.". Выступая в каузативном значении, все эти глаголы не принимают глагольных аффиксов и не могут функционировать без дополнения (Люй Шусян, Ван Яньнун, Цзю Панун). Представляется, что это свидетельствует об ослабленности предикативных возможностей у данных глаголов.

По мнению некоторых китайских лингвистов, сказуемое предложения с общим членом представлено двумя последовательно соположенными глаголами, между которыми находится ия. По отношению к первому глаголу оно выступает как дополнение, по отношению ко второму — "как нечто похожее на подлежащее" (Люй Шусян, 1980).

Если рассматривать высказывание с глаголом этого типа с позиций деривационного синтаксиса, то очевидно, что перед нами высказывание с двумя предикативными центрами, находящимися в определенных отношениях друг к другу. Предикат первого центра, в силу своеобразия своей семантики, не может образовывать самостоятельное, вне рамок данного, высказывание. Второй предикативный центр может выступать как самостоятельное высказывание. Например: Чжэге сяоси ши дадзя фэйчан гаосин (букв. "Эта новость сделала возможным (1 центр) [чтобы] все очень обрадовались (2 центр)"). Вторым предикативным центром может выступать в качестве самостоятельного высказывания, первый — не может. Но валентностные характеристики глагола ши с обязательным агенсом и

объектом свидетельствуют, что перед нами самостоятельный предикат рамочного характера.

Следовательно, предложение с общим членом можно рассматривать как предложение с двумя сказуемыми, связанными имплицитивными отношениями. Присутствие каузативного предиката обязательно вызывает появление пропозиционального; пропозициональный предикат вне каузативного высказывания может образовывать самостоятельное высказывание, не требующее рамочного предиката. Вышеназванные глаголы, равно как и глаголы с подобными им характеристиками, можно рассматривать как собственно каузативные глаголы.

В современном китайском языке (КЯ) существует довольно большая группа глаголов, которые функционируют и как полнозначные, и как каузативные. Выступая в качестве рамочного предиката, они образуют предикативный центр, который вне данного высказывания, является самостоятельным высказыванием. Глаголы этого типа могут принимать приглагольные аффиксы. Все это свидетельствует о том, что сема каузативности в семантической структуре этих глаголов не вычленяется как независимо самостоятельная.

К глаголам такого типа можно отнести би "заставлять, принуждать"; банчжу "помогать", миндин "приказывать", цзынь "завещать", цуань "угovarивать", хаочжао "призывать", туо "поручать", рай "отправлять" и др. Глаголы этого типа мы рассматриваем как глаголы с зависимой каузативной семой.

Наряду с глаголами, в современном КЯ существует значительное число синтаксических конструкций, передающих значение каузативности. К ним относятся: чань ... вэй "назвать что-л. каким-л. образом"; сянь ... "выбирать кого-то в каком-л. качестве"; сяньцзе ... цзо ... "выбрать что-л. в качестве чего-л." и т.д. Представляется, что все эти конструкции являются дериватами инвариантной структуры: ба + Д/П + С (глагольная морфема + морфема связочного глагола) + именная часть. При этом ба в этой структуре выступает одновременно и как предлог, инвертирующий дополнение, и как рамочный предикат. Структуры такого типа не могут трансформироваться в не-каузативные высказывания, поэтому

мы называем их собственно каузативными структурами.

Структура с участием глагола ю, типа во ю игэ пэню хуэй чжунвэнь "У меня есть друг, который знает китайский язык", рассматривается нами как косвенно каузативная. Это высказывание может быть трансформировано в не-каузативное: во ю игэ хуэй чжунвэнь ды пэню "У меня есть знающий китайский язык друг".

Таким образом, в современном КЯ есть большое число разнообразных средств лексического и лексико-грамматического характера, интегрируемых значением каузативности. Данное поле, как и большинство аналогичных образований в языке, имеет свой центр и периферию. К его центру относятся собственно каузативные глаголы и собственно каузативные конструкции, которые с наибольшей полнотой передают данное значение и могут быть предоставлены ограниченным списком. Глаголы с зависимой каузативной семой и косвенно каузативные структуры составляют периферию поля, перекрещиваясь с другими полями.

Н.Я.Губарь (Владивосток)

КОНСТРУКЦИИ С ПРЕПОЗИТИВНОЙ И ПОСТПОЗИТИВНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ОБРАЗА И СТЕПЕНИ ДЕЙСТВИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ

Конструкции с препозитивной и постпозитивной характеристикой образа и степени действия являются синтаксическими синонимами, так как обладают смысловой общностью, обусловленной одинаковым составом семантико-синтаксических компонентов, сопряженных в общем типовом значении и характеризующихся различием в способе представления данных компонентов; они способны отличаться коммуникативной информацией о референте, смысловыми и стилистическими оттенками.

Анализ практического материала показывает, что наиболее употребительной является конструкция с препозитивной характеристикой действия, что объясняется особенностью китайского языка (КЯ) в соблюдении последовательности "определяющее - определяемое", а также грамматическим значением результативности (значение дополняющего), передаваемого

конструкцией с постпозитивной характеристикой действия.

Предложения конструкций с препозицией и постпозицией характеристики действия в ряде случаев взаимотрансформируемы, могут быть выделены правила их трансформации. Наряду с этим существуют факторы (лексические, конструктивно-синтаксические, коммуникативно-синтаксические, стилистические), препятствующие трансформации.

Рассматривая вопрос о синонимии данных конструкций в плане сопоставления китайского оригинального и переводного текстов, ставились вопросы: сохраняются ли значения каждого из них, прослеживаются ли синонимичные отношения между ними в переводе, осуществляются ли трансформации и в каком объеме.

Большинство примеров (68% конструкций с препозитивной характеристикой действия и 58% с постпозитивной характеристикой действия) сохраняют свои значения при переводе. Синонимичные трансформации при переводе осуществляются следующим образом: 18% конструкций с препозицией переводятся с характеристикой действия в постпозицию, 26% конструкций с постпозицией – в конструкции с препозитивной характеристикой действия. Перевод 15% примеров осуществлен с помощью других переводческих трансформаций (морфологических, лексических, синтаксических, стилистических, смешанного перефразирования).

Конструкции с препозитивной и постпозитивной характеристикой действия в основном сохраняют свои синтаксические значения при переводе. Взаимотрансформируемость в процессе перевода подтверждает их синонимию в КЯ, так как взаимозаменяемость является одним из следствий синонимии.

И.С.Гуревич (Ленинград)

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЛЮ КАК ЖАНРА (Грамматическая стилистика)

Отмечая несомненные различия между устной и письменной разновидностями языка, И.Р.Гальперин указывает одну из наиболее характерных особенностей письменной его разновидности – функциональную направленность, т.е. ориентацию на вы-

полнение какой-то заранее намеченной цели сообщения, благодаря чему письменный текст всегда прагматичен (текст как объект лингвистического исследования. М., 1981).

Функциональная направленность, или прагматичность в высокой степени присуща текстам буддийских юлу школы чань эпохи Тан (618-907 гг.), представляющих собой записи бесед, речей, проповедей чаньских наставников. Выполнявшиеся учениками наставников по возможности дословно, эти тексты, являясь образцами письменной разновидности языка, максимально точно записывали устную его разновидность (проповедь велась изустно!). Прагматизм заложен в жанровой принадлежности текстов юлу, как проповедей, рассчитанных на привлечение широкой простонародной аудитории.

Чань-буддизм, будучи реформистским движением, пытался обратиться к практике вместо теоретизирования, доводя подчас эту попытку до абсурда в стремлении ограничить роль рассудка. Являясь формой буддизма одной из систем Махаяны, учение чань делало акцент не на доктрине, а на методе. Согласно методу чань, истина не познаваема с помощью рассудочной деятельности и не выражима словом. Она может быть постигнута лишь с помощью интуиции, непосредственно, прямо и полностью. Для этого интуицию необходимо тренировать, что и происходит во время коллективных занятий в виде совместных бесед учеников и учителей. В процессе этих бесед использовался целый набор технических приемов. Именно этой техникой чань и определились основные стилистические параметры текста юлу. Главный прием — ориентация на шок, или "шоковая терапия", что достигается в первую очередь с помощью неожиданного физического воздействия: удар кулаком или палкой, щипки, толкание и др. Отсюда в языке юлу широко и разнообразно представлены глаголы, выражающие физическое воздействие (打 да "бить", 掙 чжуай "отбросить", 擒住 циньчжу "схватить", 托開 токай "отшвырнуть" и др.), существительные, обозначающие названия орудий, служащих той же цели (棒 бан "палка", 杖 чжан "посох"), словосочетания, обозначающие подверженность физическому воздействию (契棒 чи бан "отведать палки", 蒙他賜杖

мэн та сы чжан "подвергнуться тому, чтобы угостили посохом" и др.). Кроме физического воздействия, шок может быть вызван словом: на этом основано использование в текстах юйлу непредсказуемых поворотов мысли, или алогизмов, гунъаней, или задач, не имеющих разумного решения или ответа, что должно, согласно чаньским представлениям, отвратить человека от причинно-следственной, логической формы мышления. Подобное же "остранение" ситуации создается в процессе диалога наставника и ученика в форме "вопросов-ответов" 問答 вэнь-да), когда ответ наставника никак не связан с вопросом ученика.

Метод и техника чань определяют такие выразительные средства языка юйлу как пронизывающую его метафоричность, насыщенность вульгаризмами (廁孔 цэ кун "отверстие в отхожем месте", 乾屎橛 гань ши цзюэ "кусочек дерева для подтирания" и др.), высокую степень идиоматичности.

Однако стилистика языка отнюдь не исчерпывается областью лексики. Отражение жанрового своеобразия юйлу, определявшееся целевой направленностью текста через речевые приемы техники чань, требовало и определенных грамматических средств выражения (как отмечает А.А. Драгунов (1962), подчеркнутость, достигаемая чисто грамматическим путем, носит более экспрессивный, более категорический характер), или иными словами, формировало собственную "грамматическую стилистику" языка, главными чертами которой являются лаконичность, эллиптичность, частое употребление инверсированных или трансформированных оборотов и конструкций, имеющих подчеркивающее, выделительное значение.

(Заметим, что большую часть текстов в юйлу составляют диалоги, для которых недоговоренность является дистинктивными признаками, см. Гальперин. Указ. соч., с. 17).

О лаконизме и эллиптичности языка исследуемого жанра говорят такие факты как безусловное преобладание простых предложений над сложными, широкое бытование нераспространенных и неполных предложений, частое употребление слов-предложений. Если первое положение трудно иллюстрировать, то другие подтвердим примерами: 山是山, 水是水

Гань ши шань шуй ши шуй "Гора (есть) гора, вода (есть) вода"; 士入来 Ши жу-лай "(Пан цзюй) ши вошел"; 佛是

究竟 Фо ши цзюцзин "Будда (есть) завершенность"; 士曰在這裏 Ши юе цзай чжэ-ли "(Пан цзюй) ши сказал: - Здесь"; 峰曰:是 多少 Фэн юе ши дошао "Фэн спросил: - Сколько?";

士曰:好来,好来 Ши юе хао-лай хао-лай "(Пан цзюй) ши сказал: - Приблизься, приблизься!";

照曰:去也 Чжао юе цюй е " (Лин) -чжао сказала: - Ушел"; 山曰:是 是 Шань юе ши ши "(Яо)-шань сказал: - Правильно, правильно";

侍者云:是 Шичжэ юнь ши "Помощник ответил: - Да". Большая часть конструкций, которые будут рассмотрены ниже, так или иначе связана с функционированием 是 ши.

Одной из самых характерных для стилистики языка изучаемого жанра конструкций является связочное предложение, когда в позиции подлежащего стоит вопросительный местоимитель 如何 жухэ (иногда 云何 юньхэ) "каков?", "как обстоит дело?", "что значит?". 如何是无位有人 Жухэ ши у вэй чжэнь жэнь "Человек без места - что это значит?"; 如何是佛法大意 Жухэ ши фэ фа да и

云何是法 Юньхэ ши фа "Что есть Дхарма?". Такая конструкция представляет собой инверсию, с помощью которой устраняется расхождение между логическим и грамматическим подлежащим.

К числу трансформированных конструкций, достаточно часто встречающихся в исследуемых текстах, относятся также связочные предложения с предикативом (или предикативным сочетанием) в позиции подлежащего, которые возникают в результате трансформации соответствующих глагольных предложений, когда в грамматическое сказуемое превращается то, что логически является для говорящего наиболее важным. Например: 1) 不生不滅 即是佛 Бу шэн бу ме цзи ши фо "(Тот, кто) не рождается и не умирает, и есть Будда"; 2) 無事是貴人 У ши ши гуйжэнь "(Тот, кто) не у дел, и есть благородный человек". (Исходный вариант для 1-го примера: фо бу шэн бу ме "Будда не рождается и не умирает", для 2-го - Гуйжэнь у ши "Благородный человек не занимается делами").

Подчеркиванию служит также конструкция с ши, где последнее выступает не в связочной (или не в чисто связочной) функции: речь идет об употреблении ши в глагольных предложениях, а также в начале простого предложения (утвердительного или вопросительного), иногда - и в начале условного предложения: 誰是落便宜者 Шуй ши ло бянь-и-чжэ "Кто же лишается выгоды?"; 阿師得力句,是誰得知 Ани дэ ли цзюй ши шуй дэ чжи "Кто же сумел опознать ту действительную фразу, что постиг наставник?" (В последнем примере подчеркиванию, кроме модального ши, служит также экстрапозиция дополнения). 是你四大色身,不解脫法聽法 Ши ни сы да сэ-шэнь бу-цзе то фа тин фа "Именно ваше тело, (состоящее) из четырех великих элементов, не способно ни излагать Дхарму, ни внимать Дхарме"; 是多少 Ши дошао "Так сколько же?" 是你欠少什麼 Ши ни цянъшао шэмма "Чего же вам не хватает?"; 是你若取不動清淨境為是,你即認他無明 即主 Ши ни жо цюй бу-дун цин-цзин вэй ши ни цзи жэнь та умин вэй ланчжу "И если вы принимаете чистоту неподвижности за истину, то вы признаете ее омраченность за господина-хозяина".

В числе специфических конструкций, заслуживающих упоминания, - употребление ши в конце предложения; после ши в этом случае могло стоять е. (Шие в конце предложения было известно еще в древнекитайском языке, где употреблялось для подчеркивания того, что стояло перед ним и соответствовало совр. 就是這個 цзюши чжэга 就是這樣 цзюши чжэян "именно", "как раз". Такое употребление ши зафиксировано и в языке произведений буддийской литературы III-V вв. Например: 牆壁瓦礫是 Цянби вали ши "Черепки и камни - это и есть стена"; 佛者心清淨是法者心光明是 ... фо-чжэ синь ши фа-чжэ синь гуан-мин ши... "Будда есть чистота разума, Дхарма есть свет разума..."; 十劫坐道場者,十波羅蜜是 Ши цзе дао-чан-чжэ ши поломи ши "Десять калп сидел в месте постижения Дао - это и есть область десяти парамит"; 祇你面前聽法底是 Чжи ни мянь-цянъ тин фа-ди ши "Это не кто иной как только вы, находящиеся

тика слов, актуальное членение предложения, конструкции предложений и словосочетаний.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса, определим исходные понятия.

Под синтаксической связью понимаются те грамматические (синтаксические) отношения, в которые вступают между собой знаменательные слова в составе предложения или словосочетания. Существующая в китайском языкознании система грамматических связей включает в себя предикативную, глагольно-объектную, атрибутивную, обстоятельственную, результативную, копулятивную связи. Исследуя поясняющие отношения между словами (разные виды приложений) и определяя их статус в системе грамматических связей современного КЯ, мы пришли к выводу, что единообразие и универсальность средств выражения идеи пояснения в рамках поясняющей связи позволяет рассматривать ее как самостоятельный тип синтаксических отношений. Под фактором понимается то, что является своего рода "движущей силой", причиной возникновения связей. Грамматическая значимость слов — отнесенность слов к классам и подклассам.

На основе сплошной расписки китайских текстов объемом 450 страниц мы проследили грамматическую сочетаемость и несочетаемость классов и подклассов слов в рамках всех связей. Грамматическая сочетаемость (совместимость) классов (подклассов) слов подразделяется на два вида: 1) прямая сочетаемость классов (подклассов) слов, при которой связи возникают только с помощью порядка слов; 2) косвенная сочетаемость классов (подклассов) слов, при которой связи устанавливаются не только порядком слов, но и служебными словами. Грамматическая несочетаемость (несовместимость) классов (подклассов) слов бывает абсолютной, т.е. слова оказываются несовместимыми для всех видов связи, и частичной, т.е. слова оказываются грамматически несовместимыми только для данной связи. Нами установлено, что абсолютной несочетаемостью обладают следующие части речи: существительное + наречие; при-

лагательное + местоимение, числительное; наречие + местоимение, числительное; местоимение + наречие; числительное + наречие, местоимение. Остальные классы (подклассы) слов характеризуются либо частичной несовместимостью, либо прямой, либо косвенной сочетаемостью.

Материалы показали, что не только классная, но и подклассная отнесенность слов имеет большое значение для реализации синтаксических связей. По этой причине грамматическую значимость слов как представителей классов и подклассов можно рассматривать, как основной фактор, обуславливающий формирование грамматических связей.

Анализ соотношения лексики и грамматики в процессе формирования связей показал, что в изолирующем КЯ, как и в неизолирующем русском, лексический фактор играет второстепенную роль. Лексическая семантика слов обеспечивает смысловую правильность предложения, т.е. соответствие определенным ситуациям и, тем самым, принимает косвенное участие в формировании всех видов связи, а в ряде случаев выступает в качестве решающего условия реализации той или иной синтаксической связи. Проведенный с носителем языка эксперимент говорит о том, что в отличие от русского языка, где благодаря богатой морфологической информации у слов возможны грамматически правильные, но лексически лишние смысла сочетания типа "глокой куздры" (пример Л.В.Шербы), в современном КЯ полное отсутствие лексического смысла не позволяет создавать построения, подобные "глокой куздре". Лексические значения играют решающую роль не столько для формирования связи, сколько для выбора одной из нескольких грамматических связей, возможных между данными словами. Так, два существительных могут вступить не только в копулятивную, но и атрибутивную связь. Однако при атрибутивной связи существительные могут ^{быть} семантически неравнозначны, а при копулятивных отношениях компоненты обладают смысловой равнозначностью. Между двумя глаголами могут возникнуть три вида синтаксической связи: результативная, обстоятельственная и копулятивная. Результативная связь реализуется при условии, если второй глагол может обозначать результат

действия, выражаемого первым глаголом. Обстоятельственные отношения возникают в том случае, если первый глагол может обозначать сопутствующее действие. Копулятивная связь может образоваться только при семантической равноценности глаголов. В этих случаях смысловая (лексическая) подборка слов позволяет устанавливать нужную синтаксическую связь из нескольких возможных.

Так как лексическая семантика слов косвенно участвует в формировании всех видов связей, поэтому лексический фактор следует рассматривать как дополнительный фактор реализации синтаксических связей. В тех случаях, когда "лексическая подборка слов" (В.М.Солнцев, 1977) является определяющим условием реализации связи, лексический фактор играет решающую роль в образовании связей.

Реализация грамматических отношений тесно связана с актуальным членением предложения.

Определенные перестановки в предложении с сохранением функциональных значений¹, синтаксических функций, а значит, и связей слов (инверсии) диктуются коммуникативными задачами текста, т.е. актуальным членением предложения. Так как словопорядок в предложении в ряде случаев оказывается предопределенным актуальным членением, то последнее правомерно рассматривать как фактор, регулирующий реализацию связей слов в предложении. В то же время оно может рассматриваться как средство связи в пределах дискурса, поскольку в связанном тексте данное и новое имеют фиксированные позиции.

Конструкции предложений и словосочетаний представляют собой как бы свод, концентрацию синтаксических правил соединения слов в словосочетания и предложения. В совокупности конструкций сконцентрированы все правила китайского синтаксиса. Правила образования предложения – это реализация правил, заложенных в конструкциях предложений.

¹ Функциональные значения – это значения, приобретаемые словами в рамках предложения или словосочетания: субъект, объект, признак, действие и т.д. (В.М.Солнцев, 1977).

Правила образования словосочетания (кроме предикативного и копулятивного) – это правила распространения компонентов ядерных конструкций предложения. В конструкциях заложены все возможные виды соединений слов как в словосочетаниях, так и в предложениях. Слова вступают в синтаксические связи в словосочетаниях и в предложениях в соответствии с лежащими в их основе конструкциями, т.е. правилами, согласно своим грамматическим свойствам как представители классов (подклассов). В конструкциях предложений задана основная, ядерная синтаксическая связь – предикативная. В тех случаях, когда неконструирующий член предложения выступает в качестве конструирующего, к числу конструктивно значимых могут относиться и другие связи: глагольно-объектная, обстоятельственная. Если в конструкциях предложений явно заданы ядерные синтаксические связи и потенциально – все остальные, что зависит от количества компонентов конструкций и их наполнения, то в каждой конструкции словосочетания (при нераспространенных компонентах) определена одна синтаксическая связь. Так как в конструкциях явно или потенциально заданы синтаксические связи, то конструкции предложений и словосочетаний можно рассматривать как связеопределяющий фактор.

В результате проведенного исследования сделан вывод в том, что процесс формирования синтаксических связей современном КИ детерминирован действием ряда факторов: грамматической значимостью слов, лексической подборкой слов, актуальным членением предложения, конструкцией предложения и словосочетания. Являясь разноплановыми понятиями, каждый из указанных факторов принимает различное участие в образовании связей.

И.Б.Кульчицкая (Москва)

ДВЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема варьирования количественной структуры слов современного китайского языка (КИ) и по настоящий день остается еще не до конца изученной, ее относят то к ком-

петенции истории языка (смена вариантов), то к области стилистики (функционирование сосуществующих вариантов). Не разрешен спор о природе и причинах возникновения этого явления. Целые пласты односложных слов, послужившие основой образования двусложных слов (производных и сложных), продолжают оставаться полноправными лексическими единицами современного КИ. Многие из них и составляют вариантивную пару двуслогам. Современные словари, как правило, помещают различные количественные варианты слова, при этом во многих из них односложные слова даются как полноправные единицы языка.

Данная особенность лексической системы КИ, когда целый пласт лексических единиц функционирует в речи как бы в двух формах (вариантах) – суффиксальной (преимущественно двусложной) и бессуффиксальной, неоднократно рассматривалась в работах синологов. Но объяснялось оно разными лингвистами по-разному. Н.Н.Коротков называл чередующиеся единицы либо вариантами (1963), либо лексическими вариантами (1961), рассматривая односложный и двусложный варианты в речевом употреблении, он отметил прежде всего их различие с точки зрения функционирования слова в языке: "в зависимости от условий контекста, структуры предложения и позиции слова предпочтительным является использование то двусложного, то односложного слова" (Коротков Н.Н. Китайский язык. М. 1961, с. 43). В работах В.М.Солнцева (1958; 1977) вариативность односложных и двусложных единиц получила название "двойной формы существования слова". По мнению автора, при образовании двусложной формы путем аффиксации, во-первых, сам суффикс семантически избыточен, и во-вторых, обе формы тождественны по значению, а различие слов проявляется в характере их синтаксического функционирования. В отличие от двусложных слов, многие односложные в основном употребляются "в синтаксически зависимых позициях", а ограничения в их употреблении создаются "за счет различных структурно-грамматических факторов".

Оба автора выделяли вопрос о синтаксических различиях односложных и двусложных членов пар. Целью нашего иссле-

дования является определение степени распространения явления двух форм существования слов в современном КЯ и их роли в системе языка при синхронном срезе, а также решение вопроса о том, можно ли рассматривать односложные и двусложные слова как лексические варианты. Было проведено лексикографическое обследование двух самых представительных словарей современного КЯ, изданных в последнее время, с привлечением в целях сравнения данных словарей более раннего издания. Основным источником выяснения степени распространения и характера значения рассматриваемых языковых единиц послужил "Словарь современного китайского языка" (СХЦ), включающий 56 тыс. словарных статей и построенный по традиционной иероглифической системе. Данные этого словаря потом сопоставлялись с данными словаря современного КЯ под редакцией проф. Кураиси (словарь Кураиси), который составлен как словарь слов с подробным указанием особенностей их стилевого и диалектального функционирования, на предмет выяснения морфологической природы односложных единиц.

Словарем СХЦ фиксируются 618 однослогов, составляющих обширную группу лексических единиц, варьирующихся в своем количественном составе. Все однослоги, которые имеют вторую суффиксальную форму, по характеру и объему значения распределяются по нескольким группам:

- 1) исходные однослоги имеют только одно именное 218 единиц значение
- 2) исходные однослоги имеют несколько именных 206 единиц значений
- 3) исходные однослоги совмещают именное и 120 единиц глагольное значение
- 4) исходные однослоги обладают несколькими 74 единиц значениями (именным, глагольным, качественным)

Все однослоги рассматривались под следующим углом зрения: первое – является ли словом современного КЯ односложный член пары в связи с переходом языка к доминирующей двусложной норме слова, второе – не изменяется ли их зна-

чение при присоединении суффиксов.

Из выделенных по СМД 218 единиц первой группы однослогов с одним именным значением в словаре Куранси отмечено 178. Из этого количества 30 единиц (т.е. 45%) помечены в словаре Куранси как самостоятельно не функционирующие, т.е. морфемы, и дальше они рассматриваться не будут, 98 единиц (55%) оценены как слова и снабжены пометой "существительное". Из этого числа 44 единицы (т.е. 35% от общего числа рассматриваемых однослогов) содержат примечание, что они ограничены в самостоятельном употреблении, а 54 единицы (30%) являются полноправными словами. Исходя из этого, назовем первые однослоги как полусамостоятельные слова, а вторые как слова и рассмотрим соответственно соотношение значений однослогов и их двусложных вариантов по группам.

Группа "полусамостоятельное слово-слово". Из 44 однослогов, 17 имеют по одной суффиксальной форме, а 27 образуют вторую форму с двумя суффиксами. В тех случаях при образовании суффиксальной формы появляется оттенок соотносительного размера предмета (гань "столб" - ганьр "столбик" - ганьцы "большой столб"), а у 9 однослогов в суффиксальной форме происходят сдвиги в значениях, поэтому они не могут рассматриваться как семантически тождественные две формы существования слова и не могут рассматриваться как лексические варианты,

Группа "слово-слово", 19 однослогов имеют по две суффиксальные формы, образованные и суф. эр и суф. -цы. В трех случаях у суффиксальной формы появляется новое значение (би "нос" - бир "носик, ушко предмета") и в трех случаях суффиксальные формы приобретают оттенок соотносительного размера предметов. У слова цзи "курица" при употреблении с суф. -эр образуется звательная форма, так подзывают кур при кормлении. Таким образом о существовании двух форм слова можно говорить применительно к 47 парам.

В группе многозначных однослогов рассматривались 196 единиц, 22 из них - 11,2% от общего числа - были квалифицированы в словаре Куранси как морфемы, а 174 единицы сос-

тавляют группу односложных слов с разной степенью свободой функционирования, 26 единиц (15%) сохраняют многозначность и в односложной, и в суффиксальной формах, а 103 единицы наглядно демонстрируют процесс разрушения многозначности односложной формы: у 44 единиц происходит перераспределение значения однослога между двумя суффиксальными формами, а у 59 единиц за суффиксальной формой закрепляется одно из значений двух- или трехзначного однослога. У остальных единиц (45) происходит изменение значения суффиксальной форм и они не могут считаться двумя формами существования слова.

В группе однослогов, совмещающих именное и глагольное значение, рассматривалось 104 единицы, 5 из них (5%) относятся в словаре к морфемам, остальные однослоги квалифицируются словарем Кураиси как слова. В этой группе однослогов идет активный процесс разрушения конверсионной омонимии по следующим направлениям: 1) однослог оценен и как глагол и как существительное, а двуслог только как существительное, разрушение конверсионной омонимии происходит у суффиксальной формы — 42 единицы; 2) глагольное значение однослога зафиксировано в словаре Кураиси как несамостоятельное, существительное существует в односложной и в суффиксальной формах — 28 единиц. Обе эти группы в количестве 70 единиц демонстрируют явление двух форм существования слова. В последнюю группу вошли 29 единиц, у которых односложное слово квалифицируется только как глагол, и существительным является только двусложное слово.

Еще меньше слов с двойной формой существования отмечено в группе многозначных однослогов. Здесь рассматривалось 68 единиц, у 43 из них (63%) стоит помета существительного и в односложной, и в суффиксальной форме. В этом случае за суффиксальной формой происходит закрепление либо одного или даже нескольких именных значений однослога.

Анализ данных словарей показал, что в лексической системе китайского языка достаточно широко распространено явление двойной формы существования слова, при чем оба члена пары могут рассматриваться и как лексические вариан-

ты в случае, если оба квалифицируются как словесные единицы.

Т.Н.Никитина (Ленинград)

ПЕРЕХОДНЫЕ И НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантическое определение переходности. Переходными глаголами (ПГ) обычно считаются глаголы, обозначающие физическое воздействие на некоторый объект, которое ведет к его изменению. Конкретизируя это определение, С.Е.Ихонтов пишет: "ПГ обозначают действия, в результате которых их объект в какой-то мере изменяет свое состояние, качество, положение в пространстве, принадлежность определенному лицу, либо такое, в результате которого объект создается или уничтожается" (Категория глагола в китайском языке. М., 1957).

Обычно при семантическом определении ПГ речь идет о действии, в соответствии с этим А.А.Драгунов (1952) ^{выделяет} переходные и непереходные глаголы (ПГ) только среди глаголов действия. Однако другие исследователи включают в рассмотрение и глаголы морального воздействия (ругать его), а иногда и глаголы восприятия. Тем самым первоначальное определение лишается смысла.

Глаголы мысли, чувства и речи С.Е.Ихонтов считает косвенно-переходными (КПГ) и дает дополнению к ним такое определение: "Оно обозначает не предмет, изменяющийся под влиянием действия, а предмет или явление, отражающиеся в сознании действия и вызывающие в нем какие-то чувства" (Там же).

Это определение можно распространить и на глаголы с пассивным значением, здесь тоже состояние субъекта вызвано объектом, но его нельзя считать общим определением для всех КПГ, ибо глаголы с побудительным значением под него не подпадают. Другие авторы считают КПГ другие группы глаголов, например, Н.В.Солицева (1962) к ним относит глаголы с двумя дополнениями.

Существует и более широкое понимание переходности, например, у А.М. Пешковского (1956). Оно связано с семантико-синтаксическим понятием сильного и слабого управления.

Непереходность понимается как "полная замкнутость процесса в его субъекте", в связи с чем IP – это почти только безобъектные, а все остальные – прямо переходные, непосредственно переходные или посредственно переходные.

Ли Цзиньси (1954) и Е.И.Шутова (1973) по чисто формальным признакам выделяют только два класса глаголов и большую часть глаголов относят к IP. Эти классы не могут иметь и не имеют никакой семантической интерпретации хотя бы потому, что у Ли Цзиньси один и тот же глагол, не изменяя своего значения, может входить в обе группы в зависимости от наличия или отсутствия при нем дополнения.

Некоторые современные представители общего языкознания, признающие степень переходности, утверждают, что сама степень зависит не только от значения глагола, но и от синтаксических и других условий его употребления, и что в силу этого в разных контекстах один и тот же глагол может быть более или менее переходным, не меняя своего значения. Вот некоторые из признаков, делающие глагол более переходным: наличие в предложении одновременно и агенса, и пациенса, результативность, утвердительность, модальность реальности, контролируемость действия, при этом глагол, указывающий на действие, всегда более переходный, чем глагол, не обозначающий действия (В.Б.Касевич).

Формальное определение переходности. В формальном определении IP и IP тоже нет единодушия. У А.М.Пешковского IP – скабууправляемые, у Ли Цзиньси – глаголы без дополнения или с дополнением места, у Е.И.Шутовой – глаголы с опосредованной некоторыми элементами постпозицией дополнения. И.Г.Раминская (1961) склонна считать прямым дополнением, которое может выступать в пассивной конструкции с 被. Чаще всего IP считаются такие, которые могут выступать в трех конструкциях: с 被 с 把 и в конструкции П-Ск-Д.

Совершенно очевидно, и это все признают, что сферы употребления 把 и 被 не совпадают, значит и группы глаголов, выступающие во всех трех конструкциях или в любых двух из них, не совпадают, существуют промежуточные группы.

Связь переходности с возможностью употребления предлога. В русской грамматике прямым называют дополнение, стоящее после глагола в вин.падеже без предлога. Сильноуправляемое дополнение с предлогом А.М.Пешковский называет посредственным. В китайском и советском китаеведении я не встречала обсуждения вопроса о том, являются ли глаголы, имеющие обязательное дополнение с предлогом, такие как касаться, ограничиваться, бороться с, служить кому и т.д. КИГ. (Только часть таких глаголов, но не все, могут быть интерпретированы как знаменательные связки).

Предлог 把 некоторые авторы (и я с этим согласна) считают показателем прямого дополнения. Е.И.Шутова не согласна с этим, ибо, по ее мнению, употребление 把 определяется не значением глагола, а другими факторами – наличием послеглагольного элемента или – при глаголах с одним дополнением – изменением актуального членения предложения. Ю.А.Торгониев (1969) и некоторые другие исследователи утверждают, что предлог может вводить и не только прямое дополнение.

На материале не только китайского языка (КИ), но и языков Юго-Восточной Азии Ю.А.Торгониев делает вывод о том, что в этих языках наличие предлога не означает, что дополнение косвенное, а отсутствие предлога – что дополнение прямое.

Переходные глаголы и пассив. Большинство исследователей КИ считает способность выступать в трехэлементной пассивной конструкции одним из основных признаков ПГ. Однако существует и другое понимание пассива, представленное В.С.Храковским в колл. монографии "Категория залога. Диктезы и залого" (Л., 1974): пассив в широком понимании характеризуется только одной особенностью – невыраженностью субъекта действия; позицию, которую субъект занимал в исходной активной конструкции, теперь занимает какой-то другой элемент. Эта точка зрения имеет своих сторонников в русской лингвистической традиции. В.С.Храковский цитирует А.В.Попова: "Сущность страдательного заключается не в претерпевании действия одного предмета другим, а в том что в страдатель-

ном обороте действие представляется как факт, как такое проявление, при котором производитель действия вполне или в значительно меньшей степени игнорируется". Некоторые авторы полагают даже, что вообще не существует никакого специфически отражательного значения глагола. Тогда предложения Он убит, Его убили и Его убили суть семантические варианты одной конструкции. В М в предложениях "Собрание открылось", "Ситуация улучшилась", "Экономика перестраивается", "Наука развивается" препозитивное существительное не является субъектом действий открывать, улучшать, перестроить, развивать. Если признать и такие предложения пассивными в широком смысле, то снимается вопрос о том, считать ли препозитивное существительное подлежащим или дополнением, раз конструкция типа положение улучшается, улучшено и улучшили признается синонимичными.

Утверждают, что исторически двухэлементный пассив предшествует трехэлементному и что последний вообще очень мало представлен в текстах (но не в грамматиках!). В силу этого двухэлементные пассивные конструкции вовсе не являются усечениями, преобразование активной конструкции в пассивную нормально сопровождается опущением субъекта действия.

Но если нет никакого специального пассивного значения и пассив может быть образован от глагола любой семантики (русск. кошено, езжено), тогда он вообще не связан с переходностью.

И в семантических признаках переходности, предложениям общим языкознанием, ничего не говорится о пассиве, утверждается лишь, что в предложении, где представлен и агенс, и пациенс, глагол более переходный, чем в том предложении, где есть только один из этих элементов.

Выводы

1. При определении П одни авторы отдают предпочтение семантическим признакам, другие - формальным.

2. Одни авторы понимают переходность как свойство глагола, связанное с его семантикой, и делят все глаголы на две или три группы. При этом получается классификация

типа разбегания на непересекающиеся классы. Другие считают переходность явлением, зависящим от употребления глагола, от конкретных синтаксических условий, и предлагают определять степени переходности в зависимости от определенных признаков.

3. Под семантическое (и под формальное) определение ПГ, НГ, КНГ на практике трудно подвести все группы глаголов, которые тот или иной автор теоретически считает ПГ, НГ или КНГ.

4. Формальные признаки ПГ и НГ у разных авторов разные, их может быть один или несколько.

5. Противопоставляя ПГ и НГ, разные авторы исключают из рассмотрения разные группы глаголов (все глаголы действия, только модальные глаголы, только связочные и вспомогательные глаголы) или не исключают никакие глаголы вообще.

Итак, если существует почти полное единодушие в интерпретации определенных конструкций и служебных слов, выступающих в этих конструкциях, но нет согласия при решении общей проблемы переходности, может быть в этом виноваты не исследователи ПГ, а некоторая мнимость самой проблемы. В русском языке есть форма – вин. падеж и есть обратительная конструкция на ся (трансформация активной конструкции с вин. падежом), и эту конструкцию нужно объяснить. Но в русской грамматике не дает семантической интерпретации класса переходных глаголов. В ПГ нет ^{НГ} одной формы, которую все согласны считать формой прямого дополнения и не ясно, что такое переходность вообще. Может быть тогда, согласившись с Гао Минкаем и В.И. Гореловым, следует признать, что в нем нет и объективной реальности, соответствующей ПГ.

М. В. Рыбская (Москва)

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ ПУТУНГУА

Как указывается в официально зафиксированном определении китайского национального языка путунгуа, основой его

являются диалекты Северного Китая, а грамматической нормой – классические произведения на современном байхуа.

Итак, с одной стороны, существует совокупность текстов, отражающих грамматическую норму путунхуа, а с другой стороны – имеется ряд справочных пособий по грамматике современного китайского языка (КЯ), предметом описания которых, по замыслу составителей, как раз и является норма путунхуа. Естественно предположить, что указание описания представляют собой результат реконструкции грамматической системы путунхуа по текстам образцового корпуса. И коль скоро данная совокупность текстов признается образцовой, она не должна содержать ничего такого, что не укладывалось бы в рамки этих описаний. Однако форма представления информации в таких пособиях не позволяет использовать их в качестве руководства для создания оригинальных текстов, идентичных по своим грамматическим характеристикам текстам образцового корпуса. Дело в том, что такого рода пособия не содержат эксплицитных правил порождения, их содержание сводится к перечню примеров (образцовых фраз, сконструированных авторами, ^{цитат} цитат, взятых из образцовых текстов), иллюстрирующих различные понятия современной китайской грамматической теории. Проведенные исследования позволяют утверждать, что образцовым, т.е. порождаемым теми правилами, которые извлекаются из существующих практических пособий, по-видимому, может быть признан лишь язык средств массовой информации и современной научно-деловой прозы, отличающийся высокой степенью стандартизованности и клишированности. Что же касается **произведений** современной художественной прозы, выдвигаемых нормализаторами в качестве образцовых, то, как показывают наблюдения, такие тексты лишь условно соответствуют кодифицированной "норме", поскольку наряду с нормативными содержат такие употребления, которые в существующих справочниках никак не обсуждаются и тем самым оказываются как бы за рамками кодификации.

Главным препятствием в общении между носителями разных диалектов КЯ традиционно считается разница в произношении. Расхождения же в сфере грамматики – по крайней мере

для диалектов Северного Китая – признаются незначительными. Соответственно строятся и пособия, адресованные изучающим путунхуа носителям тех или иных диалектов: основное внимание уделяется рассмотрению орфоэпической нормы, в то время как грамматическая подается в виде приложения или объединяется с лексической – что, впрочем, вполне согласуется с традиционным для китайской филологии представлением о грамматике как о словаре служебных слов, где вся необходимая информация зашифрована в примерах употребления комментируемых единиц.

Соответствие между диалектом и путунхуа задается на примерах – парами лексических единиц, синтагм или даже целых предложений. В выборе иллюстративного материала авторы явно предпочитают тем выражениям, которые позволяют продемонстрировать формальные различия между путунхуа и данным диалектом. Границы же области совпадения при этом никак не оговариваются.

Такая подача материала способствует формированию у обучающихся своеобразного механизма пересчета^I элементов собственного диалекта в элементы национального языка. Отметим, что указанный механизм позволяет сравнительно успешно анализировать тексты путунхуа, которые на основе пересчета "перегружаются" в систему родного диалекта, в результате чего становится возможным включение механизмов естественной языковой интуиции читателя. При этом владение путунхуа накладывается на естественные речевые навыки носителя того или иного диалекта, выступая как их своеобразная трансформация.

Так как грамматическая семантика путунхуа, зафиксированная корпусом образцовых текстов, по-видимому, ни для одного из диалектных районов Китая не находится в однозначном соответствии с грамматической семантикой живого языка, тексты путунхуа, порождаемые на основе механизма пересчета,

^I Усвоение книжного языка по образцам на основе пересчета в принципе не является особенностью китайской языковой ситуации; сходная проблематика достаточно хорошо разработана для церковно-славянского, классического арабского и др. языков.

неизбежно в той или иной степени отражают особенности грамматической семантики родного диалекта пишущего.

Влияние диалектов обуславливает адаптацию путунхуа на местной почве. Эта адаптация приближает путунхуа к диалектам, но отнюдь не ликвидирует дистанцию между ними. Путунхуа и диалект соотносятся в сознании говорящих благодаря механизму пересчета; но благодаря этому же механизму они и противопоставляются. Те характеристики, по которым производится пересчет от путунхуа к диалекту и наоборот, выступают как признаки, задающие оппозицию путунхуа и диалекту. Соответственно, при порождении текста авторы ориентируются не на максимальное сближение языка создаваемого текста с языком образцовых текстов ("классических произведений на современном байхуа"), а лишь на условное тождество этих языков по ряду формальных показателей.

Понятно, что при такой установке сам набор релевантных формальных признаков имеет лишь относительную значимость: в него входят прежде всего те характеристики, которые с наибольшей наглядностью отличают путунхуа от данного диалекта, тогда как более тонкие различия игнорируются.

Таким образом, набор признаков, по которому ведется пересчет, оказывается ограниченным и избирательным. Вместе с тем нерегулярным оказывается и употребление тех формальных признаков, которые попали в данный набор: поскольку они выступают прежде всего как индикаторы наддиалектного характера текста, они могут употребляться непоследовательно и даже окказионально – индикатором служит сам факт их наличия, так что о сколько-нибудь строгой норме в их употреблении говорить не приходится.

Естественно, набор признаков принадлежности текста путунхуа отнюдь не покрывает всех различий между языком образцовых текстов и данным диалектом. Поэтому тексты на путунхуа, создаваемые с помощью пересчета по ограниченному набору признаков, оказываются открытыми для диалектных элементов, не вовлеченных в механизм пересчета.

Итак, сам механизм усвоения путунхуа предопределяет существенное расхождение между официально провозглашаемой

нормой, зафиксированной в новейших грамматических справочниках (ср. *Xiandai hanyu babai ci*. Пекин, 1980 и "*Shiyong hanyu yufa*". Фучжоу, 1985) и грамматическими системами, реконструируемыми по текстам различных авторов, пишущих на путунхуа.

В.М. Солнцев (Москва)

О ХАРАКТЕРЕ ЗНАЧЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китаистике определенное распространение получило утверждение А.А. Драгунова о том, что "... взятое само по себе, любое существительное в китайском языке обозначает, как известно, не отдельный индивидуальный предмет, а некую совокупность однородных предметов — предмет, взятый как "класс" вроде русских "домашняя птица" или "красная рыба" (Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, с. 44).

На основе этого утверждения А.А. Драгунов объясняет обязательное употребление между числительным и существительным в современном языке "той или иной единицы измерения" (с. 43). Под "единицами измерения" он понимал не только слова-меры, которые используются при указании количества вещества (и цзинь жоу "один цзинь^I мяса"), но и специальные счетные слова, именуемые обычно классификаторами, или аффиксами единичности (термин Ю.К. Щуцкого, позднее использовался Н.Н. Коротковым и другими китаистами): йба даозы "один нож" (букв. один + клф + нож) или игэ жэнь "один человек" (букв. один + клф + человек). А.А. Драгунов назвал эти счетные слова "суффиксами-классификаторами". По его мнению, соответствующие "единицы измерения" (классификаторы) сигнализируют "об одном или нескольких индивидуальных предметах, обособленных от некой совокупности, выделенных из основной массы (ср. русск. жемчужина ~ жемчуг, дробинка ~ дробь)".

Сходное толкование значения существительных встречается и в исследованиях по другим изолирующим языкам, в частности,

^I Китайская мера веса, сейчас = 500 г.

по вьетнамскому языку (Вя)².

Приведенные высказывания позволяют сделать вывод о сближении значений имен, называющих дискретные (исчисляемые) предметы, и имен, называющих вещества. Очевидно, что основанием для такого сближения служит сходство конструкций со словом-мерой (при именах-веществах) и конструкций с классификаторами (при именах-невеществах); в обоих случаях между числительным и существительным стоит некая единица. В европейских языках между числительным и словом-названием вещества, ставится слово, обозначающее меру (два стакана молока), а между числительным и именем, обозначающим дискретные предметы такое слово отсутствует (*three books* 'три книги'). В тех случаях, когда европейское существительное обозначает некую совокупность, как, например, русск. слово скот, то для выделения из этой совокупности одного (или нескольких) отдельных животных употребляется специальное счетное слово: одна голова скота. Значение существительных в китайском языке (КИ), даже когда они обозначают дискретные предметы, оценивается А.А.Драгуновым, как это можно видеть, как значение совокупности, наподобие значения слова "скот". Недискретность значения, с этой точки зрения, как раз и требует употребления счетного слова ("суффикса-классификатора"), если нужно из совокупности выделить отдельные предметы. В русском языке слово скот, действительно, нельзя употребить без счетного слова для обозначения отдельных особей, составляющих совокупность — скот³.

Счетные слова, или классификаторы присущи как китайскому, так и многим другим изолирующим (формоизолирующим) языкам. Свидетельствует ли их наличие, что существительные

² Ниже я буду называть изолирующие языки формоизолирующими, поскольку слова в этих языках могут иметь морфологические формы, которые однако не используются для выражения грамматических отношений между словами.

³ Слово скот только в переносном (бранном) значении может обозначать предметы как дискретные: "С тех пор все скоты дрожат, когда открывают новые истины" (из соврем. песни).

в этих языках обозначают не отдельные индивидуальные предметы, а некие совокупности? Употребление существительных в китайском и других формоизолирующих языках заставляет усомниться в том, что существительные без счетных слов обозначают только совокупности, но не отдельные предметы.

Материал показывает, что существительные (если только они не называют вещества или действительно не имеют значения совокупности) могут обозначать как дискретные предметы, так и совокупности без использования счетных слов. Вот некоторые примеры: Чжа ши воды пибао "Это мой портфель"; Ни ба пибао фан цзай чжоцзышан "Положи портфель на стол"; Во ю сийдо пибао "У меня много портфелей". В первых двух примерах речь идет явно об отдельных предметах (портфелях), хотя счетные слова не использованы; в третьем примере речи идет о множестве портфелей, без указания их точного количества. Аналогично во ВЯ существительное без классификатора, как известно, свободно обозначает отдельный предмет, например, *nhà Vĩnh mới* "Дом не новый". Сходную картину дают и другие формоизолирующие языки.

Способность существительных формоизолирующих языков обозначать без счетных слов как отдельные предметы, так и совокупности их (множества) свидетельствует о том, что значение этих существительных допускает такое их использование (ср. невозможность обозначить отдельный предмет существительным скот без счетного слова). Это, в свою очередь, показывает, что существительные указанных языков обозначают все не только некие совокупности, но и отдельные предметы, входящие в эти совокупности. Если бы соответствующие слова обозначали бы только совокупности, то их было бы невозможно без счетных слов употреблять для обозначения отдельных предметов.

Способность существительных обозначать и совокупность предметов, и отдельные предметы объясняется характером, или природой их значений. Лексические значения слов представляют собой понятия. Понятие есть логическая форма человеческой мысли, в которой отображаются как классы предметов, так и отдельные предметы, входящие в эти классы.

Это свойство словесного значения характерно для всех языков мира. Например, русск. дерево может обозначать как отдельное дерево, так и совокупность деревьев: Вижу дерево (один предмет); Дерево — это вид растений (здесь дерево обозначает совокупность всех деревьев). В русском (РЯ) и других языках, имеющих формы ед. и мн. числа, способность обозначать и совокупность, и отдельные предметы закреплена за формой ед. числа. Форма мн. числа специализирована для обозначения множества. Неизменяемые именные слова РЯ обозначают как совокупность, так и отдельные предметы (ср. Какаду вылетел из клетки; В зоопарке мы увидели какаду разных размеров).

Возможность использовать в разных языках существительные для обозначения как отдельных предметов, так и совокупностей (вообще разных видов множественности) говорит о том, что природа значения интернациональна и определяется общечеловеческим характером мышления.

Большинство существительных в КЯ не имеют форм числа. Широта их употребления для обозначения наряду с отдельными предметами и совокупностей объясняется тем, что им не надо преодолевать барьер формы ед. числа и того значения "единственности", которое эта форма вносит в слово в европейских языках. В европейских языках форма ед. числа, хотя и может использоваться для обозначения совокупностей, но вовсе не так широко как для этой цели используются слова формоизолирующих языков, либо вообще не имеющие разных количественных форм, либо не имеющих специально маркированной формы ед. числа. Кстати, в последних языках формы множественности (у тех слов, у которых имеются) как и в европейских языках никогда не используются для обозначения отдельных предметов.

Положение о том, что существительные в КЯ (и многих других языках) обозначают не только совокупности, но и отдельные предметы, правомерно и с точки зрения диахронии. Счетные слова в КЯ и других формоизолирующих языках появились сравнительно поздно. Как отмечают И.С.Гуревич и И.Т. Зограф, в КЯ только "в. Ш-У вв. происходит процесс становления и развития одной из наиболее специфических категорий

грамматики китайского языка – категории счетных слов, ... Тем не менее употребление счетных слов в языке III–V вв. еще нельзя считать регулярным (Хрестоматия по истории китайского языка II–XV вв., М., 1982, с. 12–13).

Мы располагаем множеством старых текстов, в которых существительные без счетных слов обозначали отдельные предметы. Вряд ли правдоподобно допустить, что китайские существительные, некогда обозначавшие и отдельные предметы и совокупности, сменили характер своего значения и перестали "сами по себе" обозначать отдельные предметы. Практика употребления существительных, обозначающих исчисляемые предметы, говорит об обратном.

Зачем в этом случае в языке появились счетные слова, или классификаторы? Это особый вопрос, требующий специального обсуждения. Ясно, что они появились не из-за неспособности существительных обозначать без их помощи отдельные предметы. Этой способностью существительные, обозначающие дискретные предметы, сами по себе обладают в полной мере.

Появление счетных слов, развившихся из знаменательных и позднее грамматикализованных, видимо, было обусловлено потребностью эксплицитного выражения штучности, единичности, в некоторых случаях определенности предметов в условиях отсутствия (может быть утраты в процессе падения старой морфологии) специальных маркированных форм числа (или только маркированных форм ед. числа). Могли быть и иные причины их появления. Следует иметь в виду, что при некотором сходстве в употреблении счетных слов (классификаторов) и слов, обозначающих меры, между ними имеются и серьезные различия, на которые указывал сам А.А. Драгунов.

Конструкции со счетными словами-классификаторами и "мерными" словами по-разному реагируют на введение определений. Ср. и да вань ча "одна большая чашка чая" (определение стоит перед словом-мерой) и и=чжан да чжоуцан "один большой стол" (букв. один + клѳ + большой + стол). Здесь определение стоит перед именем.

Различие в конструкциях не позволяет использовать их некоторое сходство для подравнивания значений слов, обозначающих дискретные предметы.

К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ АГЕНСА НАД ДЕЙСТВИЕМ

В номинативных предложениях китайского языка (КЯ), а также изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии (за исключением пассивных предложений состояния) подлежащее глагольных предложений имеет значение грамматического субъекта, производителя действия. В силу этого можно говорить, что подлежащее имеет агентивное значение, т.е. является агенсом. Агенса в подлежащем глагольного предложения осуществляет контроль над действием таким образом, как это характерно для языков номинативного строя вообще. Агенса при этом осуществляет контроль не только над действием, выраженным в сказуемом, но и над словами, которые сопровождают сказуемое, или, говоря иначе, образуют вместе со сказуемым группу сказуемого.

Воздействие агенса фактически распространяется на весь строй предложения и прежде всего осуществляется через соположение подлежащего-агенса со сказуемым. Каналом осуществления этого контроля является также вся система синтаксических служебных слов, а также морфологических элементов, через посредство которых агенса "регулирует" связь с остальными элементами предложения.

Попутно заметим, что понятие "контроль" близко к понятию управления. Управление в нашем случае – это тоже разновидность контроля. Это предложение контроля агенса (в подлежащем) над компонентами группы сказуемого через систему служебных слов. Поскольку "контроль" – термин в истоке не лингвистический, хотя и применяется в лингвистике, то через понятие управление (в широком смысле слова) в какой-то мере можно пояснить языковую сущность понятия "контроль".

Вместе с тем история КЯ, а также современное состояние этого языка и других языков Восточной и Юго-Восточной Азии

(например, тао'х, кату, ванкинеу) показывает, что наряду с указанными способами реализации контроля агенса в предложении важным способом осуществления этого контроля является и в определенной мере является и сейчас так называемая грамматика местоимений.

Контроль агенса обычно осуществляется на фоне семантико-грамматической дихотомии одушевленности/неодушевленности. Степень интенсивности контроля агенса градуирована в зависимости от иерархии имен. В изолирующих языках достаточно очевидно выделяются два вида агентов: первый вид – одушевленный агент, второй – неодушевленный. Различие между этими агентами проявляется в грамматике, а именно в разной реализации способов контроля агенса над действием или действиями. Ослабление или усиление контроля агенса указывается также с типами глаголов (глаголы действия – не-действия, глаголы активные – инактивные).

"Одушевленный" агент (сюда же включаются агенты, обозначающие лица) широко использует целую серию языковых средств для осуществления контроля. Отличие между способами контроля одушевленного и неодушевленного агентов проявляется, в частности, в особенностях употребления соответствующих агентов (речь, разумеется, идет об употреблении слов, имеющих то или иное агентивное значение), т.е. об употреблении разных видов агентов в различных конструкциях, в особом служебными словами и т.д.

Деление на одушевленные и неодушевленные при каждой "лексичности" такого деления, в сущности грамматично. И не только потому, что проявляется в грамматике, но и в силу отсутствия в ряде случаев мотивации отнесе-

7-3 139

ния данного слова к одушевленным или неодушевленным объектам.

Интересно отметить, что в языках Восточной и Юго-Восточной Азии существует разная градация "одушевленных" предметов, как наделенных разной степенью "одушевленности", что, по-видимому, социально обусловлено. Например, "тигр" в большинстве языков занимает одну из высших ступеней в иерархии одушевленных предметов, а "змея" в ряде языков находится на одной из низших ступеней. Разная оценка степени их одушевленности также находит отражение в выборе грамматических средств при оперировании словами, обозначающими этих животных.

Неодушевленные имена могут в своем употреблении уподобляться одушевленным именам. Но они не набирают такой степени силы контроля над группой сказуемого, какой обладают собственно одушевленные имена.

Такая ситуация и позволяет говорить об упорядочивавшейся выше иерархии агентов — от предельно агентивного (существительное — лицо) к просто одушевленному и далее к неодушевленному, агентивность которого значительно ослабляется. Чем выше положение агента в этой иерархии, тем более мощный контроль он осуществляет, тем большим количеством языковых средств может распоряжаться агент. Наиболее сильный контроль над действием и, шире, над всей группой сказуемого осуществляет одушевленный агент-лицо. При его участии могут быть образованы практически все конструкции, которые встречаются с агентами менее высоких рангов.

Агент каждого последующего ранга охватывает все те конструкции, которые могут быть образованы при агентах более низкого ранга. Если же посмотреть на иерархию рангов "снизу", то мы обнаружим, что агент самого низкого ранга (неодушевленный) осуществляет очень ограниченный контроль над группой сказуемого и самостоятельно распоряжается минимальным набором конструкций. Следующий по рангу агент допускает использование всех тех конструкций, которыми распоряжается нижестоящий агент, а также прибавляет к нему новые недоступные или малодоступные для такого агента конструкции.

Большинство служебных единиц (предлог адресата гэй, предлог инструмента юн, предлог направленности действия сян-, служебное слово ба - показатель прямого объекта при постановке дополнения перед сказуемым, служебное слово цзяо- показатель побуждения в устной речи и нек. др.) могут быть употреблены в основном только при наличии в подлежащем одушевленного агенса. Подсчеты показали, что в предложениях, где употреблено служебное слово ба, в 90% случаев в роли подлежащего выступает имя - одушевленное лицо. В китайском языке, а также в других изолирующих языках Восточной и Юго-Восточной Азии приложение предлогов к полнозначным словам осуществляется со значительно большим учетом особенности значений знаменательных слов с точки зрения их распределения по категориям одушевленности/неодушевленности.

Связано это прежде всего с тем, что предлоги и другие служебные слова в изолирующих языках В и ЮВА практически все произошли от глаголов, обозначавших действия, обычно совершаемые одушевленными лицами. Сравните:

кит. юн - предлог инструмента (от глаг. "употреблять")

цзяо - показ. каузации (от глаг. "заставлять")

гэй - показ. адресата (от глаг. "давать")

ба - показ. прямого объекта (от глаг. "брать")

бэй - показ. пассива (от глаг. "подвергаться")

вьет. điợc - показ. благопр. пассива (от глаг. "получать(ся)")

bi - показ. неблаг. пассива (от глаг. "подвергаться")

cho - показ. адресата (от глаг. "давать")

мьянм. so² - показ. адрес. (от глаг. "давать")

di² - показ. результ. (от глаг. "идти")

kon² - показ. продолж. (от глаг. "оставаться")

la¹ - показ. кауз. (от глаг. "делать")

leng² - показ. результ. (от глаг. "подниматься")

Похоже, что изолирующие языки "не очень торопятся" изжить этимологическое исходное значение предлогов и служебных слов, поскольку сохранение "родимых пятен" исходной одушевленности, как будто, способствует более четкой работе механизма контроля агенса.

Падежная система более безразлична к дихотомии одушевленности-неодушевленности. Адресатом в "падежном" языке может быть не только одушевленный предмет, но и неодушевленный. В "беспадежных" изолирующих языках, как правило, условием одинакового употребления неодушевленных имен с одушевленными является их "анимация", т.е. уподобление одушевленным.

Многие языки Восточной и Юго-Восточной Азии мобилизуют различного рода дополнительные средства (в которых не нуждается одушевленный агент), дающие возможность агентам низших рангов (неодушевленным) при их использовании в роли подлежащего осуществлять контроль над группой сказуемого наравне (или почти наравне) с одушевленными агентами.

Отметим, что неодушевленные агенты в ряде случаев и без специальных дополнительных средств как бы подравниваются под одушевленные агенты. Это имеет место при употреблении определенных глаголов роли сказуемого, например, глаголах недействия, а также при глаголах, обозначающих "привычные" для неодушевленных агентов действия.

Дело осложняется в том случае, когда неодушевленные агенты, выступая в роли подлежащего¹, начинают сочетаться с "непривычными" для них глаголами и в непривычных для них конструкциях. Именно в этих случаях им приходится мобилизовать дополнительные средства.

В этой сложной картине взаимодействия агентов разных рангов с группой сказуемого наглядно проявляется взаимодействие подлежащего и сказуемого как соотносительных категорий. Подобное взаимодействие подлежащего и сказуемого показывает как в изолирующих языках работает принцип корреляции содержательного плана подлежащего с содержательным планом сказуемого и его формальной организацией. Важно отметить, что основная особенность "принципа корреляции" в

¹ Следует заметить, что речь идет о том случае, когда неодушевленные агенты выступают в роли подлежащего именно как агенты, независимо от того, чем является их денотат. Так, в предложении Автомобиль перевез наши вещи слово автомобиль — агент, а не инструмент (по Филмору).

изолирующих языках заключается в том, что в них она реализуется в виде корреляции между содержанием подлежащего и формальной организацией сказуемого, ориентированной на лексико-грамматические подклассы имен и глаголов, выступающих в роли подлежащего и сказуемого.

М. В. Софронов (Москва)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТРЕХСЛОЖНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Трехсложные лексические единицы современного китайского языка (КТ) представляют собой количественные единицы, стоящие в том же ряду грамматических явлений, как односложный морфема, двусложный бином, четырехсложное сочетание морфем. Трехсложные лексические единицы являются средством формирования качественных единиц двух видов: лексических единиц — трехсложных слов и синтаксических единиц — трехсложных словосочетаний. Независимо от принадлежности к уровню грамматической структуры трехслоги обладают одинаковыми просодическими свойствами: беспausalным произношением, закономерным чередованием тонов слогов, входящих в их состав, тенденций к сокращению длительности слогов по сравнению с их отдельным произнесением. Акцентная характеристика трехслога в целом состоит в том, что при отдельном произнесении трехслоги имеют сильное ударение на первом слоге и слабое ударение на последнем. Во фразе трехслоги двуударны в середине синтагмы, но имеют ударение на первом слоге в конце синтагмы или фразы. В первом и втором слогах трехслога могут происходить различные сегментные изменения.

Знаменательные морфемы, входящие в состав трехслогов, связаны грамматическими отношениями, которые по своему содержанию не отличаются от грамматических отношений между словами в предложении. Они являются частью малого синтаксиса лексических единиц, который отличается от большого синтаксиса словосочетаний и предложений тем, что в нем отсутствуют служебные слова. Формальным средством малого синтаксиса трехслогов является порядок морфем, принадлежащих определенным лексико-грамматическим категориям.

Как синтаксическая единица трехслог распадается на однослог и бином. Члены трехслога связаны между собой двумя синтаксическими связями, из которых одна реализуется внутри бинома, а вторая соединяет бином в целом с однослогом. Последняя представляет собой главную грамматическую связь трехслога, согласно которой проводится классификация биномов по типу грамматической связи. В трехсловах происходит также сочетание биномов с односложными служебными морфемами, которые могут выступать как энклитики, проклитики, инфиксы.

Трехслоги-слова выступают в речи как средства номинации в качестве слов разговорного языка и различных терминов. Трехслоги-словосочетания выступают в качестве средства предикации. В этом случае семантика биномов-словосочетаний представляет собой описание ситуации, в которой принимает участие определенное число актантов.

Грамматические отношения между членами трехсложного бинома могут быть сочинительными и подчинительными. Три морфемы, образующие трехслог, последовательно связаны сочинительной связью: гун нун бин "рабочие, крестьяне, солдаты", лу хай кун "сухопутный, морской, воздушный" и т.п. Значения морфем, образующих трехслог, связаны между собой ассоциативно. Биномы такого рода встречаются довольно редко.

Подчинительные определительные отношения складываются между двусложным определением и односложным определяемым: хунмусян "шкатулка красного дерева", чанкэ ми "рис с продолговатыми зернами", цичжун цзи "подъемный кран", односложным определением и двусложным определяемым" сян фэйцзао "душистое мыло", ла циньцзяо "шэньсийский стручковый перец", бай шатан "сахарный песок", односложным глаголом и двусложным дополнением: чи ваньфань "ужинать", цзоу хэйдао "ходить впопыхах", переносное значение - "идти по преступному пути", односложным неоформленным глаголом и двусложным результативным членом: гаоминьбай "уяснить", односложным оформленным глаголом и односложным результативным членом: фэйдэ гао "лететь высоко".

Трехслог Ки представляет собой референтное выражение, коммуникативная функция состоит в указании на предмет или

ситуацию. Описание референта, выполненное с помощью трех-
слога, позволяет идентифицировать его с большей точностью
по сравнению с биномом: бусе "матерчатые туфли" - фаньбусе
"парусиновые туфли". В семантическом отношении эта иденти-
фикация может быть представлена как указание на некоторое
свойство референта: саньлуньча "педикер", или как на его
принадлежность некоторому классу: байписун "сосна Бунге".
По последней модели построено большое число терминов:
дуньусе "зоология", кэцзяньду "видимость" и т.п. Значение
биномов-дескрипций аддитивно: семантика такого бинома сос-
тавляет сумму значений морфем, входящих в их состав.

Неаддитивные трехслоги представляют собой редкое яв-
ление в лексике современного КН. Они ограничены структурным
типом "односложное определение-двусложное определяемое": да
цинцзао "шэньсийский стручковый перец" (букв. "острый шэнь-
сийский перец"), бай шатан "сахарный песок" (букв. "белый
сахарный песок"). Односложное определение представляет со-
бой постоянный эпитет двусложного имени. Семантические от-
ношения между членами трехслога являются плеоназмом: опре-
деления да "острый" и бай "белый" повторяют семантические
компоненты значений именных морфем.

Значительно чаще при взаимодействии значений морфем,
входящих в состав количественных единиц разного количест-
венного состава, встречается гаплоглогия или устранение пле-
онастической морфемы. В биноме хуандоу "соя" определение
хуан "желтый" является семантическим плеоназмом. В произ-
водном от него доуцзян "соевое молоко", доу "соевое масло"
плеонастическое определение остается за пределами бинома.
Свободное сочетание двух биномов типа циннянь, шаонянь
"юноши и подростки" в результате морфологической гаплоглогии
становятся трехслогами типа циншаонянь "юноши и подростки",
свободное сочетание двух трехслогов типа чжихуйянь, чжань-
доуянь "командиры и бойцы" - трехслогами типа чжичжаньянь
"командиры и бойцы".

Семантическая гаплоглогия распространяется не только на
знаменательные, но также и на служебные грамматические зна-
чения. Суф. -цы является носителем служебного значения не-

зависимой предметности: в сочетании с ним любая морфема образует двусложное слово с предметным значением. Имена с этим суффиксом легко сочетаются с предикативами. При этом обычно образуются трехслоги: хун ицзы "красный стул", люй вацзы "зеленые носки", где слово с суф. -цзы выступает в функции определяемого, чуаньнацзы "одеть носки", где слово с этим суффиксом выполняет функцию дополнения, и шуан вацзы "пара носков", где оно употребляется в сочетании с числительным. Однако в функции определения существительное вацзы "носки" не имеет этого суффикса: вади "подошва носка", ватун "наголенки", отсутствует он в именах с функцией единицы измерения: игэ бэйцзы "один стакан" (но и бэй шуи "стакан воды"). Во всех этих примерах заметно противопоставление конкретного предметного значения имени с суф. -цзы и абстрактного значения слоговой морфемы.

На гагмологию в трехсловах современного КИ существенно влияет степень лексикализации трехслога. Так, например, наряду с трехсловами чан вацзы "чулки" и дуань вацзы "носки" существуют также биномы хоува "теплые (букв. "толстые носки")" и сицзэва "хлопчатобумажные (букв. нитяные) носки", которые также восходят к трехсловам, но лексикализированы в большей степени.

Тань Аошун (Москва)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУР КИТАЙСКИХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Порядок слов в китайском языке (КИ) как и в других изолирующих языках, детерминирован, а потому грамматикализован. Это важное положение, восходящее по крайней мере к Габелентцу (G. Gabelentz, 1953), не получило дальнейшего уточнения. Между тем оно существенно не только для типологических исследований: оно может послужить методологической основой описания функционального синтаксиса КИ. Данное исследование имеет целью развить упомянутое положение и на такой основе определить базовые структурные типы китайских простых предложений, показать, как в линейном порядке развертывания синтаксических структур воплощаются парадигмы, обусловлен-

ные семантикой и прагматикой (интонационная структура единиц здесь не рассматривается).

Определение базовых типов китайских предложений может быть проведено прежде всего на основании выделения исходных синтаксических конструкций (ИСК). Эти конструкции: а) имеют исходный порядок расположения актантов, соответствующий шкале исходной коммуникативной важности (П.Сгалл, 1980)¹; б) способны образовывать синтаксически независимые высказывания, являющиеся исходными членами парадигмы актуального членения с чисто синтаксической иерархией членения; в) являются обобщенными схемами моделей валентности слов, позиции в которых могут занимать определенные классы актантов и предикатов.

Представление об исходном порядке слов подразумевает возможность его изменения. В Ки ею обладают в основном глагольные предложения, поэтому мы ограничимся рассмотрением этого типа предложений.

Положение Габеленца о том, что грамматические отношения между словами выражаются в порядке их расположения, для глагольного предложения в конечном счете требует определения синтаксических позиций семантических актантов глагола и их расположения относительно самого глагола. Выяснение допустимых сочетаний синтаксических актантов, интерпретированных в терминах семантических ролей (падежей) [Fillmore Ch. T. 1968], позволяет построить ряды ИСК, порядок расположения актантов, в которых хорошо согласуется с иерархией расположения этих актантов в упомянутой универсальной шкале. Это свидетельствует о том, что порядок слов в ИСК китайских простых предложений коммуникативно мотивированы.

Сопоставление типов ИСК позволяет характеризовать их синтаксические структуры следующим образом. Во-первых, семантические актанты, независимо от модели управления глаголов, всегда занимают в них фиксированные позиции. Во-вто-

¹ Исходная коммуникативная важность участников глагола имеет следующий вид: агенс < время < место < способ < инструмент < адресат < тема < пациенс или объект < направление < условие < цель < причина.

рых, препозитивные компоненты не могут оказаться справа от глагола, что и объясняет появление связочной конструкции при их рематизации. Время и локатив могут тематизироваться и занимать начальную позицию, отодвигая агенса или субъекта на второе место²; к препозитивным компонентам относятся субъект или агенс, контрагент, глава, повод или основание, время, локатив, начальная точка, способ, средство, инструмент, аспект, посредник, источник, бенефициант. В-третьих, из постпозитивных компонентов только пациенс и объект (в меньшей мере) способны переноситься влево от глагола. Наиболее подвижный компонент – пациенс может ^{занять} первую, вторую (после агенса) и третью (например, после времени) позиции в маркированных и немаркированных *ba* и *bei* предложениях. Позиции справа от глагола могут занять пациенс или объект, адресат, получатель, конечная точка, оценка, результат, количество, срок, цель, содержание, мотив, причина. Цель, содержание, мотив, причина и оценка могут быть выражены целой пропозицией. В таких случаях реализуются некоторые модели многоглагольного и цепного предложения. В-четвертых, число (от нуля до двух) и состав позиций справа от глагола строго ограничено. В-пятых, возможности занятия синтаксических позиций семантическими актантами в зависимости от валентности глаголов дополнительно распределены между структурными типами. В-шестых, из перечисленных актантов предложениями маркируются локатив, начальная и конечная точки, получатель, бенефициант, контрагент, посредник, источник, маршрут, инструмент, средство, аспект. Некоторые предлоги обслуживают более одного актанта. Утрата такой маркировки обычно происходит, например, в случаях занятия локативом, инструментом или бенефициантом (у последних двух актантов в связи с синкретностью выражения) начальной позиции (приобретение статуса прагматического пика) (Ван Валин, 1982), а ее получение, например, в случае переноса для выражения каузативного отношения пациенсом (маркировка при помощи *ba*).

² Использованы обозначения семантических актантов, данные в кн.: (Адресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974, с. 125-126).

В-седьмых, любой сдвиг в составе ИСК рассматривается как результат изменения актуального членения, хотя обратное на уровне порядка слов не обязательно. В-восьмых, в случаях, когда нарушение исходного порядка синтаксически мотивировано, образуемые структурные схемы, например, конструкция с ба для глаголов неавтономного передвижения и каузативного превращения (Тань Аошун, 1986), или конструкция с инвертированным объектом (пациенсом) (Сб. "Восемьсот слов китайского языка. Пекин, 1981) рассматриваются как варианты ИСК. Конструкции этого типа обладают синтаксической независимостью и функционируют в языке как базовые структуры. В-девятых, несвободные фразеологизированные структурные схемы, появившиеся в результате "незаконных" способов релативизации пренозитивных актантов и впоследствии зафиксированные как инкорпорации, выражают типизированные ситуации X chi shi tang le "X пытается в столовой". X chang nan diyin "X поет басом", X shui shafa chuag "X спит на диване", X xie xuezhubi "X пишет шариковой ручкой", рассматриваются как свободные модификации ИСК.

ИСК, будучи исходным членом парадигмы, при получении значения предикативности противопоставляются другим членам парадигмы регулярностью (константностью) оформления (например, видовременными показателями глагола и детерминантами именных групп, при помощи которых предложение соотносится с тем или иным временным планом действительности. Это свойство обусловлено тем, что высказывания построенные по таким конструкциям, контекстно свободны или относительно свободны, обозначенная предикатом ситуация вводится в акт коммуникации впервые, коэффициенты данности компонентов по всем аспектам языкового знака (А.Н. Баранов, 1984), характеризующие знания слушателя, минимальны. Такие глагольные предложения имеют коммуникативные установки "сообщение", "объявление" или "описание"; они противопоставляются высказываниям, производным от ИСК, например, с установками "разъяснение", "верификация", "коррекция".

Структурные схемы, не обладающие исходным порядком слов, могут оказаться базисными, если их порядок располо-

жения семантически и/или прагматически мотивирован. Эти типы противопоставляются ИСК, например, семантическим составом прагматического пика: ср. предложения нахождения в пространстве и существования, предложения с *ba* и с *bei*, предложения с глаголами автономного передвижения и предложения "появления и исчезновения". Ряд конструкций, различающихся по семантическим признакам субъекта и предиката, образует парадигму, из которой говорящий выбирает тот или иной член. Основанием для выбора могут служить и признаки одушевленности или личности субъекта (носителя предикативного свойства), возможность выражения процессуального значения предикатов или признак статичности предикатов (ориентированности предиката на субъект). Эти признаки релевантны для конструкций с переходными глаголами, которые различаются также по степени агентивности, связанной с каузативным отнесением синтаксических актантов. Признак определенности агенса обуславливает противопоставление конструкций с непереходными глаголами вида *Lai keren le* "Пришел гость" и *Keren lai le* "Гость пришел" и двух типов экзистенциональных конструкций". *Chuang shang tang zhe yi ge ren* "На кровати лежит человек" и *Ta zai chuang shang tang zhe* "Он лежит на кровати", а значения предиката: начала процесса и факта совершения обозначенной предикатом ситуации различают конструкции типа *Kai hui le* "Началось заседание" и *Hui kai le* "Заседание состоялось".

Таким образом, структурный облик простого предложения в КИ складывается в результате взаимодействия синтактики, семантики и прагматики.

В.А.Хабибулин (Владивосток)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Существительное может иметь несколько определений. Порядок следования нескольких определений, относящихся к одному определяемому слову, в китайском (КИ) и английском (АЯ) языках, в принципе, тождественны, но имеют место и различия, обусловленные грамматическими особенностями каждого

языка.

В современном КЯ определение предшествует определяемому слову и существует последовательное подчинение нескольких определений, относящихся к одному определяемому слову, которые образуют цепочку определений. Порядок определений в этой последовательности должен быть примерно следующим: 1) распространенное глагольное определение, содержащее пространственно-временную характеристику действия; 2) определение, выраженное существительным со значением места или времени и указывающее на пространственно-временное отношение к определяемому; 3) определение, выраженное существительным или местоимением и обозначающее принадлежность предмета; 4) определение, выраженное указательным местоимением; 5) определение, выраженное числительным; 6) определение, выраженное глаголом или глагольно-объектным словосочетанием; 7) определение, выраженное прилагательным; 8) определение, выраженное существительным и обозначающее признак предмета; 9) определяемое слово.

Порядок следования однородных определений, относящихся к одному определяемому слову, регулируется точностью выражения содержания.

Распространенное глагольное определение может применяться и в соответствии с порядком следования в цепочке определений простого глагольного определения не ведет к изменению значения всего атрибутивного словосочетания. Это объясняется тем, что в распространенном глагольном определении глагол является основным элементом.

В некоторых случаях вышеуказанный порядок следования определений, относящихся к одному определяемому слову, может изменяться: кит. Даньюань бисый чжисин и-це дан ды цзюе. — англ. Party members must carry into effect all Party resolutions. "Члены партии должны выполнять все решения партии". В этом предложении определяемое слово цзюе "выносить решение, резолюция" имеет два определения: и-це "все, всё", дан "партия", первое предшествует второму. Это предложение может быть понято как "Члены партии должны выполнять решения не только одной партии, а решения всех имеющихся партий". В

КЯ существительное означает не единичный предмет, а совокупность однородных предметов. Изменение порядка следования определений изменяет значение. Данъякань бисий чжисин дан ды и-це цзюеи "Члены партии должны выполнять партийные все решения".

В АЯ определение предшествует определяемому существительному и ставится после него: определение, выраженное одним словом, обычно предшествует существительному; определение, выраженное сочетанием слов или придаточным предложением, ставится обычно после существительного.

Несколько предшествующих одиночных определений образуют их последовательность, порядок в которой должен быть примерно следующим: 1) определение, выраженное указательным местоимением или существительным, местоимением, выражающим неопределенно-количественные отношения, например, *half an hour*, *many a man*; 2) определение, выраженное числительным, количественным или порядковым; 3) определение, выраженное прилагательным или глагольной словоформой и в соответствии с коммуникативной задачей обозначающее второстепенный признак предмета; 4) определение, выраженное прилагательным или глагольной словоформой и в соответствии с коммуникативной задачей обозначающее основной признак предмета, например, по форме, цвету, функции, действию и т.п.; 5) определение, выраженное существительным или прилагательным и обозначающее относительный или качественный признак предмета; 6) определяемое слово.

Прилагательное или глагольная словоформа, обозначающие тот или иной признак предмета, ставятся непосредственно перед существительным, когда определение и определяемое употребляются как одна номинативная единица, например, *young man (youth)*, *female dog (bitch)*.

Когда два определения трудно разграничить на обозначающее основной и обозначающее второстепенный признаки предмета, они обычно располагаются в такой последовательности; определение с большим количеством слогов – определение с меньшим количеством слогов – определяемое существительное.

Количественно-обобщающее местоимение "both" и "all" как определение всегда предшествует в речевой последователь-

ности определению, выраженному указательным или притяжательным местоимениями, например, both my eyes, all your books, all these students.

В английском языке имя собственное или нарицательное существительное как определение могут употребляться в притяжательной форме (China's) и в форме относительно прилагательного (Chinese), при этом определение, выраженное существительным в притяжательной форме, ставится дальше всего от определяемого слова; определение, выраженное относительным прилагательным, ставится ближе всего к определяемому слову: China's territorial right - Чжунго ды линту цюань; A famous Chinese writer - Чжунго ды мин цзоцзя. В обоих случаях при переводе атрибутивного сочетания на КЯ существительное Чжунго "Китай" как притяжательное определение предшествует в речевой последовательности другому относительному или качественному определению.

Порядок определений в КЯ и ЛЯ показывает, почему в сопоставляемых примерах последовательность определений не тождественна. Ср., например: Чаосань миньчжучжун гунхэго - The People's Democratic Republic of Korea; Сулянь сянъцзинь цзиньян - The advanced Soviet experience; Чжунго гудай ши - Ancient Chinese history; Шахуйчжун цзяньше гунцзо - Constructive socialist work; Шахуй шицзи холун - Practical social activities; Синь ды вэйда жэньбу - A great new task;

Сулянь синь узюньцзянь - The new Soviet warships; Мэйго сянъдай юсю цзоцзямэнь - Distinguished modern American writers; Туйсин инъюй вэйюаньхуй - The Oral English Promotion Committee.

Факты современных КЯ и АЯ показывают, что наряду со сравнительно-историческим изучением родственных языков, в лингвистике необходимы и сопоставительно-типологические исследования разносистемных языков, что позволяет лучше понять грамматику сопоставляемых языков и общие проблемы лингвистической типологии.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И СООТНОШЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В
КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Подчинительные отношения – широчайшая сфера употребления в китайском языке (КЯ) разнообразных синтаксических средств, таких как: порядок слов, атрибутивная частица ди, служебные слова типа предлог, послелог, глагольные элементы аффиксального характера (модификаторы направительных и некоторых иных значений; глагольный суфф. – дэ).

С функциональной точки зрения указанные грамматические средства делятся на два типа:

1) синтаксические средства прямой синтаксической значимости, употребление которых непосредственно направлено на оформление зависимых (или функциональных), компонентов тех или иных подчинительных структур и обнаруживает ту или иную степень независимости от частеречной отнесенности соответствующих слов (порядок слов, частица ды).

2) непрямой синтаксической значимости, обслуживающие функционирование определенных частей и обнаруживающие ту или иную степень независимости от функции, выполняемой соответствующим словом (предлоги, послелоги, глагольные модификаторы, глагольный суфф. – дэ).

Такого рода характер распределения функциональных сфер употребления синтаксических средств является отражением специфического для КЯ грамматического механизма взаимосвязи синтаксического и лексико-грамматического уровней, синтаксических категорий и классов слов (частей речи).

Сущность этого механизма состоит в характере обобщения и противопоставления значений на синтаксическом уровне языка, связанном с употреблением синтаксических средств прямой и непрямой синтаксической значимости и соотношения между ними.

Основной принцип состоит в следующем. С употреблением средств прямой синтаксической значимости связано формирование семантико-реляционных категорий чисто синтаксического

порядка, обобщающих синтаксическое функционирование различных классов слов; на базе средств не прямой синтаксической значимости формируются синтаксические значения лексико-синтаксического порядка, имеющие в своей основе значение определенного класса слов; реализация значений лексико-синтаксического порядка осуществляется на фоне категорий чисто синтаксического порядка.

Наиболее глубокое и широкое обобщение синтаксических значений в сфере подчинения связано с дифференцированным использованием словопорядка – постпозиция или препозиция зависимого компонента (ЗК) и отвечающим ему делением класса подчинительных структур на два основных подкласса – с препозицией ЗК и постпозицией ЗК. В основе этого деления лежит противопоставление синтаксических категорий "атрибутивность / дополнительность" – категорий чисто синтаксического порядка, обобщающих функционирование различных классов слов не только по линии ЗК подчинительной синтагмы, но и по линии центрального компонента (ЦК).

Суперкатегории "атрибутивность/ дополнительность" имеют несколько ступеней (или уровней) субкатегоризации, с чем прежде все связано деление континуума препозитивных и постпозитивных подчинительных структур на подклассы глагольных (с ЦК – глаголом или прилагательным) и именных (ЦК – имя) структур. Выделение и противопоставление глагольных и именных подчинительных структур имеет своим лингвистическим основанием различный характер реализации в составе этих структур оппозиции синтаксических категорий "атрибутивность /дополнительность" – наиболее общего и глубинного уровня обобщения и противопоставления синтаксических значений в сфере подчинения.

На уровне глагольных структур оппозиция синтаксических категорий "дополнительность/атрибутивность" предстает как оппозиция категорий "способ действия, или зависимая реализация (постпозиция ЗК) – обстоятельственная характеристика, или независимая реализация (препозиция ЗК)", имеющих чисто синтаксический характер, обобщающих и противопоставляющих друг другу функционирование частей речи на единой синтакси-

ческой основе.

На уровне именных структур оппозиция синтаксических категорий "дополнительность/атрибутивность" реализуется как противопоставление категорий "апозитивность (постпозиция ЗК)/атрибутивность" в узком смысле, или собственно определение (препозиция ЗК). Ведущая роль в системе именных построений принадлежит препозитивным структурам, организуемым на основе категории собственно определения (признак предмета).

Категория определения характеризуется КЯ наличием специального показателя – частицы ды – экспликатора атрибутивных отношений; в случае возможности употребления ды при любом определении реально это употребление может быть обязательным (оформленное определение) или необязательным (неоформленное определение).

В содержательном плане соотношение атрибутивных структур с оформленным и неоформленным определением обусловлен противопоставлением субкатегорий определения – категорий постоянного и непостоянного атрибутивных признаков. Категории постоянного и непостоянного атрибутивных признаков – категории чисто синтаксического порядка.

Оппозиция чисто синтаксических категорий "способ действия (постпозиция ЗК)/ обстоятельственная характеристика (препозиция ЗК)" – в системе глагольных структур, категорий постоянного (препозиция, неоформленное определение) и непостоянного (препозиция, оформленное определение) атрибутивных признаков обуславливает построение именных и глагольных структур, регулируют закономерности употребления в составе этих структур синтаксических средств, не прямой синтаксической значимости, обслуживающих функционирование определенного класса.

Покажем принцип действия указанных категорий на примере употребления предлогов. Обладая потенциальной способностью соединимости с именами, обслуживая функционирование последних, предлог в своем реальном употреблении далеко не всегда сопровождает имя; в ряде случаев это употребление не только не обязательно, но и невозможно. Объясняется это тем, что

использование синтаксических средств, обслуживающих функционирование определенного класса слов, осуществляется в КИ на фоне той системы синтаксических различий, которая связана с употреблением синтаксических средств прямой синтаксической значимости (словоупорядок, частицы ды).

В глагольных синтагмах употребление предлогов происходит под эгидой формально-синтаксической оппозиции "способ действия (постпозиция ЗК)/ обстоятельственная характеристика (препозиция ЗК)", что объясняет, например, такие существенные черты организации глагольных синтагм, как отсутствие необходимости в употреблении предлога при выражении широчайшей сферы глагольно-объектных отношений в постпозиции, в то время как выражение любых глагольно-именных отношений средствами препозиции ЗК требует обязательного употребления предлога. В препозиции используется весь арсенал предлогов КИ, в постпозиции — лишь отдельные предлоги. В постпозиции предлоги и глагольные модификаторы находятся в отношениях дополнительности, исключая друг друга в линейном ряду, в препозиции предлоги и глагольные модификаторы корреспондируют друг с другом.

В сфере атрибутивных структур потребность в использовании предлога, обязательно комбинирующегося здесь с атрибутивной частицей ды, в отличие от глагольных структур зависит уже от той интерпретации, которую получает в КИ категория принадлежности как субкатегория чисто синтаксической категории непостоянного атрибутивного признака.

Таким образом, формирование и системная организация класса подчинительных структур определяется взаимодействием и взаимозависимостью различных формально-синтаксических средств, в основе которых лежит грамматический механизм, обобщающий на различных уровнях категориально-синтаксической иерархии функционирование различных классов слов и ставящий в зависимость от категорий чисто синтаксического порядка употребление не только синтаксических средств прямой синтаксической значимости (словоупорядка, частицы ды), но и употребление синтаксических средств, обслуживающих функционирование слов определенного класса.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ АБЗАЦА И СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ
(на материале китайского языка)

Всякий связный текст китайского (КЯ), как и любого другого языка в формально-структурном и содержательно-семантическом отношении членится на сверхфразовые единства, абзацы, главы, параграфы, разделы и т.д.

Членение текста на абзацы сверхфразовые единства (СФЕ) – два возможных способа сегментации письменного текста, причем сегментация текста на абзацы является традиционным способом членения, формальная и содержательная сторона которого в литературе описаны достаточно. При этом абзац рассматривается как основная стилистико-композиционная единица структуры письменного текста, на которую в первую очередь ориентируется читающий. Способ лингвистического (семантического) членения текста на СФЕ (китайский эквивалент – "цзюйцзюнь") – сравнительно новый способ сегментации, получивший распространение в последние годы. При этом цзюйцзюнь рассматривается как сверхфразовая семантическая единица с собственной микротемой, выделяемая из потока речи (текста) формальными и семантическими средствами. Ниже будет рассмотрен вопрос о выделении абзаца ("дуаньло") и СФЕ ("цзюйцзюнь") в основном формально-грамматическими средствами. Вопрос о соотношении дуаньло и цзюйцзюнь (далее: Д и Ц) здесь опускается.

В принципе, для Д эта проблема не стоит, поскольку он, как известно, имеет четкие графические границы, формальный их маркер – отступ с новой строки вправо (в некоторых китайских текстах отступ делается влево или вниз). Две красные строки маркируют пределы Д, что выгодно отличает его от других СФЕ и является его несомненным преимуществом при анализе.

Что касается выделения границ Ц, то картина представляется более сложной, за исключением, естественно, случаев совпадения Д и Ц по объему. В ряде случаев Ц начинается в тексте вместе с Д. Тогда отступ и здесь выступает как верх-

няя графическая граница. Но в значительном числе случаев эти две единицы не совпадают по объему. Наличие ряда общих черт у Д и Ц еще более усложняет определение нижней границы Ц. Если же Ц находится в сплошном массиве текста, где чисто формальные границы отсутствуют вообще, то при линейном следовании Ц ориентироваться приходится на семантические (единство микротемы и семантический повтор) и формально-грамматические средства выделения. Учитывая неразработанность темы, к лексическим и грамматическим сигналам начала и конца Ц в китайском тексте можно отнести:

1. Лексическим средством, сигнализирующим начало Ц, могут служить обстоятельства времени, выраженные различными классами слов. О начале Ц может свидетельствовать введение места, где разворачивается действие Ц. Появление нового героя повествования также часто сигнализирует о верхней границе Ц. Этой же цели служат различные лексические средства, указывающие на появление новой темы или изменение разрабатываемой ситуации. Таким образом, вся лексика тематического характера может служить указанной цели. Сюда же можно отнести употребление в начале Ц неопределенно-личных местоимений типа "некий", "один", "какой-то" и т.д. Наконец, для начала китайского Ц характерно использование глаголов начинательной семантики типа кайши "начинать", кайчжань "развертывать" и т.д., а также модификаторов типа цилай.

2. Аналогичным образом, конец Ц может быть маркирован глаголами завершающей семантики типа цзоу "уходить", цзешу "завершать" и т.д. В качестве формальной концовки может служить использование в начале последней фразы Ц слов типа цзунде шо "говоря в целом". Формально-синтаксическим средством завершения Ц может служить изменение синтаксической структуры предложений, нарушение определенного синтаксического параллелизма.

Иллюстрированный материал, послуживший основой для данных выводов, будет приведен в докладе.

III. ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В.И.Горелов (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСИОЛОГИИ (на материале китайского языка)

Ономасиология как наука о названии, обозначении, номинации пока что остается белым пятном на карте китайского языкознания.

Предметом ономасиологии является языковая техника как лингвистический аспект номинации (Т.А.Константинова, 1983), а ее задача заключается в изучении принципов и закономерностей, а также способов обозначения предметов, качеств, действий и выражения понятий, мыслей, чувств лексическими и фразеологическими средствами языка.

Что касается места ономасиологии в кругу лингвистических дисциплин, то ее иногда считают наряду с семасиологией одним из разделов лексикологии. Однако коль скоро ономасиологические исследования получили в ряде языков широкое развитие, а также поскольку наименование понятий осуществляется не только словами, но и фразеологизмами, — ономасиологию целесообразно считать отдельной, самостоятельной дисциплиной.

Номинация (название) — это процесс, представляющий собой соотношение слова с предметом мысли, или иначе говоря, соотношение средств языка с внеязыковой деятельностью, обозначение языковыми средствами реалий и ситуаций в предметном мире. "Номинация, — пишет Л.Я.Маловицкий, — именует экстралингвистические объекты, она направлена на предмет и исходит из предмета" (см. кн.: Языковые значения. Л., 1976, с. 84).

Китайский язык (КЯ) демонстрирует широко разветвленную систему оригинальных и многообразных разновидностей наименований (номинативных единиц языка). Существуют различные аспекты номинации – источник наименования, его внешняя структура и внутренняя форма, способ наименования (В.Г.Тарк, 1966).

Попробуем рассмотреть некоторые наименования КЯ с точки зрения присущей им внутренней формы. Внутренняя форма определяется каким-либо характерным признаком, положенным в основу наименования. Однако признак не всегда является достаточно определенным.

Н.М.Манский полагает, что "слово, имея то или иное лексическое значение, может быть абсолютно условным названием соответствующих явлений объективной действительности. Признак, положенный в основу многих слов, в настоящее время уже в них не чувствуется, но от этого они не перестают быть значимыми единицами языка" (Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 34).

Сказанное с достаточным основанием можно отнести к большинству односложных слов современного КЯ. Лексическое значение таких слов, как тинь "небо", юй "гождь", жэнь "человек" является совершенно условным и ныне вряд ли возможно указать признак, положенный в их основу. Внутренняя форма таких слов не ясна.

Что касается многосложных слов КЯ, то они, напротив, в своем подавляющем большинстве (исключая лишь этимологически нечленимые слова) отличаются ясностью внутренней формы. Это – важная ономастологическая особенность КЯ.

Признаки, определяющие внутреннюю форму слова, отличаются исключительным разнообразием (величина предмета, его форма, цвет, материал, из которого он сделан, наконец, назначение предмета и его функция). Эти признаки способны также указывать связь предмета с другими предметами, обозначать его временную и пространственную характеристики.

Анализ фактического материала целесообразно начать с двуморфемных номинативных единиц, называемых в работах по ономастологии бинарными номинантами.

Иногда понятие выражается двуморфемной лексической еди-

нишей с копулятивной связью, обозначающей два понятия, относившихся к одной и той же лексико-семантической группе: шуй-ту "вода + земля" > "климат"; лэйхой "гром + дождь" > "гроза"; гаошу "трава + дерево" > "растительность"; цзысунь "сын + внук" > "потомки"; майму "брови + глаза" > "наружность"; пайфэн "кровать + шить" > "портной"; цзиньзянь "пройти + испытать" > "опыт".

Взаимодействие лексики байхуа и вэньянь позволяет КЯ обозначать предметы, качества, действия и выражать понятия, мысли, чувства посредством двуморфемных слов, компоненты которых находятся в синонимических отношениях: шуму "дерево + дерево" > "деревья"; бодан "волна + волна" > "волны"; хэйянь "черный + темный" > "темный, мрачный"; гулао "древний + старый" > "старинный"; шиюэ "употреблять + пользоваться" > "употреблять"; тяосюань "выбирать + избирать" > "выбирать"; айхао "любить + любить" > "любить"; фэйбан "клеветать + клеветать" > "клеветать".

В сфере номинации КЯ следует отметить как одно из характерных явлений наличие лексических рядов, содержащих слова с идентичной морфемой. Эти ряды нередко включают большое число номинативных единиц, обладающих яркой внутренней формой. Например: хошань "огонь + гора" > "вулкан"; хоцзай "огонь + беда" > "пожар"; хоцзянь "огонь + стрела" > "ракета"; ходуй "огонь + грудa" > "костер"; хоба "огонь + рукоятка" > "факел"; хоцзан "огонь + погребение" > "кремация"¹.

Приведем еще несколько иллюстраций, показывающих особенность внутренней формы двуморфемных наименований: гаосин "высокий + душевный подъем" > "радоваться"; шивэй "показывать + мощь" > "демонстрация"; маосянь "выставлять под + опасность" > "рисковать"; паймай "хлопнуть + продать" > "аукцион, продавать с аукциона"; шуаймай "выбросить + продать" > "распродажа, продавать по бросовой цене"; цзидай "отдать + продать" > "отдать на комиссию, отдать на комиссионную продажу"; имай "моральный долг + продать" > "продавать с благо-

1. Подробный перечень номинативных единиц этого ряда см. в кн.: Горелов В.М. Лексикология китайского языка. М., 1984, с. 48-49.

творительной целью"; чику "поглощать + горечь" > "страдать, терпеть лишения"; чицзин "поглощать + страх" > "испугаться, натерпеться страха".

В процессе номинации сложных понятий (нередко терминологического характера) признак предмета или обозначается двумя морфемами, каждая из которых обладает своим предметно-логическим значением: байнэйчжан "белая внутренняя преона (катаракта)"; даньбайчи "белое вещество яйца (белок)"; шэнь-усюэ "наука о живой природе (биология)"; жэньшэнгуань "взгляд на человеческую жизнь (мировоззрение)"; шунинши "передающее чувство стихотворение (лирическое стихотворение)"; шунингэ "передающая чувство песня (романс)".

Особенности китайской ономазиологии в сфере глаголов движения и, в частности, такой аспект номинации, как выяснение внутренней формы соответствующих слов, может послужить важной и интересной темой специального исследования.

Одна из особенностей – это способность глаголов не только называть то или иное действие как таковое, но вместе с тем указывать направление действия, если оно связано с идеей передвижения в пространстве. Несколько примеров: ла "тянуть по горизонтали"; ба "тянуть по вертикали"; я "давить сверху вниз"; цзи "давить с боков"; цзосяцзюй "саясь, опуститься вниз (из положения стоя)"; цзоцилай "саясь, подняться вверх (из положения лежа)".

Рассмотрим далее некоторые наименования КЯ в отношении способа номинации. Среди способов номинации, для которых характерен перенос наименования, обычно указывают метафору и метонимию. В тех случаях, когда наименование бывает перенесено с одного предмета (понятия) на другой предмет на основании сходства, имеет место метафорических перенос.

Метафора получила широкое распространение в сфере КЯ. Поскольку при метафорическом способе обозначения предметов и выражения понятий обычно возникают зримые образы, этот способ можно назвать образной номинацией.

Обычно в процесс метафоризации вовлекаются номинативные единицы, обозначающие предметы повседневного обихода (домашней утвари, одежды), а также названия растений, животных, час-

тей человеческого тела: лунтоу "голова дракона (водопроводный кран)"; яньмао "утинный язык + головной убор" > "картуз, кепка"; яньвэйюу "хвост ласточки + одежда" > "фрак"; луншэ-лань "язык дракона + растение" > "агава"; хукоу "пасть тигра (опасное место)"; яньуасюй "зубная щетка + усы" > "торчащие усы"; юэясюй "серп луны + усы" > "свисающие вниз усы"; яньчан сюэао "бараньи кишки + тропинка" > "извилистая тропинка".

Иногда образную номинацию можно наблюдать в сфере общественно-политической терминологии: цзинтунь "кит + заглатывает (свои жертвы)" > "аннексия (одновременный захват большой территории чужого государства)"; цаньшэ "шелковичный червь + поедает (листья тутового дерева)" > "ползучая аннексия (последовательный захват отдельных частей территории чужого государства)".

Т.Я. Дашевская (Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В XX в. словари-тезаурусы широко вошли в лексикографическую практику. Такого рода словари имеются для целого ряда европейских языков.

В Китае практика создания идеографических словарей существовала издавна. Таким был первый в истории Китая словарь "Эръя", появившийся на рубеже нашей эры. Принципы его построения и система толкования легли в основу ряда последующих словарей: "Лимин", "Гуанъя", "Фанъянь". Словари, подражающие "Эръя", сохранили для потомков целый пласт жизни древних китайцев, описания и названия предметов быта, орудий труда, музыкальных инструментов и т.д. К сожалению, позже эта традиция была прервана и первые попытки возродить ее были предприняты лишь в XX в. в словарях "Цзюань лэйдянь" (1920) и его аналоге - "Сецзо цидянь" (1983). По принципу построения и способу подачи материала эти словари могут быть отнесены, скорее, к тематическим. Свойственная тезаурусам констатация семантической общности и различия, присутствует и в словарях синонимов и антонимов. В этом смысле их тоже можно отнести к идеографическим.

Знакомство с мировым опытом создания тезаурусов и развитие национальной лексикографической традиции отразились в

словарях 80-х годов: "Тунъи цы цылинь" (1983), "Цзяньмин лэйхой цидянь" (1984), "Цзяньмин ханьхой цидянь" (1987).

Задача данного сообщения – рассмотреть построение этих словарей, обратив особое внимание на соответствие их требованиям, предъявляемым к тезаурусам.

I. Словарь "Тунъи цы цылинь" (сокр. "Цылинь") рассматривается китайскими лексикологами как идеографический словарь, приближающийся к тезаурусам.

В корпус словаря входит около 70 000 лексических единиц (ЛЕ). В словаре выделяются три уровня классификации: большие классы (их 12), средние классы (94) и малые классы (1428). Внутри малых классов могут быть отдельные смысловые группы, вводимые под заглавными или ключевыми словами. В тексте словаря нет специальных помет, указывающих на лексико-грамматический статус, а также стилистические особенности описываемых слов. Указанные особенности частично отражены в порядке расположения ЛЕ внутри семантических групп и могут быть восприняты при наличии у пользователя достаточного языкового и филологического опыта.

Несмотря на внешнее сходство с тезаурусом, данный словарь безусловно уступает признанным в мире, выдержавшим испытание временем тезаурусам. Классификационная схема, предложенная в словаре, не представляется удовлетворительной. Связь между классами зачастую представляется случайной. Бряд ли оправдано выделение в отдельные классы вспомогательных выражений и формул вежливости.

II. Словарь "Цзяньмин лэйхой цидянь" насчитывает 14 000 с лишним словарных статей. Лексический материал распределяется по 440 большим темам, каждая из которых озаглавлена ключевым словом, как правило, наиболее семантически емким и употребительным. В качестве ключевых слов выступают как однослоги (слогоморфемы), так и дву- и многосложные ЛЕ, вплоть до чень-юев. В тематическом и дублирующем его алфавитном указателях эти ЛЕ располагаются в порядке возрастания числа компонентов. Каждая ключевая ЛЕ объединяет ряд синонимов и ЛЕ, близких по семантике к ключевому слову. Все ЛЕ словаря снабжены толкованием и примерами употребления. Этим он отличается от

словари "Цзынь". Словарь не имеет определенной классификационной схемы, поэтому выбор тем, представляется достаточно случайным. Не всегда можно провести четкую семантическую связь между ЛЕ внутри тем.

Данный словарь точнее будет назвать аналогическим и ценность его состоит в информативности и доступности для читателя со средним уровнем образования.

II. Словарь "Цзяньмин ханьюй илэй цыцзынь" представляет собой еще один шаг на пути создания тезауруса китайского языка (КЯ). Авторы приложили к КЯ существующие сегодня в мире классификационные схемы, взяв из них самое, с их точки зрения, рациональное.

Словарь предназначен, прежде всего, для писателей, журналистов, переводчиков и широкого круга читателей. Он включает более 60 000 различных ЛЕ, которые группируются по семантическому принципу в 1730 тем, входящих, в свою очередь, в 18 больших понятийных классов.

Темы, входящие в большие классы, пронумерованы. Некоторые из них включают в себя подтемы или семантические группы, не обладающие собственной нумерацией. Подтемы располагаются в порядке уменьшения семантической близости к заглавному слову темы. Заглавное слово темы или подтемы выделено жирным шрифтом. В качестве заглавного слова выступает наиболее употребительное слово данной семантической группы. Это, как правило, слова с обобщающим значением. Ключевые слова, а также некоторые малоупотребительные слова и языковые обороты сопровождаются коротким толкованием. Часть иероглифов, имеющих разночтения, а также редкие знаки снабжены транскрипцией. Слова эмоционально окрашенные или стилистически ограниченные соответственно помечены. Словарь имеет два входа: от представления о семантике нужного слова, к конкретной ЛЕ и от конкретного слова к понятию и далее к многообразию близких по значению, имеющих разные экспрессивные оттенки слов. Словарь снабжен сводным фонетическим указателем, каждая ЛЕ имеет свою индексацию, определяющую ее позицию в словаре, многие ЛЕ одновременно входят в несколько тем.

Лексика, представленная в словаре, включает в себя слова и словосочетания, а также некоторое число слогоморфем. Большую часть составляют слова литературного языка, однако есть определенное количество терминов, диалектизмов, велянизмов.

Выход в свет этого словаря, безусловно, является большим шагом вперед на пути создания полного, отвечающего современным требованиям словаря-тезауруса КЯ. Классификационная схема словаря более стройная и логичная нежели в словаре "Цыпинь". Однако конкретное лексическое наполнение классов и тем не всегда представляется оправданным, особенно это касается семантически близких понятий. Так, тема 57 "чжуань" ("пожелания") вошла в класс ОБЩЕНИЕ, а тема "чжухэ" ("поздравлять, поздравление") является самостоятельной темой в семантическом классе ЯЗЫК и таких примеров немало.

По нашему мнению в рассмотренных словарях не все задачи, стоящие перед словарем-тезаурусом нашли свое решение. Поскольку проложить четкие грани между понятиями, а тем более ЛЕ, служащими для выражения этих понятий чрезвычайно трудно, а часто и невозможно, поскольку естественно ожидать вхождение одной и той же ЛЕ в различные тематические классы. Тезаурусы особенно ценны как раз тем, что они не только группируются слова по семантическому принципу родства, но и отражают связи между различными семантическими полями, помещая одно и то же слово в разные семантические группы, с учетом не только разных значений этого слова, но и оттенков его значения. Эта семантическая связь в корпусе тезаурусов отражается с помощью системы отсылок внутри тем и подтем. В рассмотренных же нами словарях эта задача не решена, т.е. в них не показана полнота и многообразие семантической нагруженности единицы языка, ее соотношение с аналогичными по лексико-грамматическому статусу или семантическим ассоциациям единицами.

В семантическую структуру любой ЛЕ входит семантическое ядро или сема. В КЯ функцию выражения этого ядра выполняют определенные слогоморфемы, которые можно назвать ключевыми. Такие ключевые морфемы чрезвычайно продуктивны, они употребляются как самостоятельно, так и в составе более сложных образований. Знание ключевых морфем позволяет моделировать

слова, более аналитически подходить к лексике. В названных словарях эти ключевые слогоморфемы представлены недостаточно широко.

В указанных словарях также не найден подход к определению лексико-грамматического статуса слова. А какое-то решение этой проблемы, важнейшей для китайского языкознания, необходимо, поскольку базовые темы и семантические группы, составляющие классификационную схему тезауруса, находятся во взаимном влиянии и связи не только на семантико-философском, но и на функционально-грамматическом уровне. Настоящий словарь-тезаурус также должен описывать взаимодействия между различными частями речи.

М.И.Задорожный (Фрунзе)

О ФАКТОРАХ ЗАИМСТВУЕМОСТИ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале дунганско-русского языкового взаимодействия)

Теоретически возможно заимствование, казалось бы, только безэквивалентной лексики, т.е. такой лексики воздействующего языка, которая служит для номинации в нем понятий и реалий, не имеющих точных соответствий в социокультурной парадигме носителей языка-реципиента, а значит, и лексических соответствий. Это, в частности, так называемая этнокультуроведческая лексика (термин Л.А.Шеймана), обозначающая этнотипичные, т.е. специфические для того или иного народа, предметы и явления материальной и духовной культуры и быта, в которую входят и так называемые фоновые, или этноконнотативные, слова.

Практика же показывает, что заимствуется, и довольно широко, также и полностью эквивалентная по референции лексика, проникновение которой, как будто бы не должно иметь места, если, конечно, не иметь в виду полного вытеснения одного языка другим. В нашем материале (обследовалась лексика десяти номеров дунганской межреспубликанской газеты "Шыйчэ-ди Чи") такие слова составляет внушительную группу - 108 из 361, т.е. немногим менее 30 %. Сюда входят, например, 130

такие русизмы, как ведомство (учреждение), звено (группа людей как организационная ячейка), наряд (документ, распоряжение о выполнении какой-нибудь работы), отпуск (временное освобождение от работы для отдыха), курган (холм, могильный холм), контора (административно-хозяйственный отдел, учреждение) и др., имеющие соответственно эквиваленты в дунганском языке: жигуан; дуй, шёдуй; пиндан, фәпә, лингунчянди данданзы; жя; лән дунлән; ямн.

Л.В.Щерба, как известно, связывал данный феномен с двумя причинными факторами: психологическим (стремление к экономии умственных усилий, "облегчению хода мысли") и эстетико-стилистическим, вкусовым (кажущаяся или действительная выразительность, красота слова, отсутствие у него неприятных ассоциаций). Исходя из этого, можно, применительно к конкретному материалу, говорить о трех причинах проникновения эквивалентных русизмов в дунганский язык (ДЯ): 1) недостаточно глубокое владение дунганским литературным языком пишущим (переводчиком, редактором); 2) психологическая инертность продуцента, которому в силу хорошего, а подчас и лучшего знания русского языка (РЯ) лень поискать надлежащее слово, поскольку русское слово первым всплывает в сознании; 3) объективная необходимость, обусловленная, например, требованиями стиля.

Соответственно намечаются и три группы эквивалентных русизмов, которые проникают или могут проникнуть в ДЯ (сначала в книжно-письменный, а затем и в устно-разговорный, в том числе и в обиходный):

1) эквивалентная лексика, "непереводимая" из-за недостаточно глубокого знания родного языка;

2) эквивалентная лексика, "непереводимая" в силу психологической инертности;

3) эквивалентная лексика, "непереводимая" по требованию функциональной стилистики.

С учетом противопоставленности своего и чужого с точки зрения самого РЯ, т.е. разграничения русской лексики на соответственно русскую и русско-иноязычную, заимствованную, что, вероятно, в какой-то мере сказывается на заимствуемос-

ти лексических единиц, таких групп будет шесть.

Поскольку путем только экстроспекции, т.е. обследуя лишь уже продуцированные тексты, разграничить недостаточно глубокое владение языком и психологическую инертность практически невозможно (преодолеть эту трудность можно было бы, прибегнув к интро- и ретроспективным методам анализа, например, к анкетированию информантов-продуцентов а авторов, редакторов, переводчиков, но мы к настоящему времени не располагаем такими данными), воспользуемся вместо шестичленной классификации "непереводимой" эквивалентной лексики четырехчленной ее модификацией, полученной путем сведения параметров "недостаточно глубокое владение родным языком" и "психологическая инертность" в один:

1) собственно русская эквивалентная лексика, "непереводимая" из-за недостаточно глубокого владения родным языком или в силу психологической инертности;

2) собственно русская эквивалентная лексика, "непереводимая" по требованию функциональной стилистики;

3) русско-иноязычная эквивалентная лексика, "непереводимая" из-за недостаточно глубокого владения родным языком или в силу психологической инертности;

4) русско-иноязычная эквивалентная лексика, "непереводимая" по требованию функциональной стилистики.

Анализ материала показывает, что в нем представлены все четыре теоретически исчисленные группы "непереводимой" эквивалентной лексики.

1. Завод (эквивалент гунчон): Вунян (1) зычан (2) доли (3) Токмак (4) бэли (5) заводшон (6) ба (7) та (8) дафодо (9) вон (10) шёнзыни (11) гэ (12) бэлиди (13) цех (14) литули (15) "Пять лет (1) назад (2) он пришел (3) на (6) Токмакский (4) стекольный (5) завод (6), его (7,8) направили (9) в (10,15) цех (15) упаковки (11,12) стекла (13)".

2. Наводчик (эквивалент, возможно калька, мёпожын): Иибян (1) наводчик (2) дэли (3) шонли (4) "Однажды (1) наводчик (2) получил (3) ранение (4)".

3. Автор (эквивалент жүзуажя): Автор (1)... шеци (2) манфуцзин (3)... "Автор (1) ... очень (3) полно (3) описывает (2)..."

4. Республика (эквивалент гунхэгуи): Республикади (1) Министру (2) Совет (3) "Совет (1) Министров (2) республики (1)".

Партия (эквивалент дон): партияди (1) съезд (2) "Съезд (2) партии(1)" "партийный (1(съезд (2))".

Т.В.Куцай (Москва)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
В РАМКАХ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ "БРАТЬ"
(на материале китайского языка)

Объектом данного исследования явилась лексико-семантическая группа глаголов китайского языка (КЯ), значения которых связаны с понятием (архисемой, по В.Г.Гаку) "брат". В понятии "брат" отражаются различные по характеру ситуации действительности, в рамках которых можно выделить действия конкретные физические, например, брат в руку, и действия социально обусловленные, например, брат взаимы. Здесь речь пойдет о группе таких глаголов, в значениях которых отражаются конкретные физические действия. Источником информации о семантике соответствующих глаголов явились толковые словари современного КЯ.

Классификация значений глаголов проводилась с помощью дефиниционного метода. Структура группы, особенности связей глаголов между собой определялись в зависимости от наличия общих семантических признаков или сем, за которые принимались значения слов, используемых в словарных дефинициях используемых глаголов. Слова в дефиниции, с помощью которых раскрываются основные, существенные (родовые) признаки, названы идентификаторами, те же, с помощью которых выражаются второстепенные, видовые признаки - конкретизаторами (Э.В.Кузнецова). Анализ связей между глаголами группы проводился с опорой на идентификаторы, без учета информации, содержащейся в конкретизаторах. Следует отметить,

что идентификатор в связи с определенной частотностью в рамках дефиниционных текстов толкового словаря, может быть в известной степени формализован.

Выявление общих идентификаторов в дефинициях изучаемых глаголов, позволило сформировать определенные лексико-семантические поля. Глаголы, вошедшие в каждое поле, являются его членами, центром поля выступает глагол-идентификатор, значение которого будучи составной частью значений глаголов-членов, в то же время является носителем общего понятия поля, его архисемой. Таким образом, глаголы в поле считаются семантически связанными на основании общности архисемы-идентификатора.

Поскольку при определении структуры поля были использованы данные, которые поставляет толковый словарь, постольку выявленные семантические поля могут быть квалифицируемы как лингвистически релевантные. Дополнительным подтверждением этого следует считать сам принцип формирования полей, заключающийся в том, что архисема поля не бралась произвольно, а была получена на основании анализа значения идентификатора. Данная особенность поля является ключевым звеном в понимании идеотнической сущности значений глаголов, что позволяет внести определенную корректировку семантического содержания архисемы самой группы глаголов, на основе суммарного обобщения значений основных идентификаторов полей. При таком подходе группа глаголов оказалась образованной из нескольких семантических полей (за исключением единичных глаголов не "вписавшихся" в рамки полей), каждое из которых имеет формальный показатель - идентификатор, в то время как сама группа не представлена единым идентификатором.

Ранжирование полей в рамках группы было произведено на основе учета семантической "мощности" поля, которая соответствует семантической мощности глагола-идентификатора и определяется количеством глаголов, в дефинициях которых идентификатор используется для выражения родового признака, т.е. количеством членов поля.

Глаголы цой "брать, получать", на брать (рукой)", что "ловить" семантически наиболее мощные глаголы-идентифика-

торы группы. Они являются представителями соответствующих полей, количество членов которых составило около двух третей всех глаголов.

В семантике идентификаторов, равно как и в семантике прочих глаголов, выделены родовые семы. Особенностью указанных выше идентификаторов является то, что их родовые семы выражены с помощью значений глаголов членов данной группы. Полученные семасиологическим путем архисемы данных полей наиболее полно отвечают понятию "брать". Семантической особенностью архисемы поля на является то, что она также корреспондирует и с понятием "держать" или "нести". Особенностью архисемы поля цй является то, что объект берется путем отделения, извлечения из окружающего.

Общей особенностью первых трех полей является, то что их идентификаторы наделены следующими чертами: а) непосредственно соотносимы по семантике с понятием "брать", репрезентируя его в наиболее обобщенной форме; б) семантически наиболее мощны, в) их родовые признаки выражены с помощью глаголов-членов группы, г) связаны между собой семантически.

Остальные члены группы распределены по полям, глаголы-идентификаторы которых не наделены указанными выше чертами: а) идентификаторы семантически молотомощны, а члены полей исчисляются единицами, б) между глаголами-идентификаторами данных полей отсутствуют связи, что является следствием того, что родовые признаки идентификаторов выражены с помощью глаголов не членов данной группы.

Можно предположить, что поля, структурированные по методу идентификации для носителей языка лингвистически релевантны, а с точки зрения носителей русского языка являются как бы "странными", "нелогичными". Например, поле цзя интегрировано с помощью архисемы связанной с родовым признаком "сжимать", это значит, что его членами явились такие глаголы, в номинации которых ведущий признак не соответствуют некому обобщенному представлению, а соответствует конкретному способу "взятия": сжимать объект с противоположных сторон, т.е. интеграция глаголов происходит на осно-

ве достаточно конкретного признака, а дифференциация значений членов поля происходит на основании орудийного признака (пальцами, щипцами, зубами и т.д.). Подобного типа признак, указывающий на пространственную ориентацию объекта относительно орудия субъекта, позволил объединить такие глаголы, как то "поддерживать снизу", пэн "обрать пригоршней", дин "обрать, носить, держать на голове". Носителю русского языка архисемы такого типа полей трудно прогнозировать, а отсутствие семантической связи между глаголами-идентификаторами данных полей и глаголами-идентификаторами на, цзю, чжо позволяет предположить, что для носителя КЯ более важным и значимым в процессе номинации является "способ действия", а не обобщенное представление действия "обрать", которое с известной долей конкретности репрезентировано в семантике глаголов-идентификаторов первых трех полей. Таким образом, семантика таких глаголов (поля 4-7) соответствует таким ситуациям действительности, для которых в первую очередь релевантным является способ локализации объекта с помощью неотчуждаемого (рука, плечи, голова и т.д.) или отчуждаемого (например, инструмента) орудия субъекта.

А.И.Семенас (Москва)

ОБ ОТРАЖЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В СЛОВАРЕ

Методика построения словарной статьи рассматривается китайскими лингвистами в связи с проблемой лексикографической интерпретации многозначного слова, выделения основного и переносного значения, классификации значений и порядка их расположения. Эти вопросы особенно актуальны для словарей большого объема и от их решения зависит правильность, исчерпываемость и лаконичность толкований.

Слова по своей семантической структуре весьма разнообразны. Лексика включает в себя достаточно простые в семантическом отношении, имеющие только по одному значению. Можно привести примеры некоторых зоонимов: шэ люй "осел", шэ чэ "мули" "устрица", шэ мэн "слепень", ма ма "лошадь", хэ ши "поползень", шэ цзю "беркут". Однако большинство слов

в китайском языке (КЯ) являются многозначными, причем эта особенность характерна прежде всего для употребительных слов. Чем более употребительно слово, тем больше его возможность быть многозначным, поскольку "каждое новое сочетание направляет сознание по другому пути; следствием является создание слову новых значений" (Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 167). Существуют употребительные слова, насчитывающие более десятка или даже несколько десятков значений. Например, глагол 打 да с исходным значением "бить, ударять" имеет согласно словарю "Сяньдай ханькой цыцзянь" 24 значения, глагол 开 кай с исходным значением "открывать" - 19 значений. У глагола 发 фа в Большом Китайско-русском словаре (БКРС) выделяется 25 значений, а в "Сяньдай ханькой цыцзянь" - 15 значений. Некоторые гнездовые статьи занимают целую страницу в словаре.

Говоря о многозначности, следует особо отметить те случаи, когда многозначность является следствием перевода, а не объективно присуща слову данного языка. Так, нередко слово с широким недифференцированным значением в зависимости от контекста переводится на другой язык разными словами. Возьмем к примеру слово с широкой семантикой 发 фа. Оно обозначает понятие действия направленного вовне, объект удаляется от субъекта, и это понятие настолько широкое, что в другом языке, например, в русском, ему может соответствовать целый ряд понятий, переводимых разными словами. 发 фа имеет одно значение, когда оно переводится как "излучать" (свет), "испускать" (звук), другое значение при переводе "издавать" (приказ), "выбрасывать" (на рынок), "пускать в свет", третье значение при переводе "выдавать" (зерно, зарплату), "выкладывать" и т.п. В данном случае в русском языке средства выражения более дифференцированы, чем в китайском. Но все эти глаголы в переводах в какой-то степени синонимичны друг другу и могут быть сведены к одному общему обозначению действия, направленного вовне. Поэтому можно сказать, что в переводном китайско-русском словаре (БКРС) представлено все разнообразие русских глаголов, соответствующих китайскому 发 фа.

Если сравнить словарные статьи китайских толковых словарей примерно одного объема, то заметим значительные расхождения в разграничении материала. Причина этого заключается не только в объеме и назначении словаря, в категории потенциальных потребителей, но главным образом в субъективных факторах, выражающихся в подборе конкретного материала и во взглядах составителей-редакторов. Излишнее дробление словарной статьи на разделы и подразделы может затруднять практическое пользование словарем.

При отборе значений следует отличать узусальное значение от окказионального. Это принимали во внимание составители БКРС, работавшие под руководством проф. И.М.Ошанина. Авторы с особой осторожностью относились к тем значениям, которые подкреплены лишь одним текстовым примером. Только в том случае, если окказиональное значение уже стало узусальным, оно регистрировалось отдельно, выделяясь полужирной арабской цифрой за скобкой. Известны случаи разового, случайного использования слова, когда не образуется отдельного значения. Словари иногда фиксируют такое образное употребление слова в качестве самостоятельного значения (например, хуанцю "желтый"+"шар"→"луна").

Недостаточно выделить все значения, надо их систематизировать и классифицировать. В общей лексикографии этот вопрос детально разработан в известной книге Х.Касареса (1958). Проблема публикации значений серьезно и глубоко исследовалась китайскими лингвистами. В основе принципа размещения значений лежит выделение основного первоначального значения. Однако первоначальное значение не всегда совпадает с основным. Так, у 走 цзоу основное значение "ходить", а первоначальное значение "бежать, нестись" (например, об экипаже). Китайские лексикологи подчеркивают необходимость при разборе значений на группы учитывать связь прямого значения и переносного. При этом, вторичные значения могут быть очень сложными, т.е. от одного переноса может быть другой перенос. Развившиеся значения и связаны с прямым, и отличаются от него. Например, у слова 头 тоу, кроме значения "голова", есть еще "вождь, лидер", "главный, первый", "кончик", "конец"

(дела), "остаток" (свечи, материи). Все они содержат общий семантический признак – самая верхняя или самая передняя часть объектов.

Самое главное для лексикографа установить основное значение, которое скрепляет все прочие как семантический стержень. Основное значение обеспечивает единство многозначного слова. Обычно в китайской лексикографической практике прямые значения даются перед переносными, причем каждое значение за отдельной цифрой. Выделить основное значение не всегда бывает просто. Часто лексикографам приходится обращаться за помощью к древним словарям, особенно к Шовэню. Возьмем, к примеру, односложную лексическую единицу 香 сян. Ее основное значение, зафиксированное в словаре "Шовэнь", это 芳 фан "аромат, благоухание; ароматный, душистый, пахучий, приятно пахнуть". От него развивается значение "ароматное вещество, благовоние, курение, фимиам; курительная свеча", а также "духи".

Ароматные травы и душистые вещества, обладая приятным запахом, доставляют людям удовольствие, комфорт, хорошее самочувствие. Отсюда вышло новое значение у 香 сян "сладкий, крепкий, глубокий (о сне)", в современном языке можно сказать 睡得正香 шуйдэ чжэн сян "спать сладко, крепко". Далее, у сян появилось значение "вкусный, аппетитный, приятный на вкус", "прекрасный, красивый (о жизни)". О хорошей репутации также можно сказать 香 сян. Кроме того, у сян имеется значение "дружный, ладный; ладить".

Далее, семантическое развитие привело к появлению нового значения – глагольного – "цениться, иметь спрос". Например, 这种货在农村很香 чжэ чжун хо цзай нун-цунь хэнь сян "Такие товары в деревне самые ходкие (в большом спросе)".

Описывая семантическую структуру многозначной лексики сян по этимологическому принципу сравнительно легко определить то значение, которому можно присвоить первый номер. Оно фиксируется древними словарями и древними источниками. Линия развития значения 香 сян прослеживается четко. Отмечая в нем разное число значений, словари тем не менее не

расходятся между собой в выделении в качестве первичного значения "аромат, благоухание; ароматный" (см. например: Сяньдай ханьйюй цыдянь. Пекин, 1979; Синьбянь ханьйюй цыдянь. Пекин, 1988; Китайско-русский словарь. Пекин, 1989; Большой Китайско-русский словарь, 1984).

Понятно, что историческое развитие значений слов, идущее в том или ином направлении, обуславливает и известный тип соотношений между сосуществующими в дальнейшем значениями, точно так же как характер соотношений между сосуществующими значениями слова определенным образом указывает ход его семантического развития. Однако далеко не всегда семантическое развитие слова приводит к сосуществованию новых и старых значений. Новые значения могут вытеснять прежние или оттеснять их на задний план. Следовательно и определение значений, как главных, основных, первичных, с одной стороны, и вторичных, переносных, с другой стороны, может иметь различный смысл, в зависимости от того говорим ли мы о развитии семантики слова или же о тех соотношениях, которые сосуществуют в данный момент.

О.П.Фролова (Новосибирск)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китайском языке (КЯ), как и в любых других языках, слова вступают в разнообразные отношения между собой, образуя ту или иную языковую систему. Они могут также объединяться в группы в зависимости от общности морфемного состава, грамматических и лексических значений. Путь раскрытия системного характера лексики лежит в рассмотрении ее как совокупности лексико-семантических групп (ЛСТГ). Описание отдельных групп слов, определение их классифицирующих признаков, внутренних связей в пределах определенных групп – все это необходимо для исследования системного характера языка. Для выполнения такого рода задачи также необходимо и изучение семантических признаков слова, выполняющих, как правило, систематизирующую функцию. Дело в том, что именно по семантическим признакам лексические единицы образуют

группы, ряды и гнезда, т.е. лексико-семантическую систему языка.

Следует отметить, что весь словарь КЯ представляется как система соприкасающихся или перекрещивающихся ЛСГ, поэтому установление четких границ какой-нибудь ЛСГ порой представляется затруднительным.

В качестве объекта исследования берется лексико-семантическая группа глаголов движения в КЯ.

Известно, что с грамматической точки зрения категория глагола в КЯ исследовалась основательно А.А.Драгуновым (1952) и С.Е.Яхонтовым (1957). В их работах выделяются и с грамматических позиций рассматриваются глаголы движения. По терминологии А.А.Драгунова – это "глаголы направления движения", он рассматривает их как частную лексико-грамматическую категорию внутри глагола.

Для анализа ЛСГ глаголов движения в первую очередь необходимо установить, что будет пониматься под глаголами движения. В любом языке само понятие движения является сложным. С одной стороны, понятие движения можно рассматривать как понятие, противоположное любому покою, а с другой – как понятие передвижения или местонахождения объекта. К ЛСГ глаголов движения относятся такие, которые указывают на перемещение в пространстве.

Для наблюдения над рассматриваемой ЛСГ было отобрано около 500 глаголов движения, которые почти не вызвали сомнения в их принадлежности к данной группе. Это, например, такие односложные глаголы как: цзоу "идти, шагать"; дао "бежать, бежать"; тяо "прыгать, скакать"; чжуй "гнаться"; цзинь "входить", чуань "пройти через", туй "отступать", "отойти назад" и много других. Основные глаголы движения лай "приходить" и цой "уходить" в виду ограниченности объема не рассматриваются. Подавляющее большинство глаголов движения – это двусложные глаголы: саньбоу "гулять", цзоубянь "обходить", сяпао "бежать на ощупь", фейцзоу "быстро бежать", тяода "прыгать кругом", цибу "идти в такт", чжуйго "перегонять" и др.

ЛСГ глаголов движения КЯ не стоит изолированно от ЛСГ

других глаголов и не исключена возможность сближения ее со словами, входящими в другие ЛСТ глаголов (но не – движения). Отсюда, ЛСТ глаголов движения выделяется на основе двух критериев: направления и способа движения. Они могут проявляться совместно или порознь. При отсутствии одного из них глагол движения может проявлять тенденцию к переходу в другую ЛСТ. Рассмотрим глаголы движения по этим критериям.

1. Глаголы движения в зависимости от н а п р а в л е н и я д в и ж е н и я. Они выражают передвижение, изменение местонахождения объекта с упором на процессе движения. Среди них можно выделить глаголы со следующей семантикой.

1. Движения, совершающиеся из одного пункта в другой: цзоу "идти, шагать"; чуфа "отправляться"; пао "бегать, бежать"; хуйлай "возвращаться"; чи "бежать".

2. Движения, совершающиеся вперед или назад: цянцзянь, цянъван, цзиньчу "идти вперед"; туй, туйхоу, туйся, шабу "идти назад",

3. Движения, совершающиеся то туда – то сюда: лайхуй, ванлай, шанся, ванхуань "ходить туда-сюда".

4. Движения, совершающиеся вокруг чего-л.: чжуань, паньсяуань "вращаться вокруг чего-л.", чжуаной "обходить кругом", дуаньчжуан "ходить кругом".

5. Движения, совершающиеся через или мимо какого-то объекта: чуань "пройти через", тунго "пробраться через", чуаньцзе "переходить улицу".

6. Движения, совершающиеся через какие-то препятствия: юэ, юэго, фань, фаньго "переходить через", переправляться через горы".

7. Движения, совершающиеся без очевидной цели: саньбу, саньгуан, гуанцзя, доу, люда "гулять, прогуливаться" (встретилось более 30 глаголов с этой семантикой).

8. Движения, совершающиеся на каком-то небольшом участке: тяо, бэн "скакать, прыгать"; цзуншэнь "вспрыгнуть"; тяодун "прыгать".

Возможна и более дифференцированная классификация движений. Как видно, каждое значение движения представляет

собой комплекс определенных семантических компонентов. При анализе значений слов ЛСГ глаголов движения выделяются общие компоненты, выражающие как само движение (паобянь "обежать", паочу "выбежать", паодяо "убежать", паацзинь "вбежать", паокай "отбежать"), так и компоненты, уточняющие его, или так называемые "семантические остатки" (тунго, цзиго "пройти через", юго "перевалить через", цзоуго "пройти через"). Следует отметить, что "семантические остатки" в различных ЛСГ глаголов движения различны и зависят они от критериев сочетаемости, характерных для внутренней формы данного глагола движения.

II. Глаголы движения в зависимости от способа движения. Семантическая структура слова и его ЛСГ организованы по иерархическому принципу с включением основного значения, а также прямого и переносного значений. Отсюда, ЛСГ глаголов движения по их соособу может быть как нейтральной, так и экспрессивной.

1. Глаголы движения – нейтральные. Они показывают, каким образом осуществляется движение и играют не менее важную роль в семантике глаголов движения, чем глаголы, показывающие перемещение в пространстве (цзоудань "идти в одиночку", сяпао "бежать наощупь", цйоу "идти в такт", сатуй "шагать большими шагами", чжуйцзун "преследовать по пятам", лайчи "приходить поздно").

2. Глаголы движения – экспрессивные. Сюда могут быть отнесены глаголы с метафорической образностью. Они приобретают экспрессивность за счет ассоциативных связей и характеризуются семантической двуплановостью, которая внутренне присуща экспрессивному глаголу. Главный признак экспрессивного глагола – спаянность двух значений в одном слове, причем одно значение выражается через призму другого (цзицзоу "бежать рысью", чулю "ковылять", ючуань "шататься", югуан "шляться", люкай "удрать"). Эта группа глаголов движения заслуживает специального рассмотрения в виду ее семантической многоплановости.

Итак, ЛСГ глаголов движения в китайском языке – это развитая языковая система, занимающая особое место среди

ЛСГ глаголов другой семантики и заслуживающая специального рассмотрения. В семантике глаголов движения одинаково выделяются глаголы как показывающие перемещение в пространстве, так и глаголы, выражающие способ движения. Глаголы движения используются не только в прямых значениях, но и во вторичных функциях: в метафорическом употреблении, в составе устойчивых словосочетаний и других функциях.

А.А.Хаматова (Владивосток)

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Бурный рост всех сфер внутренней и внешней жизни КНР в 80-е годы нашего столетия не мог не отразиться на лексике современного китайского языка (КЯ). Появляются новые слова и выражения, новые значения у уже имеющихся слов, иностранные заимствования. В работе Чэнь Мэньина "Синьцы, синьуй, синьи" (Новые слова, новые словосочетания, новые значения), изданной в 1986 г. в Нанкине, описывается 331 лексическое образование, которое не вошло в словарь современного КЯ "Сяньдай ханьуй цыдянь" 1979 г. издания, но активно используется в последнее время.

Анализ этих лексических образований дает возможность проследить некоторые тенденции развития лексики современного КЯ и сопоставить их с общими тенденциями такого развития, выявленными на гораздо большем лексическом материале, зафиксированном в словарях в 50-е-70-е годы.

Как известно, существуют два основных пути обогащения словарного состава любого языка: словообразование и иностранные заимствования. Анализируемый материал показывает, что иностранные заимствования по-прежнему не являются основным способом пополнения лексики КЯ, несмотря на широкие внешние контакты КНР в последнее десятилетие. К иностранным заимствованиям, появившимся в языке недавно, относятся, например:

迪斯科	<u>дискэ</u>	"диско" (от англ. disco),
迪斯尼	<u>дисни</u>	"Дисней" (от англ. Disney),
的士	<u>дыши</u>	"такси" (от англ. taxi).

Иностранные заимствования составляют 1,5% обследуемой лексики.

Основным путем пополнения лексики современного КЯ остаются различные словообразовательные процессы, ведущим из которых является словосложение (основосложение). Абсолютное большинство неологизмов (80%) – это сложные производные слова, образованные по всем основным моделям словосложения. Например:

套话	tàohuà "шаблонные (трафаретные) слова" – атрибутивная модель
编外	biānwài "сверхштатник" – атрибутивная модель
长龙	chánglóng "длинная очередь" – атрибутивная модель
高压锅	gāoyāguō "скороварка" – атрибутивная модель
评估	pínggū "оценивать" – копулятивная модель
播放	bōfā "демонстрировать (по телевизору)" – копулятивная модель
哄抬	hōngtái "взвинтить, вздуть" – копулятивная модель
待业	dàiyè "ожидать трудоустройства, должности" – глагольно-объектная модель
插队	chādùi – 1. "вне очереди"; 2. "осесть в производственной бригаде" (о людях, направляемых в 60-е и 70-е годы из города в деревню для работы в производственных бригадах) – глагольно-объектная модель
翻倍	fānbèi "удвоить" – глагольно-результативная модель
持平	chíping "справедливый" (в последнее время зафиксировано значение "балансировать") – глагольно-результативная модель
人均	jūnrén – средняя величина на одного человека – субъектно-предикативная модель

Продуктивность моделей словосложения различна. Самой продуктивной является атрибутивная модель (66% слов-неологизмов, образованных путем словосложения), затем следует копулятивная модель (17%) и глагольно-объектная (14%). По субъектно-предикативной и глагольно-результативной модели

образованы единицы анализируемых неологизмов.

Появляются в языке и новые сложносокращенные слова. 3,3% неологизмов – это слова-аббревиатуры. Путем аббревиации образованы, например, следующие слова:

彩电 цайдиань "цветной телевизор" (от 彩色电视机)

彩照 цайчжао "цветное фото" (от 彩色照片)

高干 гаогань "высший руководящий состав, высокопоставленные лица" (от 高级干部)

高考 гаокао вступительные экзамены в вуз (от 高等学校招生考试)

Как аффиксальные отмечены в работе 2,7% слов. К аффиксам Чэнь Мэньин относит 省 чжэ, 化 хуа, 巴 ба, 头 тоу, 员 юань, 手 шоу 性 син. Примеры слов, образованных в результате аффиксации:

一次性 йичи́син "однократность"

演奏员 яньцзююань "исполнитель, исполнительница (на музыкальных инструментах)"

老化 лаохуа – устаревать.

В отдельные словарные статьи Чэнь Мэньин выносит следующие словообразовательные единицы 多 до, 感 гань, 户 ху, 热 жэ, 坛 тань, объясняя это ролью, которую они играют в современном языке. Все это знаменательные слова современного КИ, которые в настоящее время в целом ряде слов выполняют функцию словообразовательных суффиксов с одновременной десемантизацией. Так в последнее время одновременно со знаменательным словом 热 жэ "теплота, горячий" существует словообразовательный суффикс существительных 热 жэ. Например:

(имя + 热) 中国热 чжунгожэ "китайский бум, увлеченность Китаем"

(глагол + 热) 旅游热 люйюжэ "туристический бум"

(словосочетание + 热) 养花热 янхуажэ "увлеченность разведением цветов".

Чэнь Мэньин отмечает, что позиция 热 жэ в функции словообразовательного суффикса строго фиксирована, кроме того,

суффикс 户 же может присоединиться только к двусложной или многосложной основе.

В современном КЯ 户 ху не может функционировать как самостоятельное слово, но образует целый ряд сложных слов, сохраняя свое лексическое значение "жилец, семья", при этом место словообразовательной основы 户 ху не фиксировано.

Например,

户口 хукǒу "житель, население"

户住 хучжǔ "глава семьи, хозяин дома"

用户 йнху "абонент"

落户 лоху "поселиться, обосноваться"

Вместе с тем 户 ху в настоящее время приобретает все больше свойств словообразовательного суффикса существительных, образуя ряд слов с общим значением человека, организации, отрасли, коллектива. Выполняя эти функции в языке 户 ху может присоединяться к именным, качественным, глагольным основам и к словосочетаниям. Например:

关系户 гуаньс^иху "партнер, компаньон"

个体户 гэтиху "человек, организация, занимающиеся индивидуальным трудом".

Около 10% лексики, собранной в работе Чэнь Мэньина, — это так называемые 惯用语 гуаньй^юнху "устойчивые словосочетания". К ним относятся:

表面文章 бяомяньвэньчжан "формальная сторона, внешний лоск",

吃干饭 чйг^аньф^ань "без дела (без работы) получать деньги",

刮鼻子 гуаб^ицзы "критиковать" (иметь оттенок "оскорблять"),

走后门 цзоухоуmén "с черного хода, по блату",

开红灯 кайхундэн "провалиться на экзаменах".

Одной из характерных черт словосочетаний данного типа является трехсложность. Кроме того, анализируемая лексика включает 28 словосочетаний, которые не носят такой устойчивый характер, как гуаньй^юнху, но часто используются в языке. Например:

倒买倒卖 даома^й — даома^й "спекулировать",

更新换代 gēnxīndài - хуаньдай "обновление",
计划生育 cìyìhuá shēnyòu "планирование рождаемости".

Образование новых слов, включение их в лексическую систему КИ оказывает влияние на семантику уже существующих в языке слов. Значения слов расширяются, сужаются, происходит перенос значений слов, что вызывается не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами. Все эти процессы прослеживаются на лексике, собранной в работе Чэнь Мэньюна.

Н.В.Денисова (МГУ филол.)

ЛЕКСЕМА 'УЕ' В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ КОРРЕЛЯТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Китайская лексема 'уе' обладает рядом собственных значений и подзначений, что осложняет задачу перевода высказываний, содержащих эту лексему, на русский язык. В связи с этим, исследование особенностей поведения лексемы 'уе' в контексте высказывания, выведение на основании этого адекватного толкования серий подзначений, а также исследование условий выбора русского коррелята при переводе высказываний с лексемой 'уе' на русский язык является важной лингвистической задачей.

Было исследовано одно из значений лексемы 'уе' - значение ("тоже", "также", "и"). Тот факт, что данная лексема обладает рядом особенностей, сближающих ее поведение с поведением "логических" слов, требует разработки специальной нетрадиционной методики исследования.

Инвариантное толкование для трех подзначений лексемы 'уе' выведено на основании применения к высказываниям с 'уе' операции элиминирования лексемы, предложенной В.Гирке при исследовании немецкого союза

- а) - Wo you lei you e, zhen zou bu dong le.
- Shi a, wo ye you dian ele.
- Я и устала и проголодалась, идти больше не могу.
- Да, я тоже немного голоден.
- б) Ta xihuan lanhua, wo ye xihuan lanhua.
Ему нравятся орхидеи, мне тоже они нравятся.

- в) Zhewei yishujia bu dan zai Zhongguo hen
youming, erqie zai shijieshang ye hen youming.
Этот художник известен не только в Китае, но и во
всем мире.
- г) Wo xiwang xingqiri ye shi qingtian.
Я надеюсь, что и в воскресенье тоже будет солнечно.
- д) - Wo xiwang zhexie dou mei wenti.
- Wo ye xiwang zheyang.
- Я надеюсь, что здесь нет вопросов.
- Я тоже надеюсь, что это так.

При элиминировании 'ue' из предложений типа а) возникает дублирование иницирующей реплики, что приводит к эффекту "отсутствия контакта" при коммуникации, и, тем самым, происходит нарушение условий коммуникации. В предложениях типа б) устранение 'ue' приводит к незавершенности высказывания в силу обязательного появления интонации перечисления. В предложениях типа в) имеем контекст дополнения, представленный конструкцией "bu dan..., erqie...". 'ue' выступает здесь в качестве факультативного средства усиления дополнения. Устранение 'ue' из такого контекста не приводит к аномальности. В предложениях типа г) возникает не узкоконтекстуальная аномальность, т.к. предполагается наличие предконтекста вида: "сегодня солнечно". В примере д) при введении дополнительного условия - перечисление акцента на лексему xiwang - не возникает аномальности. В таком случае роль опущенной частицы 'ue' - роль маркирования аномальности ситуации - берет на себя просодическое средство. В общем случае, учитывая нетипичность и исключительность последних двух примеров, можно заключить, что элиминирование 'ue' из высказывания приводит к нарушению смысловых связей с предконтекстом, а также к нарушению условий коммуникации. На основании этого предлагается следующее инвариантное толкование для трех подзначений 'ue': 'sit p, ue sit q' - происходит эксплицитная сигнализация того, что некоторый отрезок информации сознательно подается во второй раз, при этом происходит анафорическая отсылка к предшествующим компонентам информации, с которыми эксплицированный нами отрезок уже упоминавшей-

ся информации связан отношением типа "тождество", "различие", "противоречие" или "аналогия".

Для семантической интерпретации предложения, содержащего лексему 'ye', необходимо исследовать особенности сферы действия данной лексики.

а) Wo ye zai shitangli chifan.

Я тоже обедаю в столовой.

б) Wo ye xihuan zhezhang daiyi.

Мне тоже нравится такое пальто.

в) Zaozhang wo qide hen zao, Ali qide ye bu wan.

Утром я встал очень рано, Али тоже встал поздно.

г) Zhezhang bingyu ye chang fang zai dongci he buyu zhijian.

Такое дополнение также часто ставится между глаголом и дополнительным членом. Основной валентностью данной лексики, которая является обязательной и везде эксплицированной, является валентность на действие, состояние или свойство. Валентность на субъект представлена в подавляющем большинстве примеров с 'ye'. Особенностью частицы 'ye' является то, что она не стоит в препозиции к группе, определяющей ее сферу действия (СД), а вклинивается в эту группу. В общем случае представление СД (ye) (для примеров типа а, б)) выглядит следующим образом:

$$(ye) = \text{Sub } ye \left(\text{Val} \left\{ \begin{array}{l} \text{Loc, Ab, Ad,} \\ \text{Mod, Temp..} \end{array} \right\} \text{Pred} \left(\text{Val} \left\{ \begin{array}{l} \text{Dest, Obj,} \\ \text{Mod...} \end{array} \right\} \right) \right)$$

где: Sub - валентность на субъект, Pred - валентность на действие, состояние или свойство Val - валентность; Loc - места, Ab - начальной точки, Ad - конечной точки, Mod - способа, Temp - времени, Dest - цели, Obj - объекта. Здесь { ... } обозначена альтернативность выбора одной из валентностей; () - факультативность валентности.

В предложениях типа в) имеем случай реализации "узкой" СД ('ye'), т.е. в СД ('ye') входит не вся ситуация целиком, а только та ее часть, которая выражает оценку действия, состояния или свойства. Таким образом условием реализации "узкой" СД (ye') служит модус оценки действия, обозначенного предикатом. СД "узк." ('ye') = /Sub Pred / ye Val Mod,

где / / - исключение из СД ('ye').

Для предложений типа г) реализуется ситуация смещения и "расчлененная" СД ('ye'), из которой исключается лексема, выражающая в данном случае валентность способа:

СД "расчлененн." ('ye') = Sub ye / Val Mod.../ Pred.

В результате анализа нетипичных контекстов были выявлены возможности реализации следующих СД ('ye'): узкой/широкой; расчлененной/нерасчлененной; изолированной/наложенной.

Условия выбора русского коррелята для перевода лексемы 'ye' касаются особенностей фразового ударения в высказываниях с 'ye', что выражает анафорические связи между компонентами высказывания. При наличии анафорической связи типа "тождество" между ремой данного предложения и ремой предконтекста, что выражается в постановке фразового ударения на частице 'ye', лексему 'ye' следует переводить либо как тоже или и...тоже..., либо и - аналогическим. При отсутствии фразового ударения на лексеме 'ye', что сигнализирует об анафорической связи типа "различие" между ремами, а также при возможности взаимозаменяемости лексем 'ye' и hai в этих контекстах, необходимо переводить лексему 'ye' либо как также или также и, либо повторной союзной конструкцией и...и.... При различии как между ремами, так и между темами высказывания с 'ye', что тоже выражается в отсутствии фразового ударения на лексеме 'ye', единственно возможным оказывается перевод лексемы 'ye' посредством и - союзного.

1 случай: Wo [xuexi hanyu] ta ye [xuexi hanyu]_{R₁}
(тождественность R₁ и R₀; фразовое ударение на "ye")
Я изучаю китайский язык, он тоже изучает.

2 случай: Zhe jian dongxi [keyi fang xai zher], ye
[keyi fang zai nar]._{ie}
(различие R₁ и R₀; отсутствие фразового ударения на 'ye')

Эту вещь можно положить сюда, также можно положить и туда.

3 случай: [Tian]_{T₀} [liang le]_{R₀}, [feng]_{T₁} ye [ting le]_{R₁}
10-4 139 151

(различие T_1 и T_0 , R_1 и R_0 ; отсутствие фразового ударения на 'уе')

Рассвело, и ветер стих.

Таблица коррелятов перевода частицы 'уе':

Отношения между Отно- R_1 и R_0 шения между T_1 и T_0	Отношения тождества	Отношения различия
Отношение различия	$X^* = \left\{ \begin{array}{l} \text{тоже, и...} \\ \text{тоже... , и -} \\ \text{аналогический} \end{array} \right\}$	$Z^* = \left\{ \text{и - союзный} \right\}$
Отношение тождества		$Y^* = \left\{ \begin{array}{l} \text{'также', 'также'...} \\ \text{и... , и...и...} \end{array} \right\}$

* X, Y, Z - множества, элементы, которых соответствуют русским коррелятам лексемы y .

IV. ТИПОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А.М.Ефремов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ТИПОЛОГИЧЕСКОМ КРИТЕРИИ

Лингвистика, как и любая другая наука, развивается по спирали, витками которой попеременно являются рассмотрение объекта в его тотальности (синтез) и в частных проявлениях (анализ). Синтетический подход нацелен на выявление всеобщих причинно-следственных связей в языке и в итоге – на объяснение языка как глобального явления. Для аналитического же освоения объекта характерны описание, таксономия, обработка эмпирического материала и тоже – объяснение, но в частных целях. Со времен Соссюра и под непосредственным влиянием его структуралистических идей лингвистика в течение долгих десятилетий развивалась в лоне описательного подхода. Однако в настоящий момент есть основания говорить о формировании явной потребности в синтетическом (макро-) объяснении накопленных фактов. К переходу от таксономии к объяснению толкают лингвистику не только успехи ее предшествующего развития, но и причины внешнего характера: утверждение в обществе идеи о человеке как высшей ценности стимулирует поиск предельно обобщенных характеристик взаимодействующих с ним систем.

Развитие "объяснительной" тенденции в языкознании на первые роли выдвигает типологическую теорию. "Именно – и только – с помощью типологии лингвистика поднимается до самых крупных обобщений" (Ельмслев). В контексте формирующейся потребности объяснить язык таксономическая "КАК-типология" должна уступить место "ПОЧЕМУ-типологии" (Кирикс).

Каким требованиям должна удовлетворять ПОЧЕМУ-типология?

Во-первых, типология языка не должна подменяться типологией его подсистем. Язык не сводим к простой сумме — это целостная система, интегрированная в системы более высоких рангов. "Исследование приобретает необходимую объяснительную силу в том случае, если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и ее средой" (Бондарко).

Во-вторых, "множественность типологических критериев не имеет преимуществ перед выбором одного ведущего критерия" (Плоткин). Типологические свойства языков находятся в отношениях четкой субординации, и наиболее краткий путь к объяснению языка лежит через выявление критерия, лежащего в основании типологической пирамиды.

В-третьих, объяснительная типология должна ориентироваться на такой критерий, который был бы обращен одновременно и к языку как общепонятному коду, и к речи — вечно живому началу, питающему язык.

ПОЧЕМУ-типология, надстраиваясь над КАК-типологией и будучи объективно движением по спирали вверх, не может не возвращаться к стартовым позициям типологической теории или по крайней мере к тому первоначальному кругу тем, которые определили многие направления ее дальнейшего развития. К числу таких тем относится сравнение флективных и изолирующих языков, в частности, китайского (КЯ). Бросающаяся в глаза несхожесть этих двух групп языков явилась той "разностью потенциалов", тем напряжением, которое и "индуцировало" устойчивый интерес к сравнительно-типологическим исследованиям как возможному ключу к пониманию общечеловеческого языка.

За огромным количеством ценных, но разрозненных наблюдений, накопленных в китаеведной литературе (отсутствие четких границ между словом и морфемой, словом и словосочетанием, тенденция к синтаксическим построениям по типу "топик-комментарий" и др.), угадывается некий общий феномен. Дать имя этому феномену значит найти такие универсальные характеристики, которые были бы приложимы не только к кя-

154

тайскому языку, но и к родному языку исследователя, которые бы предполагали, что разные языки находятся на одной типологической шкале, но смещены относительно друг друга на определенное количество "делений".

Наше типологическое утверждение состоит в следующем.

Коль скоро мы признаем, что язык произведен от речи (таково общепринятое понимание вопроса), то мы неизбежно должны признать и то, что язык А может в большей степени нести на себе "печать" речи, чем язык Б, т.е. разные языки могут находиться на разном расстоянии – на типологической шкале – от "деления" под названием "речь" и степень диалектичности языка и речи может варьировать от языка к языку.

Данное утверждение может показаться весьма умозрительным – но только до тех пор, пока под эту слишком общую и "ускользающую" от наблюдения антиномию (язык – речь) не будет подведена соотносимая с ней, но позволяющая оперировать с самыми разнообразными лингвистическими сущностями антиномия "парадигматика – синтагматика", если, конечно, эту антиномию понимать предельно широко – как противопоставление "язык – речь" в "снятом виде", но не как оппозицию, характеризующую только лишь устройство языковых субсистем.

Такое понимание парадигматики и синтагматики возвращает нас к идеям Н.В. Крушевского об "ассоциациях по сходству" и "ассоциациях по смежности" и психолингвистическим экспериментам на получение направленных реакций. Результаты этих экспериментов: одни слова возбуждают в сознании по преимуществу синтагматические реакции – слово оказывается тесно связанным с породившей его речевой средой, другие же слова дают в основном парадигматические ассоциации – в этом случае можно говорить о мысленной включенности слова не в речь, а в соответствующие парадигмы. Сформулируем данные наблюдения другими словами: в слове сосуществуют два начала – то, что дала ему речь, и то, что им приобретено от своих "соседей" по парадигматическим рядам; для одних слов связь с речью – далекое прошлое, для других – актуальное настоящее; одни слова вызывают ассоциации с коммуникативным процессом, в то время как другие – с результатами это-

го процесса.

Эти констатации имеют большое значение для понимания "духа" китайского и русского языков – если, конечно, учитывать, что за характером ассоциаций в первую голову стоят лингвистические причины (категориальная принадлежность, морфологическая структура, позиционная обусловленность слова) и если монологические наблюдения над соотношением в слове языкового и речевого начал экстраполировать на межязыковое сравнение.

Путем простых логических рассуждений нетрудно сделать вывод о том, что китайское слово в большей степени, чем русское, идентифицируется в с и н т а г м а т и ч е с к о м плане. Точно к такому же выводу подводит и анализ конкретного эмпирического материала – наблюдения над характером словарных дефиниций в китайском и русском словарях, особенности актуализации и т.д.

С и н т а г м а т и з м китайского и, соответственно, п а р а д и г м а т и з м русского – это те "типологические доминанты", по которым, выражаясь словами Г.П.Мельникова, "оптимизируются" сравниваемые языки "как самонастраивающиеся системы". Эту особенность КЯ – синтагматический "крен" – верно подметил еще четверть века назад Н.Н.Коротков: "Парадигматика в китайском языке занимает сравнительно небольшое место в языковом строе. На первый же план выступает синтагматика языка, закономерности употребления и соединения элементов в речевой цепи как средства выражения мысли".

В терминах "парадигматика – синтагматика" можно предпринять "фронтальное" объяснение КЯ (на фоне русского). Однако рамки доклада вынуждают ограничиться иллюстрациями самого принципа – как "работает" выбранный нами типологический критерий.

В каждой парадигматической реакции в явной или латентной форме присутствует операция с р а в н е н и я – данное слово сравнивается с другими словами схожего морфологического оформления, звучания, в результате чего данное слово как бы пропитывается "вкусами" и "запахами" других

слов соответствующих парадигм. Это дает широкие возможности для употребления слова в непривычном значении – такова семантическая особенность парадигматического русского языка. Китайский же язык в этом отношении оказывается в "зеркальном отражении". Синтагматизм слова, связь с породившей его речью и в силу этого его большая "изобразительность" не позволяют ему выступать "полномочным посланцем" в непривычных окружениях – для этого требуется либо достаточно "модная" актуализация, либо данное слово заменяется на "материально и семантически расчлененные конструкции и речевые приемы" и непосредственное усиление идеи осуществляется "с помощью аналитических построений и линейным суммированием смыслов его членов" (Р.Г.Котов). С учетом сказанного нетрудно ответить на многие вопросы, связанные с особенностями вторичной номинации, с характером актуального членения китайского предложения, с особой ролью в КЯ семантического фактора и т.д. и, в частности, со слабым межуровневым разграничением. Поскольку китайское слово представлено в сознании преимущественно как включенное в линию, то вполне естественно ожидать, что носитель языка при выражении мысли будет в большей степени апеллировать к "горизонтали" и в меньшей – к "вертикали". Наиболее наглядно это можно продемонстрировать путем сравнения русского подлежащего и китайского топика. Подлежащее управляет грамматическими процессами предложения. Топик же, явление более текстовое, чем сентенциальное, участвует в кореферентных связях за пределами "своего" предложения (Ли, Томпсон), что обусловлено явной печатью речи, лежащей на КЯ. Примеры могут быть продолжены.

Типологический критерий "парадигматика – синтагматика" обладает рядом преимуществ:

- дает возможность "сквозного" описания языка в единых терминах, что создает широкий объяснительный фон;
- иерархизирует типологические особенности и обеспечивает понимание языка с учетом его "среды обитания" – речи, – что сообщает необходимую глубину объяснения;
- исключает жесткость бинарных характеристик типа "либо, либо", давая взамен динамическую характеристику ти-

па "свойство А в языке В представлено в степени В", что обеспечивает объективность объяснения;

– будучи универсальной характеристикой, отражающей как особенности языка, так и структуры языковой памяти, открывает перспективы (через анализ ассоциаций) изучения некоторых аспектов этно- и психолингвистики.

Парадигматика и синтагматика – это абсолютные полюсы, между которыми протекает вся жизнь языка. Не довольствуясь гипертрофированно-синтагматическим "видением мира", слишком отягченным чувственной наглядностью, и стремясь к объективности, язык остраивается от речи через развитие грамматических форм и таким образом движется в сторону парадигматики. Но чрезмерная парадигматизация слишком ослабляет живую связь языка с речью – язык становится статичным. В этом случае язык ждет либо смерть (что и случилось, в частности, с санскритом), либо обратное движение – через падение грамматических форм и нарастание аналитизма к синтагматике. Но амплитуда колебаний от синтагматики к парадигматике и наоборот в разных языках различна. Каждое данное состояние языка – это уникальное соотношение языкового и речевого начал, парадигматики и синтагматики, и именно это соотношение определяет более частные особенности языка, ошибочно принимаемые зачастую за основания типологических описаний.

В.Б.Касевич, В.В.Рыбин,
Е.М.Шабельникова (Ленинград)

ПЕРАДИТИВНОЕ КВАНТОВАНИЕ КИТАЙСКОГО ТЕКСТА (в сопоставлении с японским и русским)

В настоящем сообщении излагаются предварительные результаты эксперимента, в котором на материале ряда языков разной структуры исследуются закономерности квантования звучащего текста в процессе его восприятия. Данные, лежащие в основу сообщения, относятся к китайскому (КН), японскому (Яп) и русскому (Рл) языкам в их сопоставлении.

При восприятии текста человек должен расчленять его на единицы, которые далее условно именуются синтагмами (хотя, как

строго говоря, не все такие отрезки можно квалифицировать как синтагмы в понимании Л.В.Щербы). Синтагма выступает минимальной структурой, в рамках которой воспринимающий речь субъект использует перцептивные (в широком смысле) стратегии, ведущие к распознаванию языковых единиц. Мы отталкиваемся пока от вопроса о грамматических и семантических признаках синтагм. Напомним лишь о предположении, согласно которому в процессах восприятия речи весьма существенную роль должны играть синтагмы, эквивалентные непосредственно составляющим; одним из косвенных свидетельств служит перцептивная неразличимость предложений, которым соответствуют две или более семантические структуры, но лишь одна синтаксическая в терминах непосредственно составляющих (В.Б.Касевич, 1977; 1988).

Ближайшая цель эксперимента заключается в изучении количественных характеристик синтагм в языках разной типологии.

Опишем кратко схему эксперимента. Тексты на китайском, японском и русском языках примерно равного объема (1350–1800 слогов) были записаны на магнитную ленту при среднем темпе произнесения. Содержание экспериментальных текстов представляло некоторую трудность для испытуемых-аудиторов, но не дикторов: тексты были посвящены ценообразованию, они записывались в исполнении дикторов-экономистов, аудиторы же – 10 для каждого из языков – были по преимуществу не связаны с экономикой по роду своей профессиональной деятельности.

Инструкция испытуемых заключалась в требовании записать услышанное. При этом они могли пользоваться лишь клавишей (кнопкой) "пауза", перемотка ленты не разрешалась (ср. О.Ф.Привнова, 1986). Моменты остановки магнитофона трактовались как границы синтагм, на которые испытуемый членит текст в процессе его восприятия.

Как и можно было ожидать, аудиторы обнаружили существенную вариабельность стратегий в квантовании воспринимаемого текста: если для одних типичным было членение текста на синтагмы небольшого объема, то другие стремились к вы-

членению синтагм, максимальных по протяженности. Любопытно, что, несмотря на очевидным образом случайный подбор аудиотров, разброс в данных между ними с указанной точки зрения оказался сопоставимым на материале разных языков: для КЯ минимальное число выделенных синтагм равнялось 107, максимальное — 234, для ЯЯ те же числа представлены как 96 и 167, для РЯ 89 и 169. Иначе говоря, отношение максимальной сегментации текста к минимальной стремится, возможно, к постоянной величине, которая в нашем случае может быть выражена как 0,46–0,57. Среднее число синтагм — 155 для КЯ, 134 — для ЯЯ и 135 — для РЯ.

Интерес представляет объем вычлененных синтагм. Достаточно хорошо известно, что для китайского текста в высшей степени характерно использование так называемых биномов — единиц, состоящих из двух слогоморфем, — в качестве основной ритмической единицы, которая одновременно, как правило, наделена определенными грамматическими и семантическими функциями. На материале РЯ отмечается особая роль двусловных синтагм разного слогового объема; аналогичными данными по ЯЯ мы не располагаем.

Как можно видеть из изложенного, общая тенденция в сегментации текста заключается в укрупнении синтагм, поэтому можно ожидать, что одна синтагма охватывает более одного бинома в КЯ (тексте) и аналогичным образом усложненные комплексы в ЯЯ и РЯ. Соответственно, в протоколах испытуемых подсчитывалась доля синтагм с числом слогов, кратным двум, для всех трех языков и с числом слов, кратным двум, для РЯ и ЯЯ. Иначе говоря, мы в данном случае ставили своей целью выявление роли "биномиальных" синтагм, т.е. синтагм, состоящих из целого числа биномов и аналогичных им единиц.

Значительного расхождения в результатах по сравниваемым языкам не обнаружено. Доля синтагм с числом слогов, кратным двум, в китайском тексте составила в среднем 29,6%, в японском — 31,6%, в русском — 32,6%; в то же время аналогичный показатель в терминах слов для РЯ равнялся 38,4%, а для ЯЯ — 46%.

Картина изменяется существенно, когда мы выделяем

данные по синтагмам, включающим ровно 2 слога. Если в русском и, особенно, японском тексте удельный вес таких синтагм крайне мал - 0,9 и 0,2% соответственно, то для китайского текста этот показатель поднимается до 3%. Отличия еще более заметны на материале д в у с л о в н ы х синтагм: их доля составляет 16,7% для РЯ и 10,3% для ЯЯ.

Примерно ту же ситуацию мы обнаруживаем, сравнивая средний объем синтагм в терминах слогов и слов (рис.1: К - китайский язык, Я - японский, Р - русский, с - синтагмы в терминах слогов, С - в терминах слов). Для китайского текста объем синтагмы в терминах слогов меньше, чем в японском и русском языках, он приближается, скорее, к объему синтагмы тех же языков в терминах слов.

Таким образом, данные в известной степени указывают на особую роль слога (слогоморфемы) в восприятии китайского текста, на относительную иррелевантность слога для квантования русского и японского текста и на сопоставимость слога (слогоморфемы) в КЯ и слова в РЯ (возможно, также в ЯЯ): китайские биномы характеризуются в терминах слогов, русские (если ввести для русского языка то же понятие) - в терминах слов.

Еще один результат эксперимента, который кажется заслуживающим внимания, - это обнаруженная тенденция к относительно стабильной динамике вычленения синтагм разного объема в пространстве текста. На рис. 2 показано, как изменяется объем синтагм от начала текста к его концу (на оси абсцисс значатся номера предложений текста, в интервале которых объем синтагмы сохраняется примерно одинаковым).

Типичная стратегия испытуемых заключается в том, что в начале восприятия текста они прибегают к квантованию последнего на синтагмы максимального или близкого к максимальному объема. Некоторая семантическая затрудненность текста вынуждает, однако, к снижению "темпа распознавания", что наступает во второй-третьей четверти текста, после чего объем вычленяемых синтагм более или менее стабилизируется. Лишь для японского текста картина несколько отличается, что требует особого обсуждения. Динамика квантования,

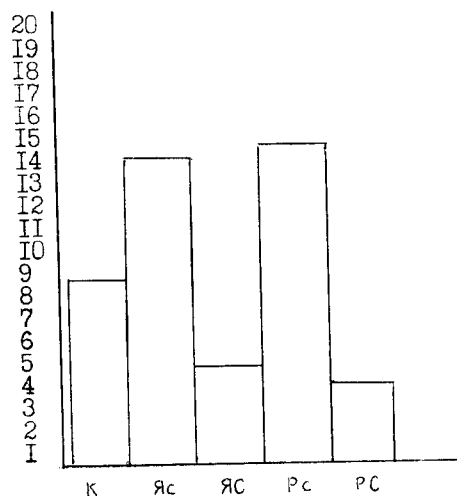

Рис. 1. Средний объем синтагм
(пояснения в тексте)

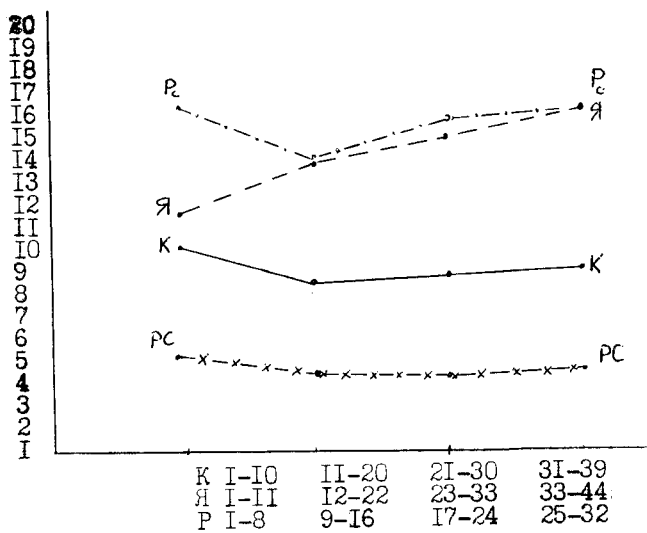

Рис. 2. Динамика квантования текста
(пояснения в тексте)

заметим, не обусловлена в нашем случае динамикой темпа произнесения, который выдерживался как средний на протяжении всего текста.

При любом режиме квантования испытуемые, как можно полагать, во главу угла ставят обеспечение максимальной разборчивости текста. Разборчивость остается высокой применительно ко всем участкам текста: 96,2% для китайского текста (слоговая разборчивость), 94,1 и 94,8 – для японского и русского текстов (словесная разборчивость).

В дальнейшем предполагается вовлечение в эксперимент других языков, в частности сингармонистических, и изучение вклада разных языковых факторов (семантики, грамматики, паузировки, мелодики) в обеспечение квантования текста при его восприятии.

Л.Н.Морев (Москва)

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ КИТАЙСКОГО И ТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ

В Юго-Западном Китае проживает более десятка таязычных народностей общей численностью около 20 млн. чел. Их языки находятся в постоянном контакте с китайским языком (КЯ) и претерпевают изменения под его влиянием. Обратное воздействие, возможно, и существует, но данных на этот счет нет, поэтому можно считать, что в контактной зоне конвергенции китайского и тайских языков (ТЯ) происходит в форме односторонней интерференции КЯ.

Китайский и тайские языки в принципе принадлежат к одному – изолирующему типу языков, для которого характерны: словосложение как основное средство образования номинативных единиц, аналитизм в области морфологии и изоляции в сфере синтаксиса. Однако в рамках этого типа между данными языками имеются довольно существенные различия по типологическим признакам более частного порядка.

Одно из таких типологически существенных различий проявляется в так называемой типологии основного порядка слов: в КЯ порядок слов в простом повествовательном предложении выражается двумя формулами: П-С-Д и П-Д-С, причем в роли

постглагольного дополнения выступает преимущественно один семантический тип дополнения – прямой объект или, по терминологии Филмора, пациент, в то время как в предглагольной позиции могут находиться практически любые виды дополнений при условии наличия при них предлога; в ТЯ, наоборот, обозначения большинства участников действия, кроме субъекта и, реже, орудия, находятся в позиции следования.

В последние десятилетия под воздействием КЯ в ТЯ, распространенных на территории Китая, все более широкое распространение получает конструкция П–Д–С, в которой объектный член включает тайский аналог китайского предлога или кальку с него, как например: kam ⁶ maaw ² tai ² jaaw ² kaai ² laaw ³ jaan ² maa ² "Он затаял меня в дом" (букв. "он брать я тащить входит дом"; ср. Т tai ² и К ba 'брат'); суи ju ² haai ¹ njaa ² he ⁴ gong ¹ "Я работаю на тебя" (букв. "я давать ты делать работа"; ср. Т haai ¹ и К gei "давать"); ди naa ¹ dm ³ ngaai ² nom ³ aar ² "Он купается в реке" (букв. "он находится река купаться"; ср. Т dm ³ и К zai "находиться в").

В КЯ разные позиции дополнения – предшествования или следования – имеют самостоятельное семантическое наполнение, ср. wo gei ta mai zhe-xie shu "Я продал ему эти книги" и wo gei ta mai zhexie shu "Я для него продал эти книги", где две позиции соответствуют различию между адресатом и бенефициантом. В других случаях эти различия или едва уловимы, или не проявляются вообще. В целом, по мнению Мэй Цзинхуан и Ф.Дэвиса, различие между предглагольными и постглагольными сопроводителями действия в КЯ включает противопоставления актуального-виртуальному, сопричастности-безучастности к событию, предела действия-его безграничности, результативности акта-отсутствию результата, невхождения в рему-вхождение в рему. Имеющийся материал по ТЯ не позволяет дать однозначный ответ относительно переноса одновременно с формами из КЯ в ТЯ семантических различий. Некоторые свидетельства на этот счет имеются (см. вышеприведенные примеры), но в общем создается впечатление, что на данном этапе контакта языков прежде всего имеет место интерференция означающих.

Распространение альтернативных порядков следования приглагольных актантов в ТЯ, очевидно, связано с тем, что в ТЯ имеются сходные синтаксические построения, образовавшиеся в результате слияния на глубинном уровне двух пропозиций, связанных отношением одновременности или последовательности. Например; предложение языка буи $ti^I ju^5 zen^5$ $taa^6 aa^I pu^5$ "Он стирает одежду на берегу реки" (букв. "он находится берег река стирать одежда") можно рассматривать как соединение двух пропозиций с одним субъектом, а именно: "он находится на берегу реки", и "(он) стирает одежду", или "он, находясь на берегу, стирает одежду", а предложение того же языка "Ты хорошенько постирай одежду" (букв. "ты брать одежда стирать чистый") также можно трактовать как соединение пропозиций "Ты бери одежду" и "(Ты)стирай чисто". В этих структурах логически сильным членом выступает второй глагол с дополнением, а первый глагол, будучи логически слабым, теряет свою семантическую выразительность и поэтому, например, в китайском языкознании, трактуется как предлог – показатель отношения и только. Описанный механизм распределения участников пропозиции несомненно способствует выравниванию китайских и тайских глагольно-объектных построений.

Следующее принципиальное различие типологического порядка между сравниваемыми языками заключается в разных позициях определения: препозиция в ИЯ и постпозиция в ТЯ.

В целом позиция атрибута в ТЯ проявила себя более устойчивой к воздействию из вне, чем позиция объекта действия. Среди присубстантивных определений в ТЯ наиболее слабо прикрепленным к определенному месту оказался атрибут со значением хозяина, владельца. Такой атрибут наиболее часто находится в препозиции к определяемому существительному, при этом он зачастую включает заимствованный из ИЯ показатель атрибутивных отношений до в его местной форме, например^I:

I Здесь и далее используются следующие сокращения: атр. – показатель атрибутивного отношения, клф. – классификатор, сущ. – существительное, числ. – числительное.

кам jaaw² (li⁶) jaan² "мой дом" (букв. я атр. дом), мулам njaa² mǝi⁴ hmai⁵ kaa⁶ "то твое новое платье" (букв. "ты клф. одежда новый тот"), маонан bong⁶ faa¹ ti¹ khun⁵ "правая улица" (букв. "сторона правый атр. улица"), мулам qaan² niw² kɔ tən "Наш буйвол" (букв. "дом мы атр. буйвол").

Другие синтактико-семантические виды определений в препозиции встречаются лишь эпизодически, например: маонан jaap⁵ djai³ ti tɔ² mja² kaa⁵ "та, только что купленная лошадь" (букв. "только что покупать атр. лошадь тот"), кам maang⁵ waa¹ tji⁶ jaan² "дом с правой стороны" (букв. "сторона правый атр. дом"), ли nei³ slaw³ khwng² tshai³ "эти два дерева" (букв. "этот два клф. дерево").

Уязвимость позиции посессивного атрибута объясняется, очевидно, его довольно слабой связью с определяемым. Обозначая не имманентный, а внешний по отношению к определяемому признак предмета, посессивное определение обычно занимает в цепочке определений крайнюю, маргинальную позицию (после него может следовать только детерминативное определение).

В ТЯ, кроме лы и шан, в препозиции к существительному регулярно встречается также количественный комплекс, состоящий из числительного с классификатором. Например, суй ljo⁴ tiw² laak⁵ "шесть веревок" (букв. "шесть клф. веревка"), буи suang¹ dan¹ tsaa¹ "две чашки" (букв. "два клф. чашка"). Препозиция квантитативного комплекса в данном случае не обусловлена современной интерференцией КЯ. Позиция предшествования для него является обычной, стандартной, он никогда не встречается в указанных языках в постпозиции.

Проблема позиции количественного определения в ТЯ выступает частью вопроса о исторических связях китайского и тайских языков. В истории КЯ позиция количественного определения, в отличие от других видов, менялась несколько раз. Например, в доклассический и классический периоды история КЯ существовали разные порядки: числ. – сущ., сущ. – числ. (редко), и сущ.–числ.–клф. Модель "числ.–клф.–сущ.", как считают исследователи, появилась лишь в период позднекитайского (III–VI вв. н.э.) и стала доминирующей только на рубеже I и II тыс. н.э.

Такое перемещение количественного в предпозицию можно объяснить давлением системы — позиция предшествования у остальных определений. В свою очередь ТЯ, контактировавшие с КЯ на протяжении долгого времени, вместе с числительными могли перенять их позицию предшествования. Но у этой гипотезы имеется альтернативный вариант. В языковом мышлении тайцев последовательность "числ. — клф. — сущ." издревле могла осмысляться как эндоцентрическая атрибутивная синтагма, в которой члены противопоставлены по уровню абстракции: понятие числа — атрибутируемое ему понятие общего класса и атрибутируемого последнему понятие конкретного класса или вида. (ср. с русск. три головы скота, где грамматическое и семантическое не согласуются друг с другом). В этом случае предпозиция количественного комплекса в ТЯ должна рассматриваться изначальной, оригинальной.

Кроме указанных трансформаций типобразующих признаков в ТЯ можно назвать еще несколько наиболее явно выраженных, как сопряжение двух глаголов, связанных результативными отношениями, например, *чжуан jing² taai¹ soong¹ tu² kuk³* "убить двух тигров" (букв. "стрелять умирать два клф. тигр") вм. исконного *jing² soong¹ tu² kuk³ taai¹* (букв. "стрелять два клф. тигр умирать"); перенос некоторых семантико-грамматических категорий КЯ вместе со способами их реализации, например, категории неопределенной кратности действия, как в *мулам chi⁵ tshaa¹ jaa⁶ tui⁶ taa⁶, fi¹-tshaa¹ jaa⁶* "и на машине ездил, и на поезде ездил", где морфема *taa⁶* "проходить" по значению и функционально соответствует китайскому морфеме *kuo* "проходить". Имеются и другие более частные инновации типологического плана.

Сказанное выше свидетельствует о постепенном выравнивании тайского и китайского синтаксиса, конвергенции типологических черт китайского и тайских языков.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОЛИ ПРОЦЕССА КОНВЕРГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, по вопросу о происхождении китайского языка (КЯ) существует несколько основных гипотез. Наиболее устоявшейся является теория о его изначально автохтонном формировании. Некоторые ученые высказывали мнение о приходе носителей протокитайского языка из других регионов, в частности, существует гипотеза считать Западную Азию прародиной синокавказской макросемьи. Эти предположения и их модификации базируются на генеалогическом принципе сравнительно-исторического языкознания, на бесспорности признания происхождения определенной группы языков, например, синотибетских языков из одного источника. К сожалению, современное состояние теоретического языкознания, неразработанность, а потому и ограниченность методов исследования не дают возможности глубоко проникнуть в историю формирования, контактов, и развития языков, распознать смешанный характер языка в древности.

Ряд зарубежных и отечественных исследователей неоднократно высказывал мысль о смешанном характере китайского языка при его формировании. На основе теснейшей связи истории языка и истории народа современная наука утверждает смешанность китайского этноса, объясняя это явление спецификой формирования его локальных подразделений. Некоторые специалисты считают, что во второй половине II тыс. до н.э. иньцы или по крайней мере его социальная верхушка говорили на языке южноазиатского типа (см. работы М.В.Софронова). Если же признавать, что иньские надписи на костях и западножюуские надписи на бронзе сделаны на одном языке, то очевидно типологические изменения произошли в эпоху Восточного Чжоу, при этом высказывается мысль о типологических различиях китайского и тибето-бирманских языков и сходства китайского и тайского.

Исторически протокитайский и прототайские языки примерно с середины I тыс. до н.э. находились в длительных

ареальных связях. В результате конвергентного развития языков (или иначе – массовых явлений языковой интерференции) возникло сродство этих языков, которое выразилось в формировании сходных устойчивых типологических черт у генетически неродственных языков, носители которых жили в одном ареале как по соседству, так и чересполосно (М.Л.Благоднов). Процесс конвергенции, очевидно, шел по-разному у прототайцев, ушедших из районов южнее Янцзы на Индокитайский полуостров, и у оставшихся групп, в частности, на территории современной провинции Гуандун, т.е. вопрос о языке-победителе решался неоднозначно. И хотя в последнем случае победителем вышел ЯЯ даже сегодня некоторые ученые не без оснований рассматривают его юэский (гуандунский) диалект в качестве самостоятельного языка. Представляется, что с этнолингвистических позиций было бы перспективным рассмотрение процесса формирования по крайней мере некоторых диалектов ЯЯ как результат его смешения с языками аборигенного населения соответствующих регионов. Очевидно, в направлении развития смешанных языков решающее значение принадлежит экстралингвистическим факторам.

Для сравнения приведем пример развития японского языка (ЯЯ). Специалисты признают, что в современном ЯЯ уже более тысячи лет сосуществуют исконно японская и китайская по происхождению подсистемы, а потому, с учетом особенностей его лексики, синтаксиса и морфологии, он может быть назван японо-китайским (см. работы Н.Н.Конрада, А.А.Холодовича, В.М.Алпатова).

Можно с известной долей вероятности предположить, что в результате длительных постоянных интенсивных этнокультурных контактов между прототунгусо-маньчжурскими и прототюркскими языками образовалась новая лингвистическая единица с самостоятельной типологической структурой – протомонгольский язык, положивший начало сродству тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. На развитие нового языка, несомненно, влияли не только и не столько лингвистические, сколько экстралингвистические факторы.

Общезвестно, что во второй половине II тыс. н.э. в

результате контактов пришлого населения с коренными жителями стран Азии, Африки и Америки продолжали возникать в результате смешения новые языки, получившие в литературе название пиджинов. Изменения в исходном языке были настолько глубоки и широки, что это приводило к существенным сдвигам в строении самой языковой системы, к созданию в ней новой особой подсистемы, сосуществовавшей с изначальной системой (возможно, с изначальными системами), которые в новой ситуации становятся равнозначными (или почти равнозначными) подсистемами. Поскольку китайцы широко расселились во второй половине II тыс. н.э. по миру и не знали языков соседних народов, то во многих местах возникали на разной языковой основе смешанные языки. По существу это своеобразные территориально-контактные лингва франка того или иного региона. Они не являются родными ни для одного этноса, а возникают как необходимое средство общения полиэтнического сообщества при незнании языков друг друга. Например, КЯ взаимодействуя с русским на территории Дальнего Востока и Маньчжурии, дал начало китайско-русскому диалекту. Влияние КЯ на русский было столь значительным, что сформировался, начиная с конца XVIII в., особый языковой организм, который служил средством общения прежде всего русских и китайцев в названных районах. На нем существовали даже фольклорные жанры (песни, стихотворения), что следует квалифицировать как свидетельство иерархически его довольно высокого статуса в коммуникативной сфере (см. работы А.Г.Епринципа). Такого рода смешанные языки иногда создаются на базе смешения нескольких языков. Так, в Синьцзяне, в районе Чугучака существует особый смешанный язык — урта тил ("средний язык"), который понятен русским, китайцам, уйгурам, татарам и др. Разного рода языковые смешения в целях общения образуются довольно быстро. Так, в 50-е года в Пекине среди советских специалистов и членов их семей образовался своеобразный русско-китайский пиджин.

Глубина языковой смешанности бывает различной даже в одной стране. Характер смешанного языка зависит от того, какой язык основной, подвергающийся влиянию, а какой —

вспомогательный. Например, в Малайзии существует базарный малайский язык и бабамалайский язык – смешанный язык китайско-малайских метисов. Первый представляет собой типичный стабильный пиджин на малайской основе и является своеобразным простейшим контактивным языком общения между малайцами, китайцами, тамилами и др. На нем бытует китайский фольклор, в частности, в форме устного сказа (см. работу Т.В.Горофеевой).

В последние годы в китайской научной печати появились сообщения об особом языке утуньцев, которые (свыше 2 тыс. чел.) проживают в уезде Тунжэнь провинции Цинхай. Их язык представляет собой смешение пяти языков – китайского (65% их лексики), тибетского (около 20%), монгольского, баоаньского и саларского (около 10%), смешанная китайско-тибетская лексика составляет 5%. Фонетическая система китайско-тибетская: грамматика значительно отличается от китайской. Одни ученые рассматривают язык утуньцев как диалект китайского, другие – как диалект тибетского. Язык утуньцев можно отнести к категории креольских, так как они между собой говорят на этом языке. Вместе с тем они знают также тибетский язык, на котором говорят с соседями (см. работы Чэнь Найсюна). Сейчас, на данном этапе, есть все основания считать язык утуньцев самостоятельным языком, но при этом надо иметь в виду, что под влиянием новых экстралингвистических факторов в дальнейшем процесс может пойти и по-иному. Роль этих факторов в становлении языка как самостоятельной единицы исключительно велика.

Говоря о роли процесса конвергенции в формировании и развитии китайского языка, нельзя не признать, что одним из наименее разработанных в лингвистике вопросов является вопрос о смешении языков: еще ненакоплен достаточный материал для рассмотрения проблемы, не выяснено, когда, как и при каких обстоятельствах конкретно эти процессы протекали, не отработана для проведения исследований специальная методика и не согласована терминология. Особо нуждается в уточнении положение о том, что в результате смешения языков происходит упрощение языка. Б.Я.Владимирцов например, счи-

тал, что новые диалекты, образовавшиеся в контактной зоне на смешанной основе, не уступают ни в каком отношении исходным языкам (диалектам). Важно признать проблему смешения языков междисциплинарной, здесь необходимо соединить усилия прежде всего лингвистов и этнографов.

С.Е. Яхонтов (Ленинград)

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ И ИСТОРИЯ ДИАЛЕКТОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

При обсуждении вопросов истории и диалектологии китайского языка (КЯ) здесь будет использован диалектический список М.Свадеша из 100 лексических единиц. Некоторым понятиям списка трудно подобрать однозначный эквивалент в КЯ того или иного периода: это "весь (все)", "жир", "кора", "мы", "перо"; слово "теплый" удобнее заменить на "горячий", "видеть" и "слышать" — соответственно на "смотреть" и "слушать". Первые пять мы не учитываем. Если перевести оставшиеся 95 слов на древнекитайский (язык первых памятников классического периода, сложившихся около I в. до н.э.) и на современный путунхуа, то 33 из них в двух списках не совпадут, т.е. в ходе истории КЯ 33 слова списка оказались замененными. Сюда относятся:

"глаз": му — яньцзин	"кожа": фу — пи
"голова": шоу — тоу, наодай	"корень": бэнь — гэр
"гореть": жань — шао	"красный": чи — хун
"дать": юй — гэй	"кусать": не — яо
"два": эр — лян	"лежать": во — тан
"дерево": му — шу	"нога": цзу — цзяо
"есть": ши — чи	"пить": инь — хэ
"живот": фу — дучзи	"плавать": ю — фу (шуй)
"зеленый": цин — люй	"полный": ши — мань
"идти": син — цзоу	"рот": коу — цзуй
"сказать": юэ, янь — шо	"холодный": хань — лэн
"смотреть": ши — кань	"хороший": шань — хао
"собака": цуань — гоу	"что": хэ — шэмме
"солнце": жи — тайян	"шея": цзин — боцзы

"спать": мэй - шуй (цзяо)

"этот": цы - чжэ

"стоять": ли - чжань

"яйцо": луань - (цзи), дань,

"тот": би - на

(цзи) цзыр

Древне китайские слова, которым в современном языке соответствуют двухсложные слова с тем же корнем (тоуфа "волосы", шитоу "камень", юэлян "луна" и др.), мы считаем сохранившимися (не замененными). Местоимение ни "ты" имеет то же происхождение, что древнекитайское эр (хотя пишется другим иероглифом) и тоже не включено в число замен. Более чем в трети случаев слова, пришедшие на смену древнекитайским, уже присутствовали в древнекитайском языке, но имели там другое значение (лян "оба", пи "шкура животного", яо "грызть" "кость" и др.).

Сохранение 62 слов из 95 через 2 400 лет предполагает коэффициент сохраняемости, равный 84 %. Это ниже среднего значения коэффициента, вычисленного М.Свадешем для списка из 100 слов по нескольким языкам - 86 %.

Историю отдельных слов можно проследить по текстам и словарям, определив приблизительное время их появления, исчезновения или изменения значений. Правда, при этом неизбежны ошибки, в особенности если речь идет о замене слова таким, которое уже существовало в языке (как замена эр "два" на лян). Все же попробуем указать произведения или типы текстов, в которых впервые появляется каждое новое слово (новый корень или слово в новом значении), вытесняя своего предшественника.

"Ши цзи" (II-I вв. до н.э.): "глаз" (в односложной форме - янь), "голова", "дерево", "корень", "собака", "хороший", и вероятно, "кожа" (тоу "голова" и шу "дерево" встречаются и в некоторых более ранних текстах; хао "хороший" вполне обычно в древнем "Ши цзине", но отсутствует в текстах IV-III вв. до н.э.). Буддийские переводы III-V вв.: "гореть", "кусать", "нога", "спать", "холодный" и, вероятно, "красный", "полный". "Записи разговоров" (юй лу) буддийских монахов и поэзия эпохи Тан (VII-IX вв.): "смотреть", "что", "этот"; в это же время появляется слово ци "есть", употребляющееся и в значении "пить". Бяньвэни из Дуньхуана (IX-X

вв.): "два", "зеленый" (в разговорном языке этого времени лян уже явно вытеснило эр в значении "два", поскольку только лян сочетается с классификаторами; но не исключено, что на самом деле замена произошла значительно раньше). Неоконфуцианские юй лу и стихи эпохи Сун (XI–XIII вв.): "живот" (ду), "сказать", "тот". "Шуй ху чжуань" и некоторые более ранние рассказы и пьесы (XIII–XV вв.): "плавать", "шея". "Си ю цзи" (XVI в): "идти", "стоять". Романы и словари XVIII в.: "дать", "лежать", "пить", "рот", "яйцо", а также "глаз" в его современной форме – яньцзин. Видимо, еще позже появились "есть" (чи – пишется тем же иероглифом, что ци, но имеет другое происхождение), "солнце", а также наодай "голова", считающееся диалектным.

Изменения в пределах диагностического списка происходили в общем равномерно – появлялись около 7 новых слов каждые 500 лет, хотя заметно некоторое ускорение процесса в начале и в конце рассматриваемого отрезка времени, т.е. при переходе от древнекитайского к среднекитайскому и в конце новокитайского периодов.

Большинство древнекитайских слов, оказавшихся замененными ранее середины I тыс. н.э., исчезли во всех современных диалектах. Однако древний корень "глаз" сохранился в диалектах Минь и хакка, "холодный" – в Минь, "собака" – только в подгруппе Минь-бэй; "кусать" и "нога" в Минь обозначаются не теми словами, что в остальных диалектах. Древнее слово "есть" сохраняется в диалектах Минь, Юэ, хакка; в большинстве остальных групп представлена форма, соответствующая пекинскому чтению ци. С другими словами, изменившимися в периоды Тан и Сун, положение сложное, особенно с местоимениями – часто каждая группа или подгруппа имеет свою особую форму. Слова "два" и "зеленый" одинаковы во всех группах диалектов. Древнекитайское слово "плавать" сохранилось в группах У и Юэ (в Минь, хакка и, возможно, в группе Гань – другое, близкое слово цю), "шея" – во всех диалектах, кроме Минь и северного гуаньхуа, "идти" – в Минь, Юэ, хакка (также в диалекте Дункоу из группы Сян, данные по которому неполны), "стоять" – только в группе У.

Среди слов путунхуа, появившихся во II тыс. н.э., большая часть получила распространение только в группе гуаньхуа или также в отдельных южных диалектах (Чанша, Наньчан), но некоторые – только в части диалектов гуаньхуа (чи "есть", а также "пить", "давать", "шея". Слова цзоу "идти" и дань "яйцо" свойственны, помимо гуаньхуа, также диалектам У, слово "живот" с корнем ду есть в диалектах всех групп, кроме Минь; наконец, цзуй (первоначально "клюв") получило значение "рот" во всех современных диалектах.

Новые слова возникали и в южных диалектах (при сохранении древнего слова на севере), но их трудно датировать, и мы их не рассматриваем.

Таким образом, первые следы обособления диалектов Минь видны уже в начале новой эры, если не раньше: некоторые новые слова, появившиеся в это время, в Минь не проникают. Остальные группы разошлись приблизительно в VI-X вв., причем Юэ и хакка обособились раньше других. Диалекты Чанша и Наньчана отделились сравнительно поздно или же испытали сильное вторичное влияние гуаньхуа. Границы диалектных групп после их разделения не становились совершенно непроницаемыми; ср., например, очень недавнюю замену слова "рот", охватившую все территориальные разновидности КЯ.

Эти выводы в общем согласуются с датировками, основанными на данных исторической фонетики КЯ.

О ДВУХ КОМПОНЕНТАХ МАШИННОГО БАНКА ДАННЫХ ПО СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ

Разрабатываемый в Московском университете и в Институте иностранных языков им. М.Тореза Машинный банк семантических данных имеет двоякую направленность: с одной стороны, он ориентирован на создание базы для типологических сопоставлений и обобщений в области наиболее существенных семантических механизмов разносистемных языков, а с другой стороны, он позволяет осуществлять отработку путей компьютеризации лексикографического труда для отдельных языков. Принятая в настоящем проекте концепция предусматривает использование трех типов первичных источников материала. Это тексты, словари и результаты целенаправленных экспериментов. В докладе описываются два компонента упомянутого Банка. Оба они связаны с исследованием структуры значения наиболее употребительных слов в языках мира, т.е. с экспликацией механизмов метафоры. Первый из описываемых компонентов — это система тезаурусно-дистрибутивной характеристики лексем на основе полевых исследований экспериментального характера на материале дунганского языка. Второй компонент — это система каталогизации и сопоставления узуальных значений лексем, учитывающая сведения из разных источников, преимущественно из словарей. Оба компонента реализованы на персональном компьютере с помощью стандартных средств управления базами данных dBASE II. Вся информация при этом представляется в табличной форме. (Обработку собранного материала и ввод его в Машинный банк осуществляли студентки МГУ И.Галина и Н.Дзергач).

I. Система тезаурусно-дистрибутивной характеристики лексем. Цели данной системы заключаются в том, чтобы создать массив синтагм, необходимый и достаточный для полуматематического выявления структуры значения исследуемых лексем, а также для того, чтобы черпать из этого массива иллюстративный материал для словарей разных типов.

Система включает в себя базы данных разных видов и

программное обеспечение. К базам данных относятся: массив ключевых слов (в настоящее время – прилагательных дунганского языка); рабочий тезаурус диагностических слов (в нашем случае – существительных); массив синтагм из полевых протоколов; массив тезаурусно-дистрибутивных паспортов ключевых слов (паспорта строятся специальной программой на основе трех предыдущих массивов).

Массив изучаемых прилагательных содержит орфографическую запись, обозначение тонов и предварительные переводы на русский язык. Тезаурус диагностических существительных включает 110 специально отобранных существительных, каждому из которых приписана его тезаурусная характеристика, т.е. номер семантического микрополя (этот номер отражает место существительного в шестиуровневой иерархии тезауруса). Массив синтагм содержит номера членов словосочетания и его перевод на русский язык (этот материал берется из реальных предложений, полученных в полевых экспериментах). Наконец, важнейший для решения исследовательских задач массив – это специальным образом систематизированные паспорта прилагательных. Паспорт конкретного прилагательного состоит из дистрибутивных зон, каждая из которых имеет в качестве заголовка название микрополя существительных, а внутри этой зоны дается список соответствующих существительных. Каждому из них приписан либо "0" (сочетание невозможно), либо "1" (сочетание возможно, и тогда в этой же строке записывается перевод синтагмы). Построение таких паспортов ведется автоматически.

Задачи, решаемые лингвистом с помощью такой системы, связаны прежде всего с практикой лексикографии. Составляя исчерпывающий (с семантической точки зрения словарь дунганского языка) мы должны прежде всего решить главную проблему: какие узусальные значения должны различаться в семантической структуре описываемого слова. Решить эту задачу помогает использование тезаурусно-дистрибутивного паспорта (это основная форма выдачи материала по запросу лексикографа, но могут использоваться и редуцированные формы выдачи – только классов положительной дистрибуции, только отрица-

тельной дистрибуции и т.п.). Например, для слова жун система выдает паспорт, в котором оказывается четыре класса положительной дистрибуции: "Пространство", "Звук", "Человек", "Животные". Эти классы употреблений прилагательного заставляют нас выдвинуть первоначальную гипотезу о четырех узуальных значениях этого слова. Дополнительный семантический анализ приводит нас к выводу, что таких значений три: 1. "острый" (угол), 2. "пронзительный" (голос), 3. "хитрый" (человек, заяц). Далее, предоставляемые системой паспорта используются также для отбора иллюстративных синтагм с учетом регулярной и нерегулярной сочетаемости в рамках тех или иных классов. Более того, когда на фоне сплошной отрицательной сочетаемости в классе наблюдается единственная допустимая синтагма, мы вправе рассмотреть гипотезу о том, что перед нами идиоматическое выражение (например, жун хуа в значении "бранные слова" при прямом значении жун "тяжелый (по весу)"). С типологической точки зрения интересен, например, анализ дистрибутивных ожиданий: так, ожидаемые на основании русской лексической системы сочетания типа "острое слово", "острая еда" в полевых экспериментах по дунганскому языку не подтвердились, о чем и говорит соответствующий паспорт дунганского слова.

2. Система типологической каталогизации и сопоставления узуальных значений. Данная система предназначена для создания машинного массива узуальных значений, обнаруженных у эквивалентных лексем разных языков и для последующего типологического исследования полисемии с помощью метода компонентного анализа.

Базы данных этой системы включают: массив прямых значений; массив переносных значений; массив типов полисемических корреляций (эти типы строятся специальной программой на основе двух предыдущих массивов).

Во всех трех базах данных используется метаязык компонентного анализа. При описании, например, глаголов выделяются, во-первых, семантические компоненты, охватываемые признаком "Тип действия" (таких компонентов мы различаем 24: "ДВИЖЕНИЕ", "ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ", "ВОСПРИЯТИЕ" и

др.), а во-вторых, семантические компоненты, группируемые по целому ряду аспектных признаков, таких, как "Интенсивность" (с тремя значениями "БОЛЬШАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ", "МАЛАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ", "НЕМАРКИРОВАННАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ"), "Каузализация изменений в объекте" ("УТРАТА ФУНКЦИИ", "ОТДЕЛЕНИЕ ЧАСТИ" и др.) и т.д. Кроме того, в нашем метаязыке используются так называемые переходящие компоненты, характеризующие субъект или объект глагола: "ОДУШЕВЛЕННОСТЬ", "ВЕЩЕСТВО", "АБСТРАКТНОСТЬ" и др. Все признаки и компоненты имеют стандартную нумерацию в нашей системе.

Массив прямых значений содержит их символические обозначения и соответствующие цепочки семантических компонентов. Массив переносных значений включает следующие столбцы: порядковый номер записи; символическое обозначение прямого значения, с которым связано данное переносное значение; обозначение языка (всего на сегодняшний день введен материал по 30 языкам, включая китайский); орфографическая запись слова на данном языке; развернутый перевод переносного значения на русский язык; **к** столбцов для записи семантических компонентов.

Массив типов полисемических корреляций может строиться специальными программами в разных вариантах в зависимости от конкретных задач, решаемых исследователем-типологом. Наиболее естественный первый шаг в этом направлении — выявление типов отличий переносных значений от прямых. В этом случае каждому переносному значению автоматически приписывается цепочка номеров семантических признаков, по которым оно отличается от соответствующего прямого, и массив типов полисемических корреляций получается путем сортировки массива переносных значений по типам этих отличий. Типы корреляций (реализованные в классах переносных значений) располагаются в массиве по убыванию количественного состава этих классов.

ненных полисем.

Подобного рода система позволяет осуществлять типологическое портретирование лексической системы любого языка, выявлять тенденции развития полисемии.

МОДЕЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЧЕТНЫХ СЛОВ В КОЛИЧЕСТВЕННОМ
ВЫРАЖЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ГЛАГОЛОВ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

Проблема счетных слов как в современном китайском языке, так и в древнекитайском языке остается малоизученной.

Для комплексного изучения счетных слов, а также для понимания специфики счетных слов необходимо иметь представление о счетных словах в древнекитайском языке.

Под счетными словами понимаются слова, являющиеся единицами количественного выражения лиц, предметов, явлений и действий. Советские китаеведы счетные слова относят к незнаменательным или полужнаменательным словам.

Счетные слова в древнекитайском языке не имели такого широкого распространения, как в современном китайском языке, однако наличие их бесспорно.

Хронологически именные счетные слова возникли намного раньше, чем глагольные счетные слова. Как свидетельствуют примеры, именные счетные слова появляются во времена Чжоуской династии /周 чжоу 1122 - 247 г. до н.э./, но вплоть до Цинской династии /цин 247 - 207 г. до н.э./ не имеют широкого распространения. Надо отметить, что в основном это были единицы измерения /меры веса, длины и т.д./. Лишь после династии Хань /хань - 206 г. до н.э. - 222 г.н.э./ стали появляться собственно именные счетные слова.

Каждое явление в языке, прежде чем сформироваться в том виде, в каком оно предстает в настоящий момент, в течение определенного времени проходит процесс становления. В языке в процессе исторического развития сосуществуют различные варианты выражения того или иного грамматического значения. Диакроническое исследование счетных слов в древнекитайском языке необходимо для лучшего понимания природы и специфики счетных слов в современном китайском языке. Далее приведем модели, употреблявшиеся в древнекитайском языке для количественного выражения имен.

Первая модель: "числит. + сущ."

使弈秋海二人弈，其一人专心致志，惟弈秋之为听（《孟子》）

Ши и цю хю эр жэнь и, ци и жэнь чуань синь чжи чжи, вэй и цю чжи вэй тин.

"Шахматист Цю преподавал игру на шашках двум людям, один из них был сосредоточен и целеустремлен, внимательно вслушивался в слова шахматиста Цю" /"Мэнцзы"/.

Вторая модель: "сущ. + числит."

乃社于新邑,牛一,羊一,豕一. (《书经》)

Най шэ юй синь и, ню и, ни и, ши и.

"По случаю построенного нового города предкам были принесены в жертву: одна корова, один баран, одна свинья" /из "Цзю-зин"/.

Третья модель: "сущ. + числит. + счетное слово"

皆贝易王五壘,马三匹. (《左传》)

Цзе сы юй у цзюэ, ма сань ши.

"Каждый подарил по пять пар нефритовых изделий и по три лошади" /"Цзо чуань"/.

Из выше приведенных моделей количественного выражения имен первая модель в течение длительного времени оставалась продуктивной. Вторая модель была менее продуктивной. Что касается третьей модели, то она отличается от предыдущих наличием счетного слова.

Четвертая модель: "числит. + сч. сл. + сущ."

毛先生以三寸舌,疆于百万之师. (《史记》)

Мао сяньшен и саньцун чжи шэ, цзян юй байвань чжи ши.

"Господин Мао был искусным оратором, в делах он мог превзойти миллионную армию" /"Шинцзи"/.

Таким образом, в древнекитайском языке предметно-вещественное количество могло выражаться использованием как одного числительного, так и сочетанием числительного и счетного слова. В таких случаях наблюдается функционирование счетного комплекса после существительных. Если счетный комплекс выступал в препозиции, то, как правило, между ним и существительным употреблялось служебное слово чжи, показатель атрибутивных отношений.

Во времена династий Суй /隋 суй - 589 г.н.э./ и Тан /唐 тан - 619 г.н.э./ модели употребления счетных слов начали меняться: не только числительные и счетные слова-единицы измерения могли употребляться с существительными, в препози-

ции, без служебного показателя 之 чи, но и собственно счетные слова.

Пятая модель: "числит. + сч.сл. + сущ./
一尺布, 尚可缝; 一斗粟, 尚可舂 (《史记》)
И чи бу, шан кэ фэн; и доу су, шан кэ чунь.

"Материю в один чи можно шить, а ковш зерна можно молотить".
/"шицзи"/.

房州有异人常戴三朵花. (苏轼《三朵花诗序》)
Санчжоу ю дао жэнь чан дай сань дуо хуа.

"В Санчжоу был один удивительный человек, он часто на голове носил три цветка" /"Саньдуо хуа ши сюй" Су Ши/.

Глагольные счетные слова в отличие от именных счетных слов появились намного позже, приблизительно, в период Чжанго "Воюющих царств" /战国 Чжанго 403 - 221 г. до н.э./.

Первая модель: "числит. + глагол"
齐人三鼓 (《左传》)
Ци хэнь сань гу.

"Человек из государства Ци трижды ударил в барабан". /из "Цэо чжуань"/.

Данный пример есть пример препозиционного употребления числительного в функции обстоятельства действия.

В древнекитайском языке использовалась модель, в которой перед постпозитивным числительным употреблялось служебное слово 者 чи. В таких случаях 者 чи предшествующую часть предложений субстантивировало, превращая в подлежащее, а последующая часть становилась сказуемым.

Вторая модель: "глагол + 者 + числит."
(赵高) 上殿欲坏者三. (《史记》)

/Чжао Гао/ шан диянь юй хуай чжи сань.

"Совершенного зла в ведении государственных дел /Чжао Гао/ было много" /"шицзи"/.

Третья модель: "глагол + числит. + сч.сл."

吾于书读不过三遍, 终身不忘. (《张中丞传后序》)
У юй шу, ду бу го сань бянь, чжон шэн бу ван.

"Я прочитывал книги не более трех раз, чтобы запомнить навсегда" /"Чжан чжун чэн чжуань хоу сюй"/.

Употребление счетного слова в данном примере аналогично употреблению счетных слов в современном китайском языке.

Готлиб О.М. Некоторые способы выражения каузативности в современном китайском языке	69
Губарь Н.Я. Конструкции с препозитивной и постпозитивной характеристикой образа и степени действия в китайском языке как синтаксические синонимы.....	72
Гуревич И.С. Стилиевые особенности юйлу как жанра(Грамматическая стилистика).....	73
Ефимова С.П. Факторы, влияющие на формирование синтаксических связей в современном китайском языке.....	78
Кульчицкая И.Б. Две формы существования слова в китайском языке.....	82
Никитина Т.Н. Переходные и непереходные глаголы в китайском языке.....	87
Рябская М.В. К вопросу о механизмах функционирования грамматической нормы путунхуа.....	91
Солнцев В.М. О характере значения существительных в китайском языке.....	95
Солнцева Н.В. К вопросу о контроле агенса над действием.....	100
Софронов М.В. Грамматическая и семантическая структура трехсложных лексических единиц китайского языка.....	105
Тань Аошунан. Функциональный анализ структур китайских простых предложений.....	108
Хабибуллин В.А. Сопоставительный порядок определений в современном китайском и английском языках	112
Шутова Е.И. Грамматическая роль и соотношение синтаксических средств организации подчинительных структур в китайском языке.....	116
Шукин А.А. К вопросу о границах абзаца и сверхфразовых единств (на материале китайского языка)	120
III. ЛЕКСИКА, ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Горелов В.И. Некоторые вопросы ономазиологии (на материале китайского языка).....	122
Дашевская Г.Я. Современные идеографические словари китайского языка.....	126
Задорожный М.И. О факторах заимствуемости эквивалентных лексических единиц (на материале	

СОДЕРЖАНИЕ

I. ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ, ГРАФИКА

Алексахин А.Н. Инспираторные гласные в фонетических системах шанхайского и мэйсяньского диалектов и их фонетические корреспонденты - ретрофлексные гласные - в фонетической системе пекинского диалекта.....	3
Алексахин А.Н., Долотин К.И. Опыт акустического анализа разнотональных гласных пекинского, шанхайского, мэйсяньского диалектов китайского языка.....	7
Завьялова О.И. Графическая система и диалектная основа сино-арабских памятников.....	9
Имазов М.Х. О просодических смыслоразличительных средствах в дунганском языке.....	14
Каралетьянц А.М. Распределение слов по длине и фонология легкого тона.....	18
Комарова И.Н. Специфические особенности тибетского письма.....	26
Меньшиков В.П. Характеристика занятий типа "В" в интенсивном обучении иноязычному общению.....	29
Резаненко В.Ф. К проблеме преемственности свойств внутренней формы китайских иероглифов.....	33
Румянцев Е.Н. Из истории реформы китайской письменности.....	38
Соколовский А.Я. Фонетические особенности ляонинского наречия (КНР).....	43
Шевцов С.Н. Вопросы типологии и функционирования китайского архаичного письма.....	48
Янсон Р.А. О терминологическом и понятийном аппарате слоговой фонологии.....	56
II. ГРАММАТИКА: МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	
Беликов А.А. Суффиксы - цзы и -эр и нормализация китайского языка.....	61
Войцехович И.В. К вопросу об основных узуальных и окказиональных изменениях в китайских пословицах.....	64

дуганско-русского языкового взаимодействия).....	130
Куцай Т.В. Общая характеристика некоторых семантических полей в рамках группы глаголов с общим значением "брать" (на материале китайского языка).....	133
Семенас А.Л. Об отражении лексической многозначности в словаре.....	136
Фролова О.П. Лексико-семантическая группа глаголов движения в китайском языке.....	140
Хаматова А.А. О некоторых тенденциях развития лексики современного китайского языка.....	144
Денисова Н.В. Лексема "УЕ" в китайском языке и ее корреляты в русском языке	148

IV. ТИПОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ефремов А.М. К вопросу об универсальном типологическом критерии.....	153
Касевич В.Б., Рыбин В.В., Шабельникова Е.М. Перцептивное квантование китайского текста (в сопоставлении с японским и русским).....	158
Морев Л.Н. Типологическая конвергенция китайского и тайских языков на территории Китая...	163
Решетов А.М. Об изучении роли процесса конвергенции в формировании и развитии китайского языка.....	168
Яхонтов С.Е. Изменения в лексике и история диалектов китайского языка.....	172
Зевахина Т.С. О двух компонентах машинного банка данных по семантической типологии языков	176
Каримов А.А. Модели употребления счетных слов в количественном выражении существительных и глаголов.....	180

Подписано к печати 18.05.90
Объем 11,5 п.л. Печать офсетная
Тираж 299 экз. Зак. 139

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28